

ЦЕНТР МОЛОДЕЖНЫХ ИННОВАЦИЙ

совместно с

ООО «Лаборатория интеллекта»

НАУЧНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ

Молодежный сборник научных статей

ВЫПУСК №7

*серия гуманитарных наук и искусств
серия экономических наук
серия химических наук и наук о Земле
серия биологических наук
серия медицинских наук*

УДК 001.3 (045)
ББК 72я43
НЗ4

Редакционная группа:
Сафонова Ю.М., Казбанов В.В., Никифорова С.Л.

НЗ4 Научные стремления. / ООО «Лаборатория интеллекта» и Центр
молодежных инноваций. — Минск: "Энциклопедикс", 2013 — 104 с.

ISBN 978-985-6958-90-1

Сборник содержит научные статьи, отражающие результаты научных
исследований студентов и молодых ученых Беларуси. Все материалы
представлены в авторской редакции.

УДК 001.3 (045)
ББК 72я43

ISBN 978-985-6958-90-1

© «Лаборатория интеллекта», 2013
© Оформление, УП «Энциклопедикс», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Серия «Гуманитарные науки и искусства»

<i>Секция «Педагогика и психология»</i>	5
Зубко Д.Г. Уровень конфликтности и доминирующие стратегии поведения учащихся и преподавателей колледжа	5
Кучинская М.И., Сидоренко Я.В., Кремлева О.Е. Формирование экологической культуры студентов через организацию деятельности волонтерского объединения «Green sun»	10
<i>Секция «История и археология. Политология»</i>	14
Колосов А.В. О локальных культурах свидерских традиций в мезолите Восточной Беларуси	14
Михайловский В.С. Неомарксистский исторический материализм: методология политического анализа	26
Хомченко Я.Л. Новые памятники каменного и бронзового веков Кричевского Посожья (по материалам работ 2012 г.)	29
<i>Секция «Юриспруденция и право»</i>	37
Караленя С.Ф., Климашин А.Г. Ноосферная экономика с точки зрения правового регулирования. Повышение качества развития инновационной инфраструктуры за счёт увеличения потенциала системы образования	37
Шугай А.А. Защита персональных данных: формирование и развитие научных взглядов	40
<i>Секция «Языкознание и литературоведение»</i>	43
Канавалава І.С. Стылістычныя фігуры як сродак выражэння камічнага ў беларускіх антыпрыказках	43
Маяк Е.П. Репрезентация категории квантитативности в белорусских и английских поговорках: неопределенно большое количество	47
Новикова О.И. Реализм. Черты, трансформации	57
<i>Секция «Искусствоведение и культурология»</i>	62
Булахова М.И. Особенности развития театральной культуры белорусского андеграунда на современном этапе	62

<i>Секция «Реклама. Связь с общественностью»</i>	66
Шаблинская С. О. Концепт Public Relations в рамках культуры информационного общества	66

Серия «Экономические науки»

Белко В.В. Система показателей анализа «качества» прибыли	70
Лысенкова М.В. Стратегия эффективного управления инвестиционными ресурсами промышленных организаций: сущность, задачи и этапы построения	73
Окуневич А.Г. Проблемы эффективного использования основных средств в обувной промышленности	77
Соболь К.Н. О подходах к оценке агротуристской привлекательности.	79

Серия «Химические науки и науки о Земле»

Кривой А. С. Изучение специфической сорбции ионов цинка и меди (II) дерново-подзолистой супесчаной почвой с применением метода рК-спектроскопии	82
---	----

Серия «Биологические науки»

Рязанова М.Ю., Юхневич Г.Г. Применение химического мутагенеза для интенсификации работы очистных сооружений	86
---	----

Серия «Медицинские науки»

Голяк Ю.В. Оценка факторов риска развития тэла при остром тромбофлебите подкожных вен нижних конечностей	90
Млявая О.Ю., Галькевич Н.В. Современный взгляд на течение токсоплазмоза у детей	92
Халтурина Ю.В., Зенович П.А. Сахарный диабет, как осложнение панкреатита у пациентов с ожирением	96

Реферативное содержание

СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ИСКУССТВА»

СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

УДК 377.015.3

Д.Г. Зубко

**УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ И ДОМИНИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ
ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖА**

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Конфликты как важная сторона взаимодействия и отношений людей всегда притягивали внимание человека. Не являются исключением и профессионально-технические колледжи, где проблема взаимодействия преподавателя с учащимися составляет сущностную характеристику педагогического процесса в целом.

Умение преподавателя преобразовывать деструктивные конфликты в конструктивные является неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса. Управление конфликтами предполагает целесообразное педагогическое вмешательство в эти конфликты, а это во многом зависит от уровня конфликтности и доминирующих стратегий поведения учащихся и преподавателей.

Каждая сторона в конфликте избирает форму поведения, которой придерживается на протяжении всего конфликтного взаимодействия. Выбор стратегии определяется социальными установками и индивидуальными особенностями участников конфликта. Выбранная стратегия не изменяется в другую даже под воздействием стратегии, занимаемой оппонентом.

Существуют различные подходы и трактовки к выделению стратегий поведения в конфликтных ситуациях. Тем не менее, широкое распространение получила разработанная американскими психологами К. Томасом и Р.Киллменом двухмерная модель стратегии поведения личности в конфликтном взаимодействии. Авторы в своей методике диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению делают акцент не только на разрешение конфликтов, но и управление ими. Они полагают необходимым концентрировать внимание на том, какие формы поведения в конфликтных ситуациях характерны для людей, какие из них являются конструктивными или деструктивными, каким образом возможно стимулировать продуктивное поведение. Они выделяют пять стратегий поведения в конфликте: *соперничество, компромисс, сотрудничество, избегание и приспособление*.

В своем опроснике по выявлению типичных форм поведения К. Томас описывает каждый из пяти перечисленных возможных вариантов двенадцатью суждениями о поведении индивида в конфликтной ситуации. В различных ситуациях они сгруппированы в 30 пар, в каждой из которых респонденту

предлагается выбрать то суждение, которое является наиболее типичным для характеристики его поведения. Оптимальным поведением в конфликтах считается такое, когда применяются все стратегии и каждая из них имеет значение в интервале от 5 до 7 баллов (минимум – 0 баллов, максимум – 12 баллов).

Методика оценки уровня конфликтности личности используется для определения степени конфликтности личности. Сумма в 39 – 42 балла указывает на очень высокую степень конфликтности; 36 – 38 баллов – на высокую; 33 – 35 – выше среднего; 30 – 32 – чуть выше среднего; 27 -29 – среднюю степень конфликтности; 24 – 26 – чуть ниже среднего; 21 – 23 – ниже среднего; 18 – 20 – низкую конфликтность. Сумма 14 – 17 баллов свидетельствует о склонности избегать конфликтных ситуаций.

Описанные выше методики конкретизируются нами в исследовании, которое проводилось в УО «Профессионально-технический колледж хлебопечения» г.Минска. Респондентами выступили учащиеся 1-го и 2-го курсов, возраст которых составляет 15 – 18 лет, а также преподаватели, возраст которых 28 – 47 лет. В исследовании приняли участие 91 человек, среди которых 76 учащихся (53 девочки и 23 мальчика) и 15 преподавателей (женщины).

Целью проведенного нами социально-педагогического исследования являлось определение стратегий поведения в конфликтных ситуациях характерных для учащихся и преподавателей колледжа, какие из них являются более продуктивными или деструктивными, чтобы, попадая в различные конфликтные ситуации, быть вооруженным соответствующей стратегией разрешения конфликта. Также определялись уровни конфликтности, свойственные преподавателям и учащимся.

В результате определения доминирующих стратегий поведения в конфликтной ситуации учащихся и преподавателей колледжа получены следующие данные (таблица 1):

Таблица 1 – распределение показателей стиля поведения в конфликтной ситуации по методике К.Томаса у учащихся и преподавателей колледжа.

Стратегии	Учащиеся %	Преподаватели %
<i>компромисс</i>	83	75
<i>избегание</i>	74	44
<i>сотрудничество</i>	72	81
<i>приспособление</i>	68	39
<i>соперничество</i>	63	72

Сравнительный анализ показывает, что учащиеся и преподаватели отдают предпочтение конструктивному выходу из конфликта, так как большинство ответов приходится на такие стили поведения как:

- ***сотрудничество (преподаватели – 81%, учащиеся – 72 %) –*** наиболее трудный из всех стилей, но вместе с тем наиболее эффективный при разрешении конфликтных ситуаций. Его преимущество в том, что стороны

находят наиболее приемлемое решение, превращающее их из оппонентов в партнеров. Он означает поиск путей для вовлечения всех участников в процесс разрешения конфликтов и стремление к удовлетворению нужд всех участников конфликта. Как правило, такой подход способствует успеху в делах;

- **компромисс (преподаватели – 75%, учащиеся – 83 %)**, который заключается в том, что выбранное поведение учитывает интересы всех сторон, принимающих участие в конфликте, что стороны не желают портить межличностные отношения и пытаются урегулировать разногласия, идя на взаимные уступки. Однако такое решение проблемы подразумевает, что делится какая-то конечная величина и что в процессе её раздела нужды всех участников не могут быть полностью удовлетворены. Недостатки компромисса в том, что он не до конца удовлетворяет нужды сторон и является далеко не самым оптимальным решением конфликта (компромисс может послужить этапом принятия оптимального решения).

Стратегию **избегания** выбрали 44% преподавателей и 74 % учащихся. Эти показатели указывают на то, что большинство учащихся стараются избегать конфликта с учителями, тем самым жертвуя своими собственными интересами. Избегание конфликта (уход, изменение отношения к ситуации) состоит в том, что человек оттягивает момент решения проблемы, стремится не замечать противоречия или на некоторое время отложить принятие решения, и действительно, при определённых условиях ситуация сама собой затихает. Но всё же такое поведение нельзя назвать бесконфликтным, так как иногда затягивание решения конфликта приводит к росту проблемы и нарастанию напряженности в коллективе. Если учащийся физически или эмоционально уходит от конфликта, то он теряет возможность участвовать в дальнейшем развитии ситуации.

Данный стиль приемлем, когда ситуация не достаточно важна или противоречие, лежащее в основе ситуации, разрешить нельзя (учитель может применить данный стиль в случае, если ученик в состоянии истерики). В этом случае конфликт можно завершить, т. е. прекратить конфликтное взаимодействие. Или, когда сила противника слишком велика. Дети довольно часто пользуются этим стилем во взаимоотношениях с учителями и родителями, им обусловлено появление вторых дневников, имитация болезни, пропуск занятий.

Тенденция уйти от конфликта присутствует и в стратегии **уступки (приспособление)**, которую выбрали 39% преподавателей и 68% учащихся. Это говорит о том, что почти у четверти учащихся направленность на личные интересы низкая. Если при избегании человек не входит в конфликтную ситуацию, то используя приспособление, он сам изменяется под воздействием другого человека и пытается поддержать добрые отношения любой ценой. Эта тактика может быть разумной, если конфронтация по поводу незначительных разногласий вносит чрезмерный стресс во взаимоотношения на данном этапе, но в серьезном конфликте приспособленческий стиль приводит к тому, что главные спорные вопросы остаются не затронутыми. Приспособлением

необходимо владеть для построения взаимоотношений с близкими и дорогими для сердца людьми, когда предстоит сделать выбор: хотите ли вы быть правым или спокойным и счастливым. Данный стиль неприемлем, когда приходится поступиться своим достоинством и честью; уступая, человек «теряет своё лицо».

Не последнюю позицию в выборе стратегий поведения в конфликтных ситуациях занимает **соперничество**, которое характеризуется активной борьбой индивида за свои интересы, применением всех доступных ему средств для достижения поставленных целей. При такой стратегии активно используются власть, сила закона, связи, авторитет и т.д. Поэтому стратегию соперничества выбрали 72% преподавателей и 63% учащихся. Однако в современных условиях гуманизации образования, применение данного стиля со стороны преподавателей по отношению к учащимся является неприемлемым.

Исходя из данных на определение уровня конфликтности личности, нами было выявлено, что 44% учащихся свойственен средний уровень конфликтности, у преподавателей преобладает уровень чуть выше среднего (49%).

Чтобы наглядно изобразить кривые по уровням конфликтности личности учащихся и преподавателей, мы построили графики (рисунок 1).

Рисунок 1 – Уровни конфликтности личности в диаде «учащийся-преподаватель»

Согласно данным, уровень конфликтности преподавателей выше, чем у учащихся. Это подтверждается и методикой диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению, где 72 % учителей выбрали стиль соперничества.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что управление конфликтами в диаде «учащиеся – преподаватель» возможно посредством повышения индивидуального уровня подготовленности педагогического персонала к деятельности по минимизации конфликтогенных условий и разрешению предконфликтных ситуаций межличностного общения.

Существуют ситуации, где учащиеся активно взаимодействуют с преподавателями для разрешения возникших затруднений, однако при их разрешении учащиеся больше надеются на учителей. Поэтому в урегулировании конфликтов решающая роль принадлежит преподавателю. Преподаватель обычно наделен определенными полномочиями, обладает тем или иным объемом власти. Он, следовательно, имеет возможность оказывать влияние на своих учащихся, в том числе воздействовать на их поведение в конкретном конфликте.

Управление конфликтом предполагает умение поддерживать его ниже того уровня, на котором он становится угрожающим для межличностных отношений. Умелое управление конфликтом может привести к его разрешению, то есть к устранению проблемы, вызвавшей конфликт, и восстановлению взаимоотношений сторон в том объеме, который необходим для обеспечения деятельности.

References:

1. Antsupov, A.Ya. *Konfliktologiya v shemah i kommentariyah* / A.Ya. Antsupov, S.V. Baklanovskiy. – 2-e izd, pererab. – SPb [i dr.] : Piter : Piter Press, 2009. – 304 s.
2. Grishina, N.V. *Psihologiya konflikta* / N.V. Grishina — SPb. : Piter, 2005. – 464 s.
3. Emelyanov, S.M. *Praktikum po konfliktologii* / S.M. Emelyanov. – 2-oe izd. – SPb : Piter, 2003. – 400 s.

D. Zubko

**THE LEVEL OF CONFLICT AND DOMINATING BEHAVIOR STRATEGIES OF
THE STUDENTS AND THE COLLEGE TEACHERS**

The Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Summary

The article is given up to the study of conflict level and dominating behavior strategies of the students and the college teachers. Here is compared the student's and the teacher's data about conflict level and dominating behavior strategies. Collected research results allow to determine kinds of work in order to avert pedagogical conflicts in education sector.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРСКОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ «GREEN SUN»**

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Усиление глобального экологического кризиса в наши дни требует изменения взаимодействия в системе «человек - природа», что невозможно без формирования личности с положительным отношением к окружающей среде. Поскольку руководителями промышленных предприятий, частных фирм и других хозяйственных субъектов чаще всего являются лица с высшим образованием, решающую роль в обеспечении устойчивого развития общества в наши дни играет система экологического образования высшей школы.

Важнейшей предпосылкой достижения устойчивого развития государства является образование в интересах устойчивого развития, приводящее к становлению нового склада мышления, при котором все социально-экономические и социально-экологические процессы и явления рассматриваются с учетом принципов устойчивости и предосторожности [1].

Занимаясь и изучая проблемы системного (и не только экологического) кризиса современной цивилизации можно сделать вывод о необходимости перехода человечества на путь устойчивого развития.

На факультете биологии и экологии Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» активно осуществляется процесс внедрения принципов устойчивого развития в учебный и воспитательный процесс.

Образование в интересах устойчивого развития – образование, обеспечивающее возможность участия каждого человека в решении и предупреждении социальных, экономических и экологических проблем [2].

Цель ОУР - содействие становлению независимо и критически мыслящих, духовно состоятельных, сознательно активных граждан, основывающихся в своих действиях на принципах экологической этики и культуры, стремящихся получить знания об окружающей среде, проявляющих заботу о ее состоянии, лично и в сотрудничестве содействующих решению существующих и предупреждению новых проблем.

Углубление экологического кризиса, поставившего под вопрос само существование цивилизации, требует нового осмысления роли образования в тиражировании общественного опыта. Обострение глобальных и локальных экологических проблем приводит к формированию социального заказа на подготовку специалистов, обладающих новым экологическим сознанием, важнейшей подструктурой которого является отношение к природе. С этой точки зрения студенческие экологические организации становятся пространством, в котором развивается и совершенствуется неинституциональная практика экологического образования.

Теоретический анализ исследований Р.А. Сейтжановой [3] и С.А. Степанова [4] обозначил необходимость рассмотрения экологической культуры на основе соединения ее составляющих (знаний, ценностей, деятельности) как равнозначных и выражающихся в понимании глобальных закономерностей существования жизни на Земле.

Уровень сформированности экологической культуры у студентов определяли по величине личного воздействия на окружающую среду (экологический след, учитывающий знания, ценности и конкретные действия в повседневной жизни) до и после вступления в волонтерское движение «Green Sun».

Волонтерское экологическое движение «Green Sun» создано в 2007 году на базе факультета биологии и экологии УО «ГрГУ им. Я. Купалы» студентами-активистами, объединившимися на принципах добровольности, партнерства и равноправия, координатором которого является Кремлева О.Е., доцент кафедры экологии. Экологическое движение создано для сохранения и оздоровления природы, человека и продвижения идей устойчивого развития в Беларуси.

Целью «Green Sun» было определено улучшение состояния окружающей среды и решение конкретных экологических проблем в Беларуси, увеличение экологической образованности студентов и жителей г. Гродно.

Средством достижения данной цели выступают популяризация в белорусском обществе экологических ценностей и принципов устойчивого развития через такие виды деятельности, как:

- информирование населения в области охраны окружающей среды;
- продвижение экологических ценностей;
- развитие сотрудничества с государственными учреждениями по вопросам экологии;
- защиту природы и права людей на чистую окружающую среду.

Свою деятельность «Green Sun» организует посредством элементов формального и неформального образования, с использованием интерактивных технологий обучения.

Работа «Green Sun» осуществляется через тематические рабочие группы: “Беларусь и изменение климата”, “Образование для устойчивого развития”, “Биоразнообразие”, “Возобновляемая энергетика”.

Активисты «Green Sun» организуют и принимают участие во многих экологических акциях (рисунки 1, 2, 3): Всемирной уборке «Сделаем», день без автомобиля, Международный день вегетарианства, Международный день защиты животных, Международный день энергосбережения, день вторичной переработки, день без покупок и во многих других.

Все мероприятия, проводимые студенческим волонтерским экологическим движением, направлены на решение конкретных экологических проблем, таких как рациональное и бережное использование ресурсов окружающей среды, энергосбережение, способствуют формированию здоровому образу и повышают качество жизни.

**Рисунок 1 – Акция
«Зеленый палец»**

**Рисунок 2 – «Экологически
дружественный образ
жизни»**

**Рисунок 3 - Медиафестиваль
«Образование в интересах
устойчивого развития»**

Результатом участия и организации акций, является осознанная реализация принципов устойчивого развития, рациональное использование природных ресурсов во благо настоящих и будущих поколений.

«Green Sun» активно сотрудничает с государственными и негосударственными объединениями (Гродненским областным комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды, ОО «Центр экологических решений, Белорусским обществом Красного креста, Гродненским обществом защиты животных «Преданное сердце»), принимая активное участие в совместных мероприятиях.

В результате деятельности волонтерского экологического движения «Green Sun» меняется образ мышления студентов, накапливаются дополнительные знания, реализуются принципы устойчивого развития в конкретных действиях, тем самым формируя экологическую культуру:

1. У 92% студентов из «Green Sun» был снижен экологический след более чем на 10%, по сравнению с началом учебного года;
2. 87% респондентов из «Green Sun» отмечают у себя повышение интереса к получаемой профессии;
3. У 69% экоактивистов «Green Sun» прослеживается улучшение успеваемости по профильным предметам;
4. 98% наблюдают за собой более бережное отношение к природе, рациональное использование природных ресурсов и энергосбережение.

Таким образом, даже минимальная вовлеченность студентов в единое эколого-образовательное пространство, сформированное при участии общественной организации, позволяет существенно повысить уровень развития отдельных компонентов положительного отношения к природе, способствует развитию студенческих инициатив, привлечению внимания к экологическим проблемам, устранению информационного дефицита по той или иной экологической проблеме [5].

References:

1. Kontsepsiya obshchego ekologicheskogo obrazovaniya v interesah ustoychivogo razvitiya (2010) / Pod. red. A.N. Zahlebnogo // *Ekologicheskoe obrazovanie: do shkolyi, v shkole, vne shkolyi*. – 2012. - №2. – S.4-15.
2. Doklad Vsemirnoy komissii po voprosam okruzhayuschey sredy i razvitiya «Nashe obshee budushee». – Nyu-York: Izd. Organizatsiya Ob'edinennyih Natsiy, 1987. – 412 s.
3. Seytzhanova R.A. Ekologicheskoe obrazovanie kak sredstvo formirovaniya ekologicheskoy kulturyi lichnosti studentov: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Almatyi (Respublika Kazakhstan). 2010. – 30 s.
4. Stepanov S.A. Ekologicheskoe obrazovanie dlya ustoychivogo razvitiya kak vazhnoenapravlenie modernizatsii vysshey shkolyi Rossii: Avtoref. dis. ... d-ra ped.nauk. – M., 2011. – 58 s.
5. Guseva E.B. «Teoriya, metodika i organizatsiya sotsialno-kulturnoy deyatel'nosti», M., 2005

M. Kuchinskaya, Y. Sidorenko, O. Kremleva

**THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF STUDENTS THROUGH
THE ORGANIZATION OF VOLUNTARY ASSOCIATION «GREEN SUN»**

Yanka Kupala State University of Grodno

Summary

The process of implementation of principles of sustainable development into educational process through the organization of voluntary environmental movement «Green sun» is actively carried at the Faculty of Biology and Ecology. Minimal involvement of students in unified eco-educational space, that is formed with the participation of social organization, can significantly improve the level of the individual components of a positive attitude to nature, promotes the development of student initiatives, drawing attention to environmental problems, filling the information deficiency on this or that environmental problems.

**О ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ СВИДЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ В
МЕЗОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ**

УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

Введение. В последние годы по мезолиту Восточной Беларуси получены новые данные [10, с. 77 – 89], используются более совершенные методы в изучении материалов. Изменился и взгляд на возможности накопленной базы источников в решении проблем освоения первобытным человеком рассматриваемой территории после окончания ледниковой эпохи. Однако до сих пор проблема взаимодействия древнего населения в эпоху мезолита остается вполне актуальной и, после выделения в регионе своеобразных локальных культур, тема культурных контактов стала предметом острых научных дискуссий.

Это связано не только с тем, что один и тот же круг источников разными исследователями интерпретировался по-разному, но и различным пониманием природы его происхождения. Еще в 1970 – 1980-е гг. в мезолите Верхнего Поднепровья были выделены отдельные локальные культуры «свидерских традиций», своеобразие которых подчеркивалось синтезом целого ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур – гренской и свидерской в составе сожской культуры позднего мезолита [6; 7; 11; 12], свидерской и лингбийской в контексте днепро-деснинских древностей [15; 16; 17; 18].

Но уже в 1990-е гг. среди отечественных исследователей четко обозначились явные противоречия как на уровне представлений о генезисе и хронологии выделенных культур, так и в определении самих понятий о «сожской» и «днепро-деснинской» культурах. В этой ситуации появилась необходимость в проведении всестороннего анализа и сравнительной культурно-хронологической идентификации имеющихся материалов. Изучение коллекций опорных мезолитических памятников Белорусского Посожья позволил автору настоящей статьи в начале 2000-х гг. считать выделенные культуры несостоятельными и, в конечном итоге, отказаться от автохтонной концепции развития мезолита Беларуси [8; 9; 10].

Поводом для написания нашей статьи стала недавняя публикация И.Н. Езепенко в первом томе энциклопедического издания «Археалогія Беларусі» (Мінск, 2009), которая, по сути, вновь реанимировала понятие «днепро-деснинская культура» [23, с. 307]. Это потребовало от нас еще раз обратить внимание на проблему идентификации материалов так называемых «локальных культур свидерских традиций» и определить их место в мезолите Беларуси, что и является целью данной статьи.

Основная часть. Появление идеи о «местном» мезолите в Восточной Беларуси было не случайным. Отказ в 1950-е гг. от стадияльного схематизма в представлениях о каменном веке Восточной Европы [1, с. 96 – 120], утверждение концепции археологической культуры, признание мезолита как отдельной исторической эпохи, использование более совершенных методов исследования памятников и последовавшее за этим увеличение источниковой базы потребовали от отечественных исследователей разработки региональной схемы развития мезолита. 1970 – 1980-е гг. стали тем временем, когда полученный в итоге широкомасштабных раскопок памятников материал позволил утвердить модель автохтонного развития мезолитических культур Верхнего Поднепровья на примере сожских и днепро-деснинских древностей. Их локальное своеобразие сводилось к понятию «аккультурации» (взаимодействия, взаимовлияния) традиций отдельных культурных явлений финального палеолита и мезолита, среди которых доминантой выступала свидерская культура.

Учитывая, что история изучения и круг проблем сожской и днепро-деснинской культур неоднократно освещались в литературе [6, с. 5 – 10; 7, с. 10 – 13; 8, с. 8 – 14; 9, с. 74 – 76; 11, с. 3 – 7; 15, с. 11 – 15; 18, с. 40 – 59], ограничимся краткой характеристикой материалов этих культурных явлений. Так, сожская культура по данным В.Ф. Копытина территориально включала стоянки бассейна Сожа (Горки-2, Журавель, Клины-2, Присно), Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов-2, Рдица), Березины (Городок, Василевичи-2, Михайловка) и Беседи (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) [11, с. 48 – 58, 64, 79 – 86; 12, с. 264 – 265]. По мнению В.Ф. Копытина, сожские древности – результат слияния двух культурных традиций раннего мезолита – гренской и свидерской [11, с. 48; 12, с. 264]. Гренские черты прослеживались в технике расщепления кремня, основанной на монофронтальном снятии пластин и отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов, и отдельных типах орудий, основной заготовкой для которых был отщеп; свидерские – в формах наконечников стрел [11, с. 48; 12, с. 264]. Хронология сожской культуры, как считал В.Ф. Копытин, укладывалась в пределах VI – V тыс. до н.э., а исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры [11, с. 48, 59; 12, с. 264].

Взгляды В.Ф. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяла Е.Г. Калечиц [6; 7]. При этом исследовательница отмечала особое положение памятников Центральной Беларуси, сформированных «на основе сильных культурных импульсов свидера со свойственной ему пластинчатостью», что «дает основание для выделения в Березинском бассейне специфического явления, не получившего пока названия» [7, с. 71].

Несколько иной подход в решении проблем финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья содержится в работах В.П. Ксензова [15 – 18]. На основе полученных материалов им первоначально была выделена позднемезолитическая культура, получившая название «верхнеднепровской» [14, с. 11 – 19]. Однако в конце 1980 – середине 1990-х гг. исследователь

предложил новую интерпретацию материалов по мезолиту Верхнего Поднепровья в рамках днепро-деснинской культуры, генетические корни которой им связывались со свидерской культурой [15, с. 41 – 52, 126].

Согласно В.П. Ксензову, эта «постсвидерская» культура была представлена памятниками верховьев Днепра, Восточного Полесья и Среднего Подесенья [15, с. 41 – 105, 126]. В своем развитии она прошла три этапа. К первому этапу были отнесены стоянки Яново, Дальнее Лядо, Лудчицы, Латки, Королева Слобода, Шихов, Верхи, Костюковка, ко второму – Балка-1, Бор, Залесье-4, Корост, Раска, Смячка-14А, Б, Г. Эти два этапа датировались ранним мезолитом в пределах пребореала – бореального времени [15, с. 48]. Третий этап (начало VI – конец V тыс. до н.э.) представлен стоянками Береговая Слобода, Василевичи-2, Городок-4, Красновка-1А, Тайманово, Стасевка, Взлужье, Гайшин, Горки, Замостовье, Новый Быхов-2, Рдица, Студенец [15, с. 93 – 105].

Критериями для подобного хронологического деления памятников стали характерные для каждого выделенного этапа формы наконечников стрел и облик кремневого инвентаря в целом. Если на первом этапе, как считал В.П. Ксензов, были известны в основном симметричные наконечники стрел, выполненные в свидерской или постсвидерской манере, то на втором, под влиянием гренской культуры, в днепро-деснинских комплексах появляются ассиметричные наконечники [15, с. 93 – 105]. Всего в материалах позднего этапа днепро-деснинской культуры В.П. Ксензовым было выделено семь типов наконечников [15, с. 95 – 96]. Кроме этого, в поздних днепро-деснинских комплексах, по мнению В.П. Ксензова, встречаются вкладышевые орудия, ланцетовидные наконечники, наиболее характерные для стоянок бассейна р. Березина, пластины с затупленным краем, трапеции [16, с. 71, 74, 77; 17, с. 14; 18, с. 40 – 59].

Генетические корни днепро-деснинской культуры В.П. Ксензов искал среди памятников свидерской (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлиненных пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с перехватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбийской (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций [16, с. 82 – 83; 17, с. 15; 18, с. 56]. Основываясь на данном положении, В.П. Ксензов ставил под сомнение возможность формирования сожской культуры на базе свидерской и гренской культур и объяснял это отсутствием в Посожье свидерских памятников и малочисленностью гренских [17, с. 11].

По мнению В.П. Ксензова, основным типом-заготовкой для орудий труда днепро-деснинской культуры была пластина, что являлось свидерской чертой [17, с. 11 – 12, 14 – 15]. Пластинчатость особенно подчеркивалась для памятников бассейна р. Березина. И только на стоянках Посожья, как считал исследователь, в качестве заготовки широко использовался отщеп. Это стало основанием для выделения В.П. Ксензовым двух локальных групп: «западной

(бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)» [16, с. 77 – 78; 17, с. 15].

Обсуждение материалов. Не трудно заметить, что в рассуждениях исследователей мезолита Восточной Беларуси наблюдалась попытка обоснования культурной специфики конкретной территории, которая выражалась в идее синтеза традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызывало некоторые недоразумения.

Первое противоречие возникло уже в самом названии культур. Оставалось не понятным: сожская и днепро-деснинская культуры – это два разных культурных явления или одно, но выраженное в разных названиях? Понятие «сожская культура» появилось на страницах публикаций не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие «днепро-деснинская культура» в территориальном отношении было шире и охватывало не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и нижней Припяти.

В.Ф. Копытин считал ошибочным включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры, т.к. они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья [11, с. 50 – 51]. Однако деснинский бассейн в культурном отношении проявляет многообразие [3; 5; 21, с. 28 – 35] и, по мнению В.П. Ксензова, не справедливо не замечать близость кремневого инвентаря верхнеднепровских поселений днепро-деснинской культуры и стоянок типа Смячка-14. Последние им были включены в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры [16, с. 66].

Между тем, Е.Г. Калечиц подвергала сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей» [7, с. 71]. А.Н. Сорокин признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны [22, с. 124 – 125]. По мнению Л.Л. Зализняка сожская или днепро-деснинская древности появились в результате взаимодействия двух культур и не являются уникальными явлениями в мезолите Верхнего Поднепровья [4, с. 230]. Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо гренскими, в зависимости от того какие из признаков этих культур доминируют [4, с. 230]. В этой связи, Л.Л. Зализняк считает эталонную для сожской культуры стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени [4, с. 229].

По нашему мнению, концепция формирования днепро-деснинской культуры по В.П. Ксензову ничего нового не предлагает и во многом является противоречивой. В противовес схеме генезиса сожской культуры В.Ф. Копытина «свидер+грэнск», им была предложена своя культурологическая

модель мезолита Белорусского Поднепровья, не меняющая в целом суть понятия конгломератной культуры – «свидер (на раннем этапе)+лингби (на позднем)».

Так, В.П. Ксензов считал, что свидерское население Полесья испытало «сильное влияние (культуры лингби – прим. авт.), в результате чего появляются памятники, сочетающие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты» [17, с. 15]. Однако гренская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии «массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям» и черешковых ассиметричных наконечников [17, с. 11]. Процесс заселения северных районов Верхнего Поднепровья населением лингби, считал В.П. Ксензов, «фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5,7 и др.» [17, с. 11], которые являются «вторым генетическим компонентом» днепро-деснинской культуры [17, с. 15]. Следовательно, если происхождение гренской культуры В.П. Ксензовым выводилось из лингбийской, которая также являлась одним из генетических компонентов днепро-деснинских древностей, являлось ли обоснованным отрицание сожской культуры В.Ф. Копытина?

Теперь обратимся к хронологии и интерпретации кремневого инвентаря памятников сожской и днепро-деснинской культуры. Нерешенность этих вопросов подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанном на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапедий. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда [7, с. 72].

Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапедий также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и по верному замечанию А.Н. Сорокина определяются типологически [22, с. 62]. В отношении трапедий можно заметить, что время их появления относится еще к заключительным этапам палеолита. В материалах иеневской и песочноровской культур они получают распространение в пребореальное время [4, с. 216 – 224; 5, с. 60 – 62; 13, с. 38 – 60; 24, р. 272 – 279]. По данным Л.Л. Зализняка находки трапедий на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке-14 они обнаружены в четких стратиграфических условиях [20, с. 92 – 93, 107].

Для ранней группы памятников, которую В.П. Ксензов датирует пребореалом – бореалом (10300 – 8000 лет назад), как отмечалось выше, характерно «типологическое однообразие», которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников [17, с. 12, 14]. Однако происхождение «второго генетического компонента», отчетливо проявляющегося в комплексах позднего этапа (8000 – 7000 лет назад), «связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби...» [17, с. 15]. И далее: «Вероятно, на рубеже плейстоцена-голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья...» [17, с. 15]. После этого «смешанное население мигрирует на восток, в деснинский регион, где оставляет памятники ранней группы, а затем «на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, Верхнего Днепра, Березины в южных и центральных частях Беларуси» [17, с. 15].

Если на рубеже плейстоцена-голоцена появляются памятники «смешанной традиции», то правомерно ли утверждение о «типологическом однообразии» кремневого инвентаря раннего этапа днепро-деснинской культуры? Наглядно это противоречие отражено и в приложенных к статьям иллюстрациях [16, с. 72, 78; 17, с. 12 – 13], где вместе с «постсвидерскими» формами наконечников стрел ранней группы памятников демонстрируются «лингбийские» черешковые и «грэнские» ассиметричные с боковой выемкой, известные также в комплексах позднего этапа днепро-деснинской культуры (ср., например, рис. 3: 3–4 с рис. 4: 3–4 [17, с. 12 – 13]). Не совсем понятен и тезис о «сильном влиянии населения лингби на свидерцев», которое проявляется только лишь в наличии «черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой» (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) [17, с. 15].

Не менее противоречивой была схема формирования сожской позднемезолитической культуры, особенно относительно места и роли грэнских традиций в сложении этой культуры. Ведь сама сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита [7, с. 66 – 67; 11, с. 49, 54]. Кроме этого, оставалось неизвестным, какая группа памятников грэнской культуры могла стать генетическим продолжением для сожских древностей. Ведь грэнские материалы, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В.Ф. Копытин. Например, кремневый комплекс стоянки Боровка ученый связывал с мезинскими традициями, а Коромку – с Межиричами и Добраничевкой [11, с. 14 – 25; 12, с. 258 – 260]. На это положение дел обратили внимание А.Е. Кравцов и А.Н. Сорокин, которые предположили, что на территории Верхнего Поднепровья имеются «чистые» аренсбургские памятники типа Боровка и синкретические типа Коромка, сочетающие в себе аренсбургские и свидерские черты, при условии источниковедческой надежности последних [13, с. 16].

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В.Ф. Копытин связывал формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает «с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования» [11, с. 49, 54]. Во-первых, «памятники типа Баркалабово» образовывала коллекция всего одной стоянки – Баркалабово, поэтому о выделении отдельного типа памятников здесь не может быть и речи. Во-вторых, за признанием факта выделения отдельного типа памятников, признаем факт локальности свидерской культуры. В-третьих, как справедливо заметила Е.Г. Калечиц, между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в две тысячи лет [7, с. 66]. А это делало не ясным: либо сожская культура сформировалась в раннем мезолите и ее материалы требовали соответствующего удрежнения, либо «свидерская культура продолжала развиваться на мезолитическом этапе» [7, с. 66].

Между тем, Е.Г. Калечиц в решении этого вопроса приняла последнюю версию. В критическом обзоре проблем мезолита Восточной Беларуси исследовательница отмечала особое положение мезолитических памятников Нижнего Посожья, где было зафиксировано развитие свидерских традиций, особенно в бассейнах Ипути и Беседи [7, с. 66]. При этом «сильные импульсы» культурных влияний свидера доводились Е.Г. Калечиц до конца неолита, и доказывалось это присутствием постсвидерских наконечников стрел в кремневом инвентаре стоянок верхнеднепровской неолитической культуры. По этому поводу Е.Г. Калечиц отмечает следующее: «Материалы мезолитических поселений Нижнего Посожья, в отличие от расположенных севернее, носят отчетливые следы преемственности свидерской традиции кремнеобработки, которые сохранялись здесь и в неолите» [7, с. 66]. Получается, что в мезолите бассейна р. Сож существовало, по крайней мере, две локальных группы памятников: одна из них отчетливо просматривается в материалах стоянок Нижнего Посожья, другая – среди стоянок, «расположенных севернее» [7, с. 66].

Однако такое территориальное различие среди памятников свидерской традиции в низовьях Сожа и группы стоянок «расположенных севернее» объяснялось Е.Г. Калечиц фактом давления «постсвидерцев» на местное гренское население: «По-видимому, племена свидерской традиции (постсвидерцы), проникшие в Нижнее Посожье, на мезолитическом этапе развития расселились в бассейнах Ипути и Беседи, оттеснив местное гренское население к северу» [7, с. 67].

Насколько возможной и реальной была экспансия «племен постсвидерцев» в бассейн р. Сож, приведшая к оттоку части аборигенного гренского населения на север ареала, об этом, по мнению Е.Г. Калечиц, позволяют судить данные палеодемографии.

Впервые в отечественной историографии Е.Г. Калечиц попыталась провести реконструкцию демографической ситуации в каменном веке

Восточной Беларуси [7, с. 163 – 167], предупредив, правда, о несовершенстве использованного ею метода подсчетов, основанного на оценке «количества биомассы, приходящейся на единицу площади, с учетом естественного прироста, не нарушающего экологическое равновесие» [7, с. 164–165]. И все же Е.Г. Калечиц, например, для гренской культуры в финальном палеолите определила 25 человек, составлявших одну общину, которая обитала на площади 860 кв. км [7, с. 164].

Но, буквально, через 1,5–2 тысячи лет, после окончания ледниковой эпохи гренское население возросло в 60 (!) раз и составило 1500 человек или 50 общин, проживавших теперь на территории 45 тыс. кв. км [7, с. 164]. Следовательно, для того, чтобы «оттеснить» гренских охотников из Нижнего Посожья, количество «постсвидерцев» в раннем мезолите должно быть или пропорционально равным, или превосходить численно. Однако это не согласуется с ранее высказанным мнением Е.Г. Калечиц о малочисленности свидерских поселений в восточной части Белорусского Полесья и Верхнего Поднепровья [7, с. 66].

Даже если признать де-факто «свидерское давление» в низовьях Сожа на местное гренское население, то становится очевидной противоречивость всей концепции сложения сожской культуры, по которой: «Синтез гренских и свидерских традиций привел к созданию сожской культуры – генетической основы верхнеднепровской неолитической» [7, с. 67].

Противоречивый характер приобрел и тезис о совпадении ареалов гренской и сожской культур. «Поскольку ядро ареала гренской культуры, – пишет Е.Г. Калечиц, – находится на территории верховий долин Днепра, Сожа и их притоков, естественно, что сменившие их поселения сожской культуры концентрируются там же» [7, с. 71]. Следовательно, площадь распространения стоянок сожской культуры должна была соответствовать прежним размерам территории обитания гренских охотников в раннем мезолите, т.е. приблизительно 45 тыс. кв. км [7, с. 164]. Но население сожской культуры, предполагает Е.Г. Калечиц, насчитывало всего 500 человек или 15 общин против 50 гренских, объединявших ранее около 1500 человек [7, с. 164]. Само же сожское население проживало на территории площадью всего лишь 16 тыс. кв. км [7, с. 164]. И это вновь вызывает очередной вопрос: почему 8 – 6 тыс. лет назад зона обитания и количество сожских охотников сократились в три раза, тем более что в позднем мезолите в Верхнем Поднепровье, как считали исследователи, сложились весьма благоприятные природно-климатические условия и само население сожской культуры стало более оседлым [7, с. 66]?

Удивительным является и то, что и сожская, и днепро-деснинская культуры относились к кругу культур свидерских традиций. И это несмотря на то, что генетической основой, например, сожских древностей была гренская культура (техника расщепления кремня, формы орудий труда) при сохранении некоторых элементов свидерской. Главным же критерием «свидерскости» кремневых комплексов стоянок Верхнего Поднепровья и Посожья являлось, безусловно, наличие в них «вплоть до развитого неолита

постсвидерских наконечников стрел» [7, с. 67]. К числу «постсвидерских» относились наконечники из пластин, черешок которых «как правило, подработан плоской ретушью с брюшка и выделен путем двухстороннего ретуширования со стороны брюшка или противолежащей ретушью со спинки и с брюшка» [7, с. 65].

Не менее парадоксальной была попытка демонстрация связи свидерской культуры с сожскими и/или днепро-деснинскими древностями. Достаточно обратить внимание на отношение исследователей к самой свидерской культуре на территории Восточной Беларуси. Незначительное число свидерских памятников – обычно указывалось три местонахождения (Яново-1 и 2 и Баркалабово) – невольно наталкивало на мысль, что в финальном палеолите – раннем мезолите отдельные группы свидерского населения смогли достичь только правобережья Днепра. Расселение свидерских охотников в восточном направлении, по мнению В.П. Ксензова, сдерживалось обитавшем здесь населением гренской культуры [17, с. 5 – 15]. Тогда становится непонятным: какую роль, при очевидной малочисленности памятников, смогла сыграть свидерская культура в формировании днепро-деснинского и/или сожского мезолита?

Даже если признать факт малочисленности свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси, что сегодня вполне очевидно [10, с. 80 – 81], то находки черешковых наконечников с плоской подтеской черешка не обязательно должны быть напрямую связаны именно со свидерской культурой. Учитывая то, что в последние годы в Восточной Беларуси стали известны памятники, на которых наконечники стрел с плоской подтеской черешка атрибутированы другими культурными явлениями эпохи мезолита (бутовская, кудлаевская), определение места свидера на этой территории в сложении локальных мезо- и неолитических культур требует серьезного источниковедческого обоснования. Естественно, все это осложняет решение вопроса о характере развития и влияния свидерских традиций на протяжении мезолита в Верхнем Поднепровье. И, к сожалению, на данном этапе историографии мы не располагаем тем фактическим материалом, который может позволить нам или напрямую связывать свидер с мезолитом рассматриваемого региона, или говорить об отдельной локальной группе памятников, возникшей на свидерской основе.

Возникает и другой вопрос: насколько введенные в научный оборот коллекции отвечают критериям «чистоты» и «достаточности»? Анализ публикаций и некоторых коллекций, полученных в ходе изучения мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья, показывает, что критике источников не уделялось должного внимания. Только в последние годы появилось несколько работ, затрагивающих проблему археологического источника для территории Верхнего Поднепровья. Смешанными, по мнению ряда специалистов, считались такие стоянки как Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Красновка-1Б, Рекорд, Речица-2, возможно, Горки, Коромка и

Печенеж [11, с. 47; 16, с. 70; 22, с. 127, 141]. Культурная принадлежность некоторых поселений (Дальнее Лядо, Журавель, Криничная, Печенеж) интерпретировалась по-разному [11, с. 12, 48; 12, с. 264; 15, с. 48 – 51, 123 – 124; 22, с. 125].

Изучение коллекций опорных памятников мезолита Верхнего Поднепровья показало присутствие в их составе разнокультурных и разновременных материалов. Основная часть коллекций образована в результате механического смешения находок в культурных отложениях, которые стратиграфически не выражены. Например, в кремневом комплексе эпонимной стоянки сожской культуры Горки выделены материалы свидерской и гренской культур финального палеолита, бутовской культуры эпохи мезолита и среднеднепровской культуры бронзового века.

Тоже самое можно сказать и о находках еще одного эталонного памятника так называемого «западного локального варианта днепро-деснинской культуры» – Береговая Слобода, на котором присутствуют свидерский и гренский контекст находок финального палеолита, кундский эпохи мезолита, днепро-донецкий эпохи неолита (кремневые изделия и фрагменты лепной керамики с характерной орнаментацией поверхности), среднеднепровский бронзового века. Смешанные разнокультурные материалы содержат стоянки Аврамов Бугор (свидерская культура+кудлаевская культура+неолит+бронзовый век), Бабулин Бугор (мезолит+неолит+бронзовый век), Гренская (гренская культура+свидерская культура+бутовская культура+неолит-бронзовый век), Тайманово (гренская культура+свидерская культура) и др.

Заключение. Таким образом, и сожская, и днепро-деснинская культуры, которые ранее включались в круг памятников постсвидерских традиций, не имеют самостоятельного значения в мезолите Восточной Беларуси. В их комплексах мы не находим подтверждения представления о «слиянии» традиций разных культур, основной из которых была свидерская [8, с. 8 – 14; 9, с. 74 – 76; 10, с. 77 – 89]. Здесь нет также каких-либо специфических, типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать эти культурные явления как локальные. Скорее всего, если речь идет о новой локальной культуре, то здесь, прежде всего, должны выступать не просто представления о заимствованиях, а идеи об эволюционном или инновационном пути развития технокомплекса нового культурного образования. И неважно – будет это сожская, днепро-деснинская или другая так называемая конгломератная культура, – состав ее находок должен отражать качественно новые технические изменения, в том числе, и те, которые могли появиться в результате аккультурации традиций. Но данные археологии по финальному палеолиту и мезолиту Верхнего Поднепровья пока не дают и, вероятно, не дадут окончательного ответа на вопрос об условиях, характере и механизме культурного взаимодействия на этой территории.

На примере сожской и/или днепро-деснинской культур мы имеем дело только с понятием о простом заимствовании готовых форм изделий (в первую

очередь, наконечников стрел), которые выполнены в абсолютно разных технологических традициях: либо свидерских, либо гренских, либо лингбийских и т.д. Кроме этого, для характеристики сожских и днепродеснинских древностей были использованы коллекции, синкретический комплекс находок которых является результатом механического смешения разнокультурных и разновременных материалов, что теперь не вызывает сомнений.

Присутствие нестратифицированных памятников финального палеолита и мезолита в Верхнем Поднепровье, наличие типологически разнородных в культурном и хронологическом отношениях форм кремневого инвентаря делают проблемным установление источниковедческой надежности имеющихся материалов. Значит ли это, что нам следует отказаться от возможности использования такого круга источников? Считаем, что нет, поскольку их изучение, по крайней мере, дало возможность обосновать финальный палеолит для территории Белорусского Посожья [10, с. 77 – 89]. Тот факт, что нам удалось обнаружить явление синкретизма в результате смешанности материалов, очень важен для понимания того культурного многообразия, которое сложилось на рассматриваемой территории в конце позднеледникового времени, что определяет перспективные направления будущих исследований.

References:

1. Voevodskiy, M.V. Mezoliticheskie kulturyi Vostochnoy Evropyi / M.V. Voevodskiy // Kratkie soobscheniya o dokladah i polevyih issledovaniyah Instituta istorii materialnoy kulturyi AN SSSR. – 1950. – Vyip. XXXI. – S. 96–120.
2. Zaliznyak, L.L. Mezolit Yugo-Vostochnogo Polesya / L.L. Zaliznyak. – Kiev : Naukova dumka, 1984. – 120 s.
3. Zaliznyak, L.L. Ohotniki na severnogo olenya Ukrainskogo Polesya epohi finalnogo paleolita / L.L. Zaliznyak. – Kiev : Naukova dumka, 1989. – 176 s.
4. Zaliznyak, L.L. Finalniy paleolit plynichnogo zahodu Shidnoi evropi / L.L. Zaliznyak. – Kiiv : Natsionalniy un-t «Kievo-Mogilyanska Akademliya», 1999. – 283 s.
5. Zaliznyak, L.L. Finalniy paleolit i mezolit kontinentalnoyi UkraYini. Kulturniy podil ta periodizatsiya / L.L. Zaliznyak // Kam'yana doba UkraYini. – KiYiv, 2005. – Vip. 8. – 184 s.
6. Kalechits, E.G. Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Vostochnoy Belorussii / E.G. Kalechits. – Minsk : Nauka i tehnika, 1987. – 158 s.
7. Kalechits, E.G. Chelovek i sreda obitaniya. Vostochnaya Belarus. Kamennyiy vek / E.G. Kalechits. – Minsk : Ekoperspektiva, 2003. – 223 s.
8. Kolosov, A.V. Istoriya izucheniya i problemy istoriografii sozhskoy mezoliticheskoy kulturyi / A.V. Kolosov // Vesnik MDU Imya A.A. Kulyashova. – 2005. – № 4. – S. 8–14.
9. Kolosov, A.V. Sozhskaya mezoliticheskaya kultura: problemy izucheniya / A.V. Kolosov // Romanovskie chteniya-2: sb. trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Mogilev, 10–11 noyabrya 2005 g. / MGU im. A.A. Kuleshova ; pod red. O.V. Dyachenko. – Mogilev, 2006. – S. 74–76.
10. Kolosov, A.V. Finalniy paleolit i mezolit Posozhya / A.V. Kolosov // Materyialy pa arheologii Belarusi / Nats. akad. navuk Belarusi, In-t gIstoryi. – Minsk, 2010.

- Vyip. 18 : Dasledavanni kamennaga i bronzavaga vyakoŭ (Da yubileyayŭ U.F. Isaenki i M.M. Charnyayŭskaga). – С. 77–89.
11. Kopyitin, V.F. Pamyatniki finalnogo paleolita i mezolita Verhnego Podneprovya / V.F. Kopyitin. – Mogilev, 1992. – 86 s.
12. Kopyitin, V.F. Finalniy paleolit i mezolit Verhnego Podneprovya / V.F. Kopyitin // Tanged points cultures in Europe. – Lublin, 1999. – S. 256–266.
13. Kravtsov, A.E. Aktualnyye voprosy Volgo-Okskogo mezolita / A.E. Kravtsov, A.N. Sorokin. – М. : AN SSSR, In-t arheologii, 1991. – 65 s.
14. Ksenzov, V.P. Pozdnyy mezolit Belorusskogo Pravoberezhya Dnepra / V.P. Ksenzov // Sovetskaya arheologiya. – 1986. – № 1. – S. 11–28.
15. Ksenzov, V.P. Paleolit i mezolit Belorusskogo Podneprovya / V.P. Ksenzov. – Minsk : Nauka i tehnika, 1988. – 134 s.
16. Ksenzov, V.P. Mezoliticheskaya dnepro-desninskaya kultura / V.P. Ksenzov // Gistaryichna-arhealagichnyi zbornik / Nats. akad. navuk Belarusi, In-t gIstoryi. – 1994. – №5. – S. 61–86.
17. Ksenzov, V.P. Finalniy paleolit i mezolit Podneprovya Belarusi / V.P. Ksenzov // Rossiyskaya arheologiya. – 1997. – № 1. – S. 5–20.
18. Ksenzov, V.P. Mezolit Severnoy i Tsentralnoy Belarusi / V.P. Ksenzov // Materyialy pa arheologii Belarusi / Nats. akad. navuk Belarusi, In-t gIstoryi. – Minsk, 2006. – Vyip. 13. – 158 s.
19. Kudryashov, V.E. K voprosu o kudlaevskoy kulture epohi mezolita na Mogilevshchine / V.E. Kudryashov, O.L. Lipnitskaya // Dnyaproŭski kray: pavedamlenni ablasnoy krayaznaŭchay kanferentsyi. – Magilev, 1993. – S. 27–29.
20. Neprina, V.I. Pamyatniki kamennogo veka Levoberezhnoy Ukrainy / V.I. Neprina, L.L. Zaliznyak, A.A. Krotova. – Kiev : Naukova dumka, 1986. – 178 s.
21. Sorokin, A.N. Mezolit basseynov Desny i Oki (po materialam rabot Desniskoy ekspeditsii) / A.N. Sorokin // Kratkie soobscheniya o dokladah i polevyih issledovaniyah Instituta arheologii AN SSSR. – 1986. – Vyip. 188. – S. 28 – 35.
22. Sorokin, A.N. Mezolit Zhizdrinskogo Polesya. Problema istochnikovedeniya mezolita Vostochnoy Evropy / A.N. Sorokin. – М. : Nauka, 2002. – 251 s.
23. Yazepenko, I.M. Dnepra-dzyasninskaya kultura / I.M. Yazepenko // Arhealogiya Belarusi: entsykl. u 2-h t. / redkal. T.U. Byalova (gal. red.) [I Insh.]. – Minsk: Belaruskaya entsyklapedyiya Imya P. Broŭki, 2009. – T. 1.: A–K. – S. 307.
24. Kravtsov, A.E. Concerning the dating of the yenevo culture / A.E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999. – R. 272 – 279

A.V. Kolosov

**OF THE LOCAL CULTURES OF THE SWIDRY TRADITIONS IN THE
MESOLITHIC AGE IN EASTERN BELARUS**

Mogilev State A. Kuleshov University

Summary

The problem of the character and the ways of cross-cultural interactions as well the problem of the origin and development of archaeological cultures in the course of ancient population's contacts are rather topical in native Mesolithic age study. These problems have been regarded in the context of two peculiar local Mesolithic age cultures which were singled out in Eastern Belarus in 1970-s and 1980-s – the Sozh culture and the Dnieper-Desna culture. The present-day sources make it possible to deny the former idea of the autochthonous development of the Swidry traditions in the Mesolithic age in Eastern Belarus, this point being regarded in this article.

**НЕОМАРКСИСТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ:
МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА***УО «Белорусский государственный университет»*

С точки зрения М. Хардта и А. Негри движение истории и изменение социальной реальности приводит к изменению капитализма, что вызывает необходимость «отойти от самой марксовой теории настолько, насколько изменились объекты ее критики», и тем самым построить на основе марксистского метода «новый теоретический аппарат, адекватный нашей нынешней ситуации» [7, с. 179].

К. Корш и Д. Лукач пересмотрели оценку философии Гегеля в становлении марксизма и пытались «правильно и вполне понять эту необходимую и внутреннюю связь между немецким идеализмом и марксизмом» [3]. Главным «вопросом» истории, с точки зрения Д. Лукача, должен был стать вопрос «классового сознания» [4, с. 151]. Если методология «экономического детерминизма» исходит из того, что сознание людей зависит от их бытия, а не наоборот, то в рамках неомарксизма утверждалось, что «вопросы первичности» должны иметь смысл только, если при исследовании бытия и сознания «признается нераздельность этого сосуществования», как «фундаментальный бытийный фактор тотальности общественного бытия» [5, с.392]. Начиная с обращения Д. Лукача к исследованию сознания, неомарксизм в целом начинает характеризоваться сосредоточенностью на изучении «надстройки». В рамках неомарксизма происходит конвергенция марксистских понятий «базис» и «надстройка». Демонстрируется, что формационное «изменение происходит только в определенных пределах, которые устанавливаются структурой» общества в целом [10].

Капиталистическая формация в рамках неомарксизма познается как «реальное подчинение», которое основывается на «производстве субъективностей» [6, с. 309], посредством «идеологических аппаратов государства» [1]. Использование государством идеологических аппаратов позволяет реализовать ту «способность государства», которую Ю. Хабермас определял как «организационная трансформация интерсубъектно конституированных знаний общества о собственном самоопределении» [9, с. 369].

Государство является «структурой», в которой «сосредотачиваются противоречия различных формационных уровней», функция государства - «поддержание единства формации» [8]. Всеохватывающее вмешательство государства в «надстройку» и «базис» позволило Н. Пуланзасу утверждать о не существовании отдельных функций государства в различных сферах формации, а о «одной глобальной функции сплочения» [8]. «Код господства» [2, с. 64] в капиталистической формации - это «политическая практика» [8], в силу того,

что в результате тотальной государственной политической функции сплочения «все сделалось политическим» [2, с. 94].

Неомарксистский исторический материализм может быть сведен к следующим положениям. В общественном производстве своей жизни акторы реализуют определенные, необходимые, от их воли независимые практики – ритуальные intersубъективные воспроизводящиеся материально-идеологические действия, которые соответствуют определенной ступени их социального структурирования действительности (общественной формации). Совокупность этих действий составляет базис общества, на котором возвышается политическая надстройка, как сосредоточение сверхдетерминированности этих действий в виде противоречия формации. Противоречие формации предстает в практике как структура государства. Государство является аппаратом классового угнетения, который поддерживает противоречие формации не только репрессивным способом, но и через государственную функцию «сплочения» формации посредством культурной гегемонизации intersубъективных практик, порождающих противоречие. Тем самым противоречие воспроизводится как часть «универсализируемой» действительности общества, что и порождает классовую эксплуатацию. Неомарксистское материалистическое понимание истории исходит из того положения, что воспроизводство intersубъективных действий составляет основу всякой общественной формации, что в каждом выступающем в истории обществе характер intersубъективных действий, а вместе с ним и разделение общества на классы определяется политической борьбой, как борьбой за гегемонию над intersубъективными действиями. Таким образом конечных причин всех формационных изменений надо искать не в духовности и материальном производстве, а в intersубъективном воспроизводстве порядка в ритуальных практиках. Пробуждающееся понимание того, что существующие формационные установки неразумны и несправедливы – является лишь симптомом того, что способ intersубъективного конституирования практик формации вышел за рамки гегемонии идеологических аппаратов государства. Исторический процесс есть революционная смена общественных формаций, обусловленная деуниверсализацией прежних intersубъективных действий по воспроизводству общественной формации.

References:

1. Altyusser, L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) / L. Altyusser // Zhurnalnyi zal [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>. – Data dostupa: 01. 10.2012.
2. Bodriyyar, Zh. Simvolicheskiy obmen i smert / Zh. Bodriyyar. – M.: «Dobrosvet», 2000. – 387 s.
3. Korsh, K. Marksizm i filosofiya / K. Korsh // Skepsis. Nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal [Elektronnyi resurs]. – 2006. – Rezhim dostupa: http://sceptis.ru/library/id_672.html. – Data dostupa: 13.10.2012.
4. Lukach, G. Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoy dialektike / G. Lukach. – M.: «Logos-Altera», 2003. – 416 s.

5. Lukach, D. K ontologii obschestvennogo byitiya. Prolegomenyi. / D. Lukach. – M.: Progress, 1991. – 412 s.
6. Negri, A. Imperiya / A. Negri, M. Hardt. – M.: Praxis, 2004. – 440 s.
7. Negri, A. Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epohu imperii / A. Negri, M. Hardt. – M.: Kulturnaya revolyutsiya, 2006. – 559 s
8. Pulanzas, N. Politicheskaya vlast i sotsialnyie klassyi kapitalisticheskogo gosudarstva / N. Pulanzas // Biblioteka Gumer. Politologiya. [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/50.php. – Data dostupa: 19.10.2012.
9. Habermas, Yu. Filosofskiy diskurs o moderne / Yu. Habermas. – M.: Izd. «Ves mir», 2008. – 416 s.
10. Althusser, L. Reading capital / L. Althusser, E. Balibar // Marxist Internet Archive [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1968/reading-capital/ch03.htm>. – Date of access : 14.09.2013.

V.S. Mikhailouski

**NEO-MARXIST HISTORICAL MATERIALISM: THE METHODOLOGY OF
POLITICAL ANALYSIS**

Belarusian State University

Summary

This article provides an outline of neo-Marxist method of political analysis. Reveals reasons for the emergence of neo-Marxist method. Notes the main methodological features of the neo-Marxist. Proposes a definition of neo-Marxist method of political analysis.

Я.Л. Хомченко

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ КРИЧЕВСКОГО ПОСОЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2012 Г.)

УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова»

Введение. В 2012 г. автором статьи проводились археологические работы на территории Кричевского и Мстиславского районов Могилевской области. Основное внимание было уделено поиску и обследованию памятников археологии в бассейне р. Сож и его притоков – рр. Остер, Черная Натопа и Вихра. Первые сведения об археологических древностях этого региона относятся к середине XIX – первой половине XX вв. и связаны с работами Е.Р. Романова, М.В. Фурсова, С.Ю. Чоловского, В.И. Сизова, Н.Е. Бранденбурга, К.М. Поликарповича и др. В последующие годы археологическое изучение края проводили Л.В. Алексеев, В.Д. Будько, М.А. Ткачев, А.А. Метельский, В.Ф. Копытин, А.А. Седин, А.В. Салапонов, А.В. Колосов и др. [2, с. 4–6; 3, с. 16–21]. В итоге на археологической карте Кричевского и Мстиславского районов (по состоянию на 2009 г.) были учтены данные о 195 памятниках археологии [2; 3].

Однако полевые исследования 2012 г. убедили нас в том, что количество археологических объектов на территории этих двух районов значительно больше. Отдельные категории памятников, особенно относящихся к каменному и бронзовому векам, были изучены слабо. В первую очередь это касалось участка, прилегающего к р. Сож, севернее г. Кричева, на котором сведения о памятниках первобытной эпохи были крайне скудны.

В результате работ автора выявлен 51 памятник археологии и местонахождения отдельных находок. Учитывая небольшой объем публикации, ее целью является введение в научный оборот новых материалов, полученных в результате изучения памятников каменного и бронзового веков на территории Кричевского района. За помощь в работе с материалами выражаю признательность своему научному руководителю – кандидату исторических наук, доценту А.В. Колосову.

Результаты исследования. Новая группа археологических памятников обнаружена в окрестностях д. Глушнево и дачно-садоводческого поселка цементного завода г. Кричев. Именно здесь на первой надпойменной террасе, начиная с южной окраины дачно-садоводческого поселка, было открыто шесть памятников археологии, в том числе – три стоянки эпохи камня и бронзы.

Стоянка-1 каменного века на первой надпойменной террасе левого берега р. Свинка (0,2 км), в 0,35 км северо-западнее устья реки, впадающей в р. Сож, в 0,2 км западнее южной окраины дачно-садоводческого поселка цементного завода г. Кричев. Культурный слой памятника разрушен пахотой. На поле, на протяжении 100 м при ширине 40 м, были собраны изделия из кремня, в том числе: отщепы (4 ед.), пластина с ретушью по краю (рис. 1:4) и резец на сломе отщепа (рис. 1:12). Кроме этого, по дороге (улица поселка), выходящей в пойму

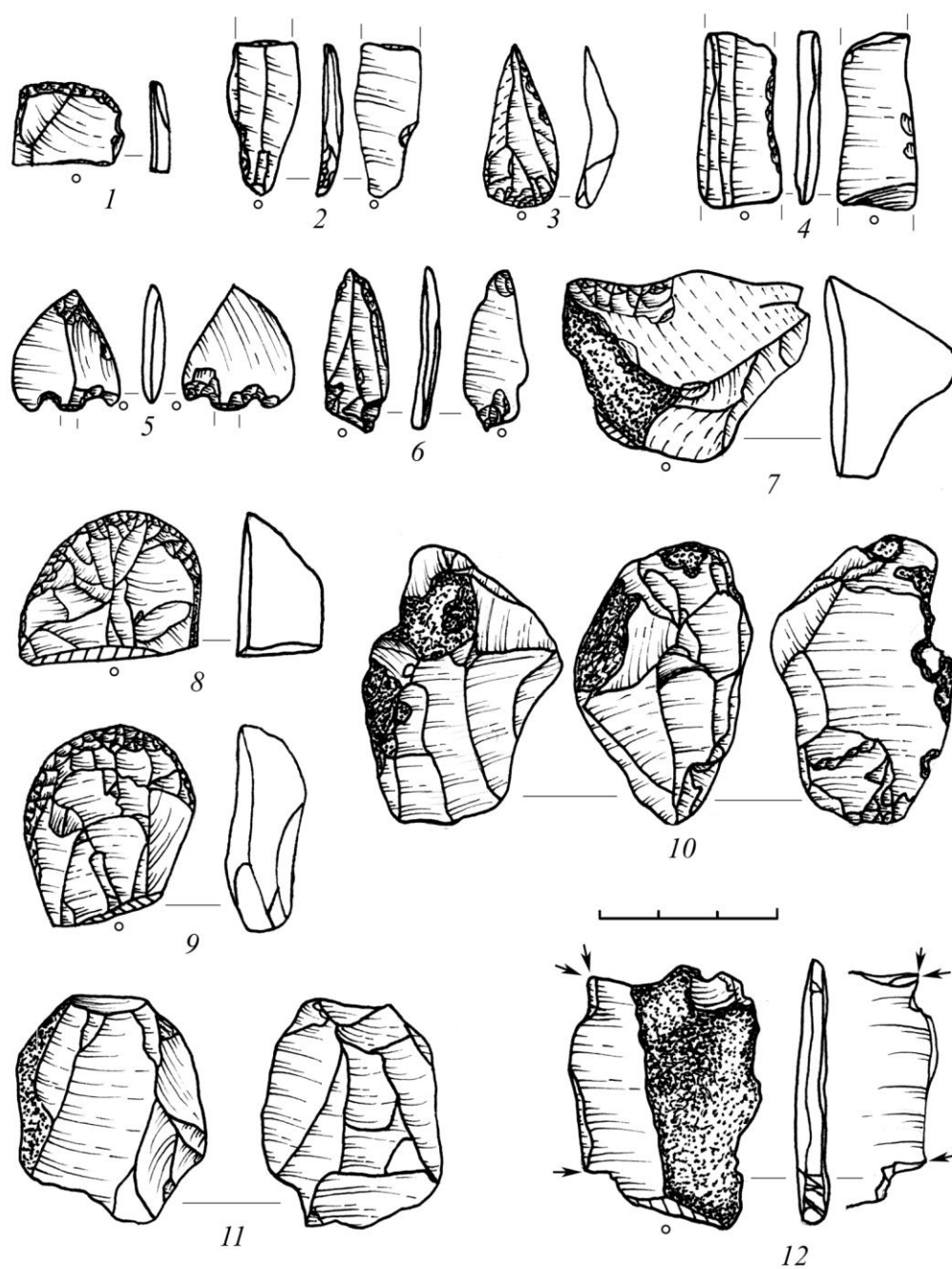

Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянок Глушнево-1 (4, 12),
Глушнево-2 (1-3, 7-9), Глушнево-3 (5-6, 10-11):
1 – скребок или вкладыш; 2, 5 – наконечники стрел; 3, 6 – острия;
4 – пластина-вкладыш; 7 – изделие с выемкой; 8-9 – скребки;
10-11 – нуклеусы; 12 – резец

р. Сож, на южной окраине поселка были подняты отщеп и нуклевидный обломок. Основная часть памятника с восточной стороны, занята приусадебными участками жителей дачного поселка. Стоит обратить внимание на меловой карьер, расположенный в 100 м западнее от стоянки, что дает основание говорить о наличии выходов кремня, вероятно, использовавшегося здесь человеком в древности.

Стоянка-2 каменного века открыта на всхолмлении первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 0,25 км севернее дачно-садоводческого поселка, северо-восточнее кладбища (0,7 км), расположенного у карьера. На вспаханном поле, на площади 50×40 м, были выявлены продукты расщепления кремня: отщепы (6 ед.), пластины (3 ед.) и осколок кремня. Кроме этого, найдены изделия с вторичной обработкой, в том числе: скребок или вкладыш (рис. 1:1), отщеп с ретушью, острие (рис. 1:3), подокруглый и концевой скребок (рис. 1:8, 9), изделия с выемкой (рис. 1:7) и фрагмент черешкового наконечника стрелы мезолитического облика (рис. 1:2).

Еще один памятник – стоянка-3 каменного и бронзового веков – был обнаружен на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 0,15 км южнее русла безымянного ручья, впадающего в р. Сож справа, в 0,2 км восточнее деревни, в 0,3 км севернее стоянки-2. Здесь на площади 50×40 м были собраны кремневые артефакты, представленные отщепами – 26 ед., 2 пластинами и 3 нуклеусами (рис. 1:10–11). Орудия труда представлены ретушером на отщепе, острием (рис. 1:6), 2 отщепами с ретушью, а также треугольно-черешковым наконечником стрелы бронзового века (рис. 1:5). Последний артефакт изготовлен на отщепе, имеет сломанный черешок, который со стороны спинки и брюшка подчеркивается двумя короткими выемками, образующими с двух сторон шиповидные выступы. Перо наконечника со стороны спинки подправлено ретушью.

Очень интересные материалы найдены в районе старичного озера Черное. Оно расположено в пойме левого берега р. Сож, южнее шоссе Кричев – Рославль, северо-западнее д. Прудок. Вдоль озера, по его восточному берегу, сохранились облесенные участки первой надпойменной террасы. Именно здесь в процессе поисковых работ было открыто 4 стоянки каменного века.

Стоянка-1 каменного века на первой надпойменной террасе восточного берега оз. Черное, в 1 км северо-восточнее кладбища д. Прудок, в 0,45 км южнее шоссе Кричев – Рославль, в 0,75 км юго-восточнее моста через р. Сож, в 0,75 км, север-северо-восточнее мемориального комплекса, погибшим в годы Великой Отечественной войны, в лесу.

Находки собраны вдоль бровки террасы, поврежденной окопами времен Великой Отечественной войны. Кроме этого, поверхность террасы сильно изрыта современными ямами. В стенках окопа, идущего вдоль бровки террасы, и многочисленных ям по всей площади памятника, обнаружен многочисленный подъемный материал, представленный продуктами расщепления кремня, изделиями с вторичной обработкой и фрагментами лепной неолитической керамики.

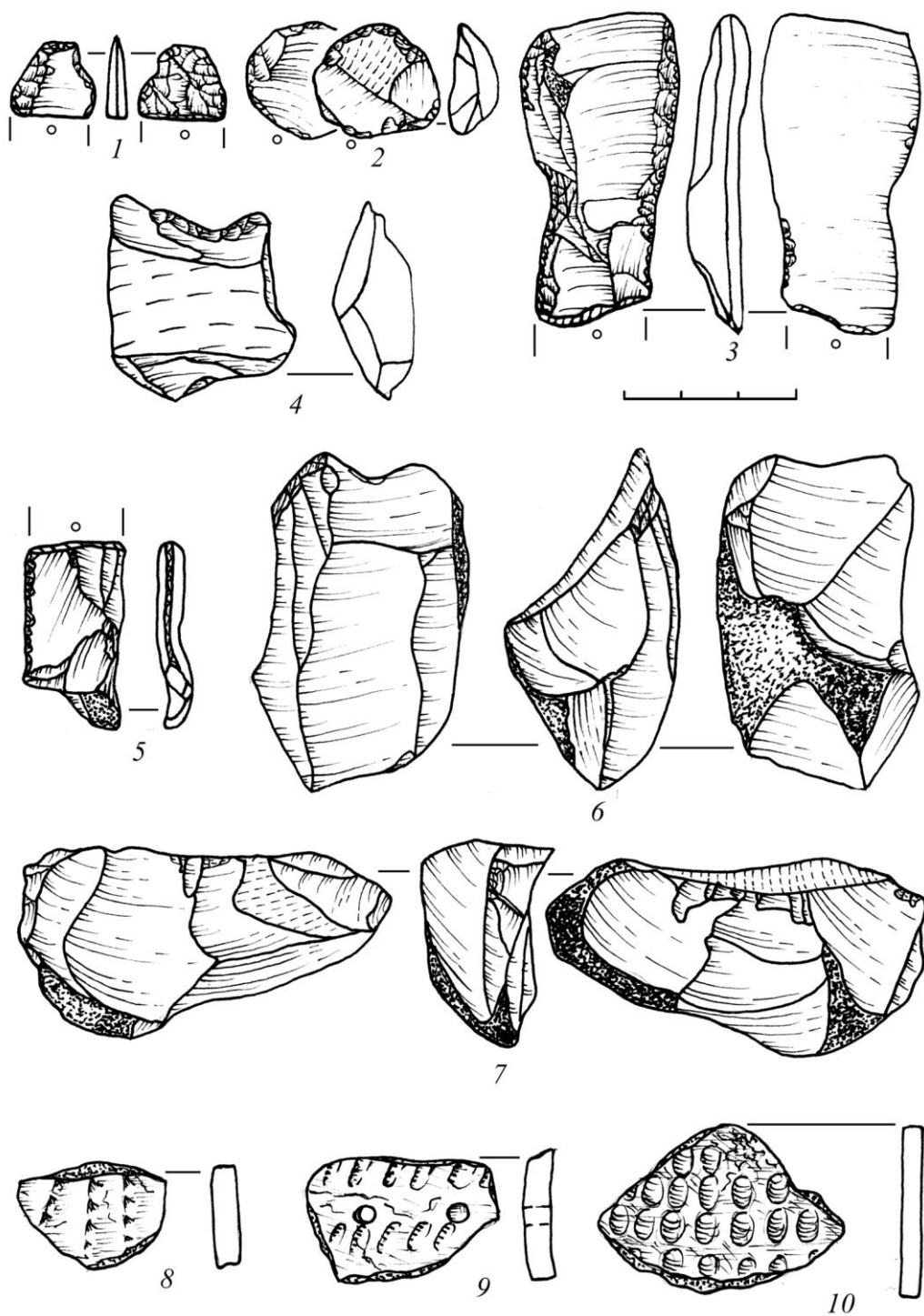

Рис. 2. Коллекция находок стоянок Лобковичи-3 (1–3),
Первокривчевский-4 (4), Прудок-1 (5–7), Прудок-3 (8–10):
1 – фрагмент наконечника стрелы (?); 2 – скребок; 3 – нож; 4 – изделие с выемкой;
5 – пластина-вкладыш; 6–7 – нуклеусы; 8–10 – фрагменты лепной керамики (неолит)

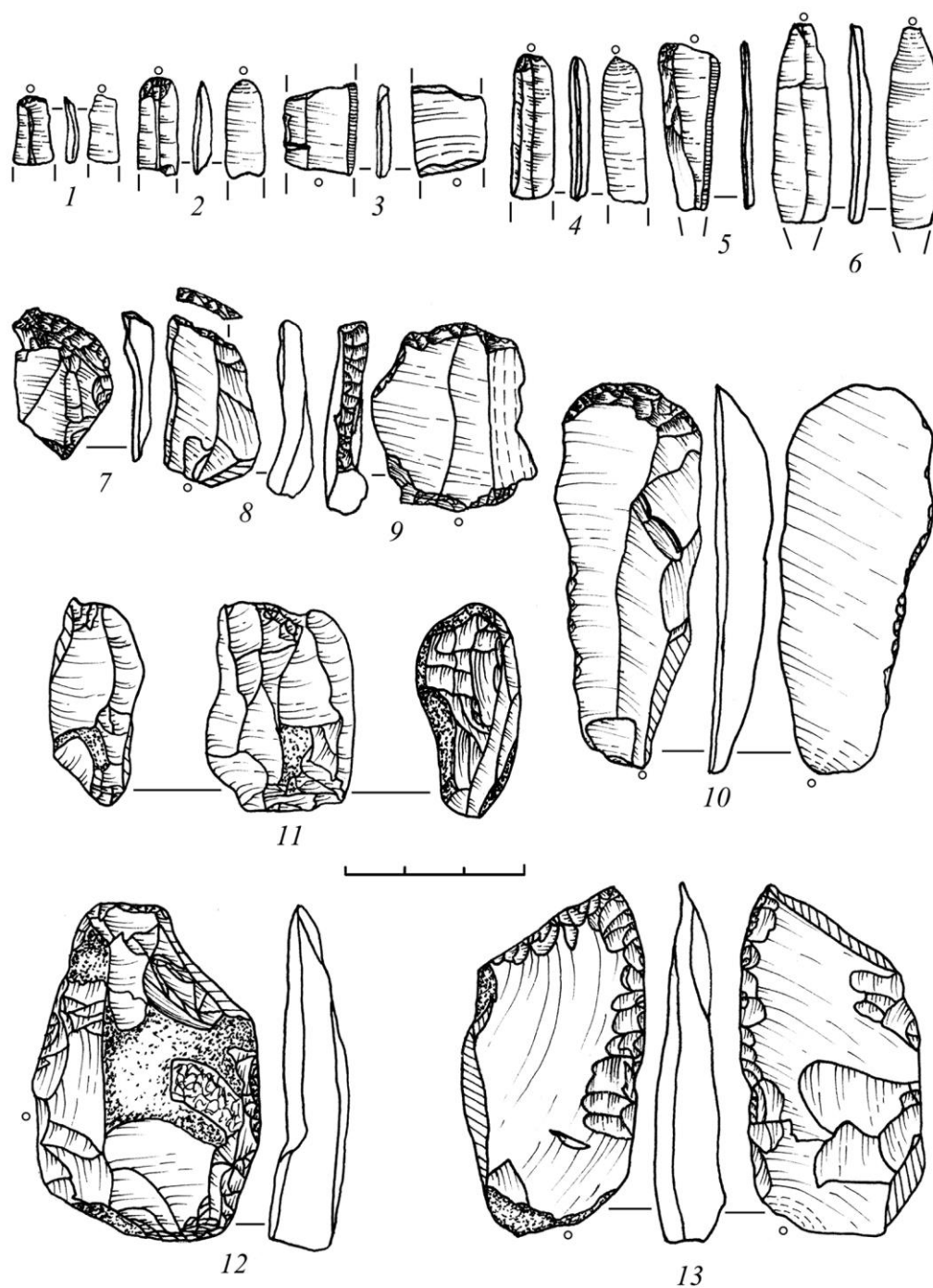

Рис. 3. Кремневый инвентарь стоянки Прудок-2:
 1 – микропластина с ретушью на конце; 2 – 6 – пластины; 7, 9 – 10 – скребки;
 8 – пластина со скошенным ретушью концом; 11 – нуклеус;
 12 – скребловидное изделие; 13 – нож

Изделия первичной обработки представлены отщепами – 210 ед., пластинами – 35 ед., мелкими осколками – 129 ед. и нуклеусами – 2 ед. (рис. 2:6–7). Орудия труда включают отщепы (5 ед.) и пластины (3 ед.) с ретушью по краю, пластину с ретушью на конце, концевой скребок на отщепе и пластину-вкладыш (рис. 2:5). Фрагменты лепной керамики – 3 ед. На их поверхности сохранился орнамент в виде оттисков гребенки; с внутренней стороны присутствуют следы от ее расчесов. Своей аналогии такая керамика имеет среди материалов верхнеднепровской неолитической культуры [1, с. 40–96; 2, с. 68–72].

На правом берегу безымянного ручья, впадающего в оз. Черное, в 0,17 км южнее шоссе Кричев – Рославль, по лесной дороге были подняты отщеп и фрагмент гончарной керамики. Несмотря на то, что это единичные находки, а провести более детальное изучение берега пока не представляется возможным (его площадь занята лесом), это все же дает основание предполагать о возможном местонахождении здесь памятников археологии, что, естественно, требует дальнейшего изучения этого участка берега озера.

На первой надпойменной террасе юго-восточного берега оз. Черное, в 0,25 км севернее кладбища д. Прудок, западнее мемориального комплекса погибшим в годы Великой Отечественной войны, в 0,7 км юго-западнее стоянки-1, в лесу обнаружена стоянка-2 эпохи мезолита и неолита.

Поверхность террасы, высотой 3–4 м над меженным уровнем воды в озере, как и на стоянке-1, нарушена военными окопами. Кроме этого, территория памятника в настоящее время используется как зона отдыха, что также влияет на сохранность культурного слоя: в отдельных местах сохраняются следы от кострищ современных кемпингов, ямы для свалки мусора. Вместе с тем, на отдельных участках, свободных от леса и не тронутых «современной цивилизацией» есть возможность проводить раскопки.

В стенках окопа, идущего вдоль бровки террасы, собраны кремневые изделия и фрагмент лепной неолитической керамики, орнаментированный оттисками гребенки. Среди кремневых изделий выделяются продукты расщепления, включающие 217 отщепов, 103 мелких осколка, 69 пластин (рис. 3:2–6), 2 нуклеуса (рис. 3:11). Орудийный комплекс представлен отщепами (5 ед.) и пластинами (4 ед.) с ретушью по краю и на конце (рис. 3:1), пластиной со скошенным концом (рис. 3:8), изделием с выемкой на отщепе, концевыми скребками (рис. 3:7, 9–10) скребловидными изделиями на отщепах (рис. 3:12), резцом на сломе отщепа и ножом на отщепе (рис. 3:13).

Новый памятник (стоянка-3 эпохи неолита) обнаружен на первой надпойменной террасе восточного берега оз. Черное, в 0,9 км северо-восточнее кладбища д. Прудок, в 0,55 км южнее шоссе Кричев – Рославль и 0,1 км стоянки-1. Культурный слой стоянки разрушен окопами времен Великой Отечественной войны и современными перекопами. На памятнике собран комплекс находок, состоящий из продуктов расщепления кремня, изделий с вторичной обработкой и фрагментов лепной неолитической керамики (рис. 2:8–10). Отдельные фрагменты орнаментированы оттисками гребенки,

отступающими наколами и лапчатым орнаментом. Они аналогичны керамике, найденной на стоянке-1, и относятся к верхнеднепровской неолитической культуре [1, с. 40–96; 2, с. 68–72]. Стоит отметить скопление мелких осколков кремня (204 ед.) в юго-западной экспозиции памятника, свидетельствующее об обработке кремня на месте самой стоянки.

Стоянка-4 каменного века на левом берегу р. Худобычка (0,1 км) впадающей в озеро Черное, в 0,25 км южнее стоянки-2, на месте кладбища д. Прудок. На песчаных всхолмлениях берега и вдоль лесной дороги был собран подъемный материал: отщеп, мелкие осколки (3 ед.) и отщеп с ретушью.

Новые материалы по каменному веку получены во время обследования окрестностей дд. Лобковичи, Стаборщина и Первокривичевский. Возле д. Лобковичи на правом берегу р. Сож, на приусадебных участках домов № 162 и 164 ул. Центральная найдены нож (рис. 2:3) на пластине, концевой скребок (рис. 2:2), изделие с выемкой на отщепе и фрагмент наконечника стрелы (?) (рис. 2:1). Культурный слой стоянки постоянно опаживается. Данное местонахождение около д. Лобковичи уже является третьим по счету, с учетом исследований прежних лет [2, с.124; 3, с.81 – 82].

Возле д. Стаборщина стоянка каменного века обнаружена на правом берегу р. Черная Натопа (0,05 км), в 1,25 км северо-западнее кладбища д. Стаборщина, в 0,2 км западнее курганного могильника, расположенного на западной окраине деревни. По территории памятника проходит грунтовая дорога на д. Бояры, его северная часть на момент изучения вдоль бровки террасы была задернована. Южная же экспозиция стоянки была распахана, что дало возможность провести сбор подъемного материала. Среди находок – изделия из кремня, в том числе: пластина, мелкий осколок, концевой скребок и проколка на отщепах.

На восточной окраине д. Первокривичевский, на правом берегу р. Сож (0,17 км), около кладбища были обнаружены находки каменного века: отщепы (5 ед.), осколки кремня (2 ед.), отщеп с ретушью, изделия с выемкой (2 ед.) (рис. 2:4). С учетом прежних исследований [3, с. 70], найденный комплекс находок позволяет говорить о наличии в окрестностях д. Первокривичевский еще одной, четвертой по счету, стоянки каменного века.

Заключение. Подводя итоги работ, следует отметить, что благодаря работам 2012 г., на территории Кривичевского района стало известно 10 новых памятников, относящихся к эпохе камня и бронзы. Получены материалы, которые в дальнейшем позволят наметить перспективы в поиске и изучении памятников этих эпох и решить вопрос о первоначальном заселении региона.

References:

1. Kalechits, E.G. Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Vostochnoy Belorussii / E.G. Kalechits. – Minsk : Nauka i tehnika, 1987. – 158 s.
2. Kolosov, A.V. Arheologicheskie drevnosti Mogilevskogo Posozhya: po materialam ekspeditsiy 2002–2008 gg. / A.V. Kolosov – Mogilev : Izd-vo UO «MGU im. A.A. Kuleshova», 2009. – 264 s.

3. Kopyitin, V.F. Arheologicheskie pamyatniki Krichevskogo rayona Mogilevskoy oblasti / V.F. Kopyitin. – Mogilev : Izd-vo MGU im. A.A. Kuleshova, 1999. – 109 s.

Ya. Khomchanka

**NEW MONUMENTS OF LITHIC AND BRONZE AGES IN KRICHEV POSOZHE
(UNDER THE MATERIALS OF WORKS IN 2012)**

Mogilev State A. Kuleshov University

Summary

The article is devoted to archaeological works in 2012 on the territory of Krichev in Mogilyov region (the Basin of Sozh River). The group of noncontemporaneous monuments of archeology was explored, including 10 stands dating back to stone and bronze centuries. The given information about them is entered into a scientific turn for the first time. The article introduces a short description of the received materials and their cultural and chronological interpretation.

СЕКЦИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ПРАВО»

УДК 340.125/ 34.096

С.Ф. Караленя, А.Г. Климашин

**НООСФЕРНАЯ ЭКОНОМИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ. ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЗА СЧЁТ УВЕЛИЧЕНИЯ
ПОТЕНЦИАЛА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

Нынешнее столетие – это время сильной информатизации общества, увеличения скоростей и повышения эффективности во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в экономике, в экономическом базисе с его производственными силами и отношениями. Сейчас новой экономикой принято называть экономику, базирующуюся на использовании интеллектуального ресурса, то есть хозяйствование в ноосфере.

В истории развития общества чётко выделяются следующие общественно-экономические формации (*формационная теория К.Маркса*): общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая и коммунистическая. Рабовладение возникло в результате разложения первобытнообщинного строя и в качестве критерия богатства выделяло количество рабов. Феодализм пришёл на смену рабовладению, а главным его богатством была земля и т.д.

Ноосферная экономика ставит знание и истину как наивысшую ценность правовой надстройки и экономического базиса, при этом она так же уделяет огромное внимание таким болезненным вопросам как экология и устойчивое развитие, информационная безопасность и право интеллектуальной собственности, энергобезопасность и классовое расслоение общества...

Для Беларуси, как страны без ощутимых запасов сырья, развитие интеллектуального капитала является одной из самых стратегических задач в экономике. Безусловно, для этого требуется правовое регулирование данной системы взаимоотношений. В связи с этим был принят ряд нормативных правовых актов, таких как Закон «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», Закона «О научной деятельности», Указа № 1 «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры». Данный перечень нормативных актов не является исчерпывающим. Он лишь свидетельствует о том, что законодательство и государственное управление стали в большей степени быть ориентированы на развитие инновационной инфраструктуры. Однако юридически многие вопросы, встающие на практике, остаются неурегулированными, а иногда и впадают в противоречия между собой (*Например: Закон «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» и Закон «Об авторском праве и смежных правах» в части имущественных прав автора или*

разработчика). Более того не достаточно продекларировать какие-то положения. На практике плановая реализация развития инновационной структуры не находит своего должного подтверждения.

С точки зрения юридической для работы нескольких нормативных правовых актов в соответствие следует привести всю систему законодательства, что бы она работала как единый механизм. В первую очередь, конечно же, следует систематизировать и гармонично организовать законодательство 10 раздела Единого правового классификатора (*утв. Указом Президента от 4 января 1999 года № 1*) – законодательство в области образования, науки, информации, информатизации, культуры, искусства.

Для перехода к информационному обществу следует повысить эффективность работы с той самой информацией, что возможно только по средствам обучения методам (с помощью обучения методологии). На сегодняшний день система подготовки (образования) во многом, к огромному сожалению, сводится к фактологии. При значительном росте объёмов информации заучивание фактов по устаревшим шаблонам становится невозможным, а отсутствие эффективной подготовки для работы с научными и инновационными методиками значительно снижает потенциал студентов и молодых учёных к производству интерллектуального капитала. Система образования не готова к созданию новой или усовершенствованной продукции, технологии, услуги, организационно-техническому решению производственного, административного, коммерческого или иного характера (т.е. инновациям) в силу того, что существующие стандарты не направлены на свободное и творческое развитие личности. Не находит применение на практике обучение по индивидуальному учебному плану (пункт 1.5 статьи 31 Кодекса об образовании), студенческое самоуправление в редких случаях решает конкретные социально-экономические проблемы студентов. Не везде имеется совет по качеству образования, что в свою очередь является одной из основ для вступления в Болонский процесс. Отсутствие эффективной реализации таких социальных прав обучающегося не способствует гармоничному развитию и преумножению социального капитала.

Таким образом, говоря об информационном обществе, мы предполагаем хозяйствование в ноосфере с использованием интеллектуального капитала. На законодательном уровне предприняты попытки определить сферу инновационной деятельности, налоговые и иные льготы, направления (трансферы технологий, технопарки, парки высоких технологий, венчурные организации и так далее) развития инновационной инфраструктуры. Однако для «труда в ноосфере» и наращивания «интеллектуального капитала» необходимы определённые предпосылки в виде качественных изменений в системе образования, прежде всего, а так же повышения размеров социально-экономических гарантий прав обучающихся. Кроме этого требуется соотнести многие положения законодательства между собой и предусмотреть больше социально-экономических льгот для предприятий производящих и

реализующих инновационную продукцию, усилив вместе с тем контроль за плановым развитием субъектов инновационной инфраструктуры.

References:

1. Ob obrazovanii: Kodeks Respubliki Belarus ot 13 yanvarya 2011 // NRPA Respubliki Belarus. – 2011. – № 2/1795.
2. O gosudarstvennoy innovatsionnoy politike i innovatsionnoy deyatel'nosti: Zakon Respubliki Belarus ot 10.07.2012 goda // NRPA Respubliki Belarus. – 2012. – № 2/1977.
3. Adamov, A. K. Noosfernaya filosofiya. – Saratov: B. i., 2000. – 126 s.
4. Gordina, L. S. Limonad M. Yu. Noosfernaya etiko-ekologicheskaya Konstitutsiya chelovechestva. – M.: izd-vo RITA, 2007. – 101 s.
5. Klimashin, A. G. Sovremennyye podhody k ponimaniyu obshchestvennoekonomicheskoy formatsii. Noosfernaya ekonomika. // Belarus na puti progressa: innovatsionnaya ekonomika, upravlenie, pravo / A. G. Klimashin. – 2008. – s. 118-120.
6. Nikitenko, P.G. Noosfernaya ekonomika i sotsialnaya politika: strategiya innovatsionnogo razvitiya. – Mn.: Belorusskaya nauka, - 2006. - 478 s.
7. Haletskaya, T. M. Osnovy upravleniya intellektualnoy sobstvennostyu. Mn.: TetraSistems, – 2007. – 125 s.

S. Karalenya, A. Klimasin

**THE NOOSPHERE ECONOMY FROM THE POINT OF VIEW OF LEGAL
REGULATION. IMPROVING THE QUALITY OF INNOVATION INFRASTRUCTURE
BY INCREASING THE CAPACITY OF THE EDUCATION SYSTEM**

Summary

The author describes the definition of noosphere economy. He focuses on adoption some legislation acts and regulated by them issues of state innovative policy. The problem is correlation legislation about educational system, students right practice realization with noosphere economy.

**ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ФОРМИРОВАНИЕ И
РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ***УО «Белорусский государственный экономический университет»*

Проблема защиты информации актуальна во все времена. В древности, мастера хранили свои профессиональные тайны, передавая их только узкому кругу лиц, причем при определенных условиях.

Зарождение защиты информации как способа действий для сохранения в тайне содержания писем, посланий, депеш, секретных приказов и т.п. относят к очень далеким временам, фактически к временам возникновения письменности [1, с.32].

В исторических документах древних цивилизаций Индии, Египта, Месопотамии имеются сведения о системах и способах защиты информации. Более достоверные сведения о применяемых системах защиты данных относятся к периодам существования государств Древней Греции и Древнего Рима. Защите подвергались религиозные тексты, прорицания жрецов, медицинские рецепты, использовалась защита информации и в государственной сфере, в частности, защите подвергались личные данные (персональные данные) о первых лицах государства [1, с. 36.]

В той или иной степени имели дело со способами и приемами защиты информации или затрагивали эти вопросы в своих трактатах такие исторические фигуры как Полибий, Юлий Цезарь, Платон, Пифагор, Аристотель и др. [2, с.112]

После распада Римской империи Европа погрузилась во мрак средневекового невежества. Практически исчезли грамотность, наука и искусство. Не стала исключением и выработанная древним миром система защиты информации [2, с.144].

Эпоха Возрождения стала временем не только всемирных открытий, но и великих тайн. Кто знал чужие секреты, тот вершил судьбы мира.

В Испании первые системы защиты информации появились в XV веке.

В Германии в XV-XVI веках значительный вклад в развитие защиты информации внёс Иоганнес Тритемий, аббат монастыря в городе Вюрцбург. Это был образованный по меркам того времени человек, находившийся под личным покровительством императора Максимилиана I. Учёный богослов, натурализатор и историк, он заслужил славу чернокнижника своим сочинением «Полиграфия» - написанным в 1499 году, в которой отражались основные принципы защиты информации (данных, сведений) Это была первая печатная книга по защите информации [3, с.49].

Необходимость первостепенной защиты прав человека и формирование принципа о необходимости подобной защиты подчеркнуто в работе Джона Локка «Два трактата о правлении», которая была опубликована в 1690 году, где автор писал, что, несмотря на то, что человек в естественном состоянии

является абсолютным господином собственной личности и владений и обладает подобным правом, все же пользование им весьма ненадежно, и ему постоянно угрожает посягательство других [4, с.334].

В 1890 году адвокат из г. Бостона (Соединенные Штаты Америки), будущий судья Верховного суда, Луис Д. Брандейс совместно с его коллегой Самюэлем Уореном опубликовали в Гарвардском правовом журнале статью «Право на приватность». Авторы статьи сформулировали категорию «право быть оставленным в покое», полагая, что вторжение в частную жизнь представляет собой преступление более тяжкое, чем клевета и оскорбление, и поэтому требует более сильных и эффективных средств защиты [5].

В 1880 году в Санкт-Петербурге увидела свет работа профессора и священнослужителя Михаила Горчакова «О тайне супружества», внесшая значимый вклад в развитие учения о семейной тайне. Уже тогда возникло суждение о том, что «личные взаимоотношения между супругами должны храниться в тайне и не разглашаться без какой-либо нужды», в связи с чем было определено сохранять тайну супружества всем, кому она станет известной по определенным причинам и обстоятельствам [6].

В XX веке огромную роль в становлении и формулировании права на частную жизнь сыграла деятельность американских судов. Так, в 1965 г. в деле Грисворд против Коннектикута (Griswold v. Connecticut) судья Верховного суда США Дуглас вывел право на прайвеси из первых пяти поправок к Конституции США, признав, что эти поправки «охраняют различные аспекты неприкосновенности частной жизни. Широко известны слова, которые он произнес, резюмируя решение суда: «Мы имеем дело с правом на неприкосновенность частной жизни, которое старше, чем Билль о правах».

Сформированная в США концепция прайвеси оказала большое влияние на становление современной системы защиты личной тайны граждан.

С развитием информационных технологий внимание и интерес к проблеме неприкосновенности частной жизни и защиты персональной тайны начали существенно усиливаться. Появились новые технологии и средства для сбора, хранения и обработки данных, касающихся как личной жизни индивидов, так и их публичной деятельности. В праве остро встал вопрос о принятии особых правил регулирования сбора и обработки персональных данных как все более популярного объекта хозяйственного оборота. В это время наиболее активное развитие норм о защите персональных данных наблюдается в Европе [7].

В настоящее время во многих странах мира продолжают исследования вопросов защиты персональных данных граждан с целью совершенствования существующих систем защиты персональной информации.

В Республике Беларусь с недавнего времени так же ведутся исследования вопросов защиты персональных данных. Среди современных исследователей, занимающихся изучением вопросов защиты персональных данных необходимо отметить таких авторов как Е.А. Зиганшина, С.В. Овсейко, В.А. Солдатенко, Е.А. Антох и некоторые другие. Однако следует констатировать, что данные

исследования носят фрагментарный характер, и не отличаются целостностью и системностью.

В заключении хотелось бы отметить, что потребность в защите персональных данных была осознана еще в древние времена, однако до сегодняшнего дня в отдельных государствах (в том числе и в Республике Беларусь) не выработаны механизмы и способы защиты персональной информации.

В этой связи особо приоритетными и актуальными являются исследования вопросов правового регулирования и защиты персональных данных граждан в нашем государстве.

References:

1. Emelyanov, G. V. Informatsionnoe obschestvo/ G.V. Emelyanov – Mn.: Amalfeya, 2005. – 210 с.
2. Averchenkov, V.I. Sistemyi zaschityi informatsii v veduschih zarubezhnyih stranah: ucheb. posobie dlya vuzov / V.I. Averchenkov, M.Yu. Rytov, G.V. Kondrashin, M.V. Rudanovskiy. – Bryansk: BGTU, 2007. – 225 s.
3. Gorbovskiy, A. Zagadki drevneyshey istorii / A. Gorbovskiy – M., MGU, 1971. – 341 s.
4. Lokk, Dzh. Sochinenie v treh tomah / Dzh. Lokk – M.: Izdatelstvo Mysl God, 1988. – 464 с.
5. Brandeis, L. Right of Privacy // L. Brandeis, S. Warren. – Harvard: Harvard Law Review. – № 193, 1890. – S. 78-81
6. Gorchakov, M.I. O tayne supruzhestva / M.I. Gorchakov – Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1880. – 447 s.
7. Vazhorova, M.A. Istoriya vzniknoveniya i stanovleniya instituta personalnyih dannyyh // M.A. Vazhorova. – Chelyabinsk: Dva komsomoltsa. – № 4, 2011. – S. 33-38.

A. Shuhai

PROTECTION OF PERSONAL DATA: FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC VIEWS

Belarus state economic university

Summary

In the article the author consider the issue of formation and development of scientific views about personal data protection.

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

УДК 811.161.3'36

І.С. Канавалава

СТЫЛІСТЫЧНЫЯ ФІГУРЫ ЯК СРОДАК ВЫРАЖЭННЯ КАМІЧНАГА Ў БЕЛАРУСКІХ АНТЫПРЫКАЗКАХ

УА «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова»

Антыпрыказкі – гэта спецыфічная лінгвістычная з’ява, выказванні, якія маюць сінтаксічную структуру сказа (тэксту) з прамым ці пераносным агульным значэннем і ўтварыліся шляхам структурнай трансфармацыі прыказак ці іншых агульнавядомых клішэ з мэтай іх парадзіравання або проста дзеля жарту [3, с. 96].

Мэта нашага даследавання – акрэсліць асноўныя стылістычныя фігуры, якія выкарыстоўваюцца для выражэння камічнага ў беларускіх антыпрыказках.

Матэрыялам даследавання сталі беларускія антыпрыказкі (600 адзінак), якія былі зафіксаваны аўтарам артыкула на старонках беларускамоўнай прэсы і беларускамоўных Інтэрнэт-сайтаў.

Асноўнымі маўленчымі сродкамі стварэння камічнага ў антыпрыказках з’яўляюцца наступныя стылістычныя фігуры.

1 Каламбур

Адным з эфектыўных спецыялізаваных сродкаў стварэння камічнага эфекту з’яўляецца каламбур. Каламбур – гэта стылістычная фігура, заснаваная на выкарыстанні розных значэнняў аднаго і таго ж полісеманта (слова, фразеалагізма) ці дзвюх сугучных адзінак (амонімаў, паранамазаў) [4, с. 11].

Большая частка антыпрыказак, утвораных шляхам **субстытуцыі (лексічнай ці фанетычнай)**, пабудавана на моўнай гульні, у аснове якой ляжыць стварэнне лексічнага каламбура. Найбольш прадуктыўнымі сродкамі стварэння камічнага эфекту пры ўтварэнні беларускіх антыпрыказак з’яўляюцца наступныя тыпы каламбураў (паводле памяншэння ступені прадуктыўнасці).

1.1 Паранамастычны каламбур

Для беларускіх антыпрыказак характэрны наступныя віды паранамазіі: а) імпліцытная: *Не кажы **гон**, пакуль не **гоннешся*** ← *Не кажы **гон**, пакуль не пераскочыў (не пераскочыш)*; б) экспліцытная: *Не ў свае сані не **судзіся*** ← *Не ў свае сані не **сэдзіся***; в) змешаная: *Лепш **пагана** ехаць, чым **паганкі** есці* ← *Лепш (лепей) дрэнна ехаць, чым **добра ісці***. Замена **пагана** → **паганкі** – прыклад экспліцытнай паранамазіі, замена **ісці** → **есці** – імпліцытнай.

1.2 Антанімічны каламбур

Адметным стылістычным прыёмам для пабудовы антанімічных каламбураў з’яўляецца выкарыстанне ў якасці пераменных кампанентаў антонімаў (узуальных і аказіянальных), што садзейнічае стварэнню камічнага

ефекту: *Лети дрэнна ехаць, чым **дрэнна** ісці* ← *Лети (лепей) дрэнна ехаць, чым **добра** ісці*.

Замена кампанентаў прыказак пры ўтварэнні антыпрыказак адбываецца ў пераважнай большасці выпадкаў у межах адной часціны мовы з захаваннем граматычнага значэння і формы яго выражэння.

1.3 Полісемантычныя каламбуры

Полісемантычныя каламбуры ўтвараюцца пры наўмысным і нечаканым сутыкненні (абыгрыванні) у кантэксце розных значэнняў полісемантаў (прамых, прамых і пераносных, агульнаўжывальных і абмежаванага выкарыстання, узуальных і аказіянальных) [4, с. 12].

*Кантралёрам: не ганіцеся за двума **зайцамі*** ← *За двума **зайцамі** пагонішся, ніводнага (ні аднаго) не зловіш*. Камічны эффект ствараецца за кошт абыгрывання розных значэнняў полісеманта *заяц*: у прыказцы рэалізуецца значэнне “жывёла”, а ў антыпрыказцы – “безбілетны пасажыр”.

2 Сінтаксічны паралелізм

Дзве і больш канструкцыі (спалучэнні членаў сказаў, простых сказы, складаныя сказы і іх часткі), якія маюць тоесную сінтаксічную будову, з’яўляюцца канструкцыямі, пабудаванымі паводле паралелізму. Паралельныя канструкцыі або цалкам адрозніваюцца лексічным складам, або маюць агульныя кампаненты, якія ўзмацняюць сувязь частак гэтых канструкцый [4, с. 57].

Камічны эффект дасягаецца заменай асобных кампанентаў левай часткі антанімічнымі ў правай частцы: *Хочаш нажыць ворагаў – пазыч грошай. Хочаш сам стаць ворагам – не пазычай*.

3 Акратэза

Акратэза – стылістычная фігура, адзін з кампанентаў якой (другі) сцвярджаецца шляхам адмаўлення супрацьлеглага (другога) [4, с. 69].

Пры ўтварэнні антыпрыказак прыём акратэзы рэалізуецца пры дапамозе ўстаўкі ў зыходную прыказку (або яе перафразаваную форму) новай прэдыкатыўнай часткі: *Камп’ютэр камп’ютэру не **таварыш**, а **вірусаносьбіт***.

4 Антытэза

Антытэза выражае камічны эффект за кошт супастаўлення супрацьлеглых паняццяў, якія маюць дачыненне да розных рэалій: *З разумным чалавекам **прыемна пагутарыць**, але **цяжка працаваць***; *Салодкая яда – жывату **бяда**, а кандытару **прыбытак***.

5 Аксюмаран

Аксюмаран – стылістычная фігура, у якой спалучаюцца два кантрастныя паводле значэння словы, якія лагічна выключаюць адно аднаго, што і стварае камічны эффект: *Шмат будзеш ведаць – так **маладым спецыялістам** і **састарышся***.

6 Гіпербала

Камічны эффект гіпербалы звязаны з тым, што ў ёй назіраюцца супярэчнасць і поўная або частковая неадпаведнасць зместу фактам рэчаіснасці, якія моцна перабольшваюцца [4, с. 69]. Пры ўтварэнні

антыпрыказак прыём гіпербалы можа рэалізоўвацца пры замене другой часткі зыходнай парэміі: *Хто апарыўся на малацэ, той і на карову дзьме* ← *Апёкшыся малаком, ваду студзяць*.

7 Метафара

Важным сродкам стварэння камічнага эфекту пры ўтварэнні антыпрыказак з'яўляецца метафара – троп заснаваны на прынцыпе падабенства. Дзейнасць метафары як сродку камічнага залежыць ад лексічна-стылістычнай кантрастнасці яе пераноснага значэння і суадноснага прамога [4, с. 79].

Пры ўтварэнні антыпрыказак выкарыстоўваюцца наступныя тыпы метафар.

7.1 Антрапамарфічная

Антрапамарфічная метафара, якая абазначае дзеянне чалавека, што ажыццяўляецца нежывым прадметам: *Дрэжны той **шаблон**, які не **марыць** стаць стандартам*; *Кожны **панядзелак марыць** стаць суботай ці нядзелай*.

7.2 Анімістычная

Анімістычная метафара адлюстроўвае навакольны свет, адухоўлены чалавекам. Разнавіднасцю гэтай метафары з'яўляюцца заамарфізмы:

а) перанос “дзеянне жывёлы → дзеянне чалавека”: *Доктар доктару вока не **выдзеўбе*** ← *Воран ворану вачэй (вока) не выклюе (не выдзеўбе)* – чалавеку прыпісваецца дзеянне птушкі;

б) перанос “дзеянне чалавека → дзеянне жывёлы”: *На **піццё і **рак сцібрыць***** – раку прыпісваецца дзеянне чалавека (*красці*).

8 Параўнанне

Стварэнню камічнага эфекту пры ўтварэнні антыпрыказак спрыяе стылістычны прыём параўнання, у аснове якога – “нечаканае, незвычайнае супастаўленне прадметаў або з’яў” [1, с. 40], “збліжэнні далёкіх або нават несумяшчальных паняццяў” [2, с. 15].

Пры ўтварэнні антыпрыказак прыём параўнання рэалізуецца з дапамогай замены лексічных кампанентаў прыказкі і пераводу адмоўнага выказвання ў сцвярджальнае: *Слова – як **птушка**: выпусціў – нагадзіць* ← *Слова не верабей, выпусціў (выпусціш, вылеціць, вылецела) – не **зловіш***. Дадзены прыклад камбінуецца з прыёмам метафарызацыі (пераносу дзеяння птушкі на дзеянне, якое ажыццяўляецца нежывым прадметам).

9 Перыфраза

Перыфраза як стылістычны сродак заключаецца ў апісальным найменні прадметаў і з’яў, вылучаючы ў пэўным кантэксце прыметы.

Перыфраза паказвае адносіны носбітаў мовы да пэўных з’яў і прадметаў рэчаіснасці, стэрэатыпныя ўяўленні грамадства, што стварае ў антыпрыказках камічны эфект: *Калі мужчына – **галава** сям’і, то жанчына – яе **вочы і вушы***. Дадзены прыклад камбінуецца з прыёмам пераасэнсавання на аснове сінекдахі (“частка цела чалавека → чалавек”).

Такім чынам, для стварэння камічнага ў антыпрыказках выкарыстоўваюцца наступныя стылістычныя фігуры і тропы: каламбур

(паранамастычны, антанімічны, палісемантычны), сінтаксічны паралелізм, акратэза, антытэза, аксюмаран, гіпербала, метафара, параўнанне, перыфраз.

References:

1. Buynitskaya, T.A. Yazyikovo-stilisticheskie sredstva yumora i satiryi v publitsistike E.E. Kisha: avtoref. Dis. ...kand. Filol. Nauk / T.A. Buynitskaya; Lvovskiy gos. Un-t im. Iv. Franko. – Lvov, 1967. – 22 s.

2. Vakurov, V.N. Rechevyie sredstva yumora i satiryi v sovetskom feletone: Ucheb.- metod. Posobie dlya studentov-zaochnikov 3-4 kursov fak. I otd-niy zhurnalistiki / V.N. Vakurov. – M.: Izd-vo MGU, 1969. – 54 s.

3. Kanavalava, I.S. Da prablemyi vyiznachennya panyatstsyia "antyipryikazka" / I.S. Kanavalava // Vesnik Mazyirskaga dzyarzh. un-ta Imya I.P. Shamyakina. – 2010. – №2 (27) – S. 96.

4. Ragaŭtsoŭ, V.I. Maŭlenchae vyirazhenne kamichnaga ŭ belaruskay dramaturgii / V.I. Ragavtsov. – Maaŭlev: UA MDU Imya A.A. Kulyashova. – 2002. – 304 s.

I. Konovalova

**THE STYLISTIC FIGURES THAT ARE USED TO CREATE COMIC EFFECT IN
ANTIPROVERBS OF BELARUSIAN LANGUAGE**

Mogilev State A. Kuleshov University

Summary

The stylistic figures that are used to create comic effect in antiproverbs of Belarusian language are defined in the article. The main stylistic figures are pun (paronymous, antonymous, polysemantic), syntactic parallelism, antithesis, oxymoron, hyperbole, metaphor, simile, periphrasis.

Е.П. Маяк

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ КВАНТИТАТИВНОСТИ В БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ: НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО

УО «Минский государственный лингвистический университет»

Все виды и формы материи характеризуются количественной определённой. Познание количественного аспекта предмета своеобразно отображается в категориях и понятиях. Понятийная категория квантитативности получает выражение в семантике языка, объективируясь средствами различных уровней языка. Языковые средства вербализации квантитативных представлений демонстрируют особенности восприятия количества определенным этносом под влиянием экстра- и внутрilingвистических факторов. В белорусской лингвистике и литературоведении языковые средства выражения категории квантитативности анализируются в работах П.В. Верхова, М.А. Жидовича, А.И. Наркевича, А.Е. Супруна, А.И. Чабярук [1], [2], [3], [4], [5]. Однако категория квантитативности в белорусском языке в сопоставлении с неблизкородственными языками пока не стала отдельным предметом исследования ученых.

Настоящая статья посвящена контрастивному исследованию белорусских и английских квантитативных единиц, реализующих значение неопределенно большого количества в паремиях разноструктурных языков. Оценка неопределенно большого количества предметов и явлений действительности представлена лексическими средствами вторичной номинации. Семантический анализ паремиологических текстов (572 белорусских и 660 английских пословиц) выделил 85 белорусских и 42 английских квантитативных единиц, реализующих имплицитное значение неопределенно большого количества. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Белорусские и английские компоненты со смысловой нагрузкой неопределенно большого количества

Номинация	Группы компонентов	Белорусские компоненты, частотность	Английские компоненты, частотность
Вторичная номинация		<u>Параметры:</u> 1. Возраст: <i>стары</i> (82), <i>старасць</i> (30), <i>баба</i> = пожилая женщина (15), <i>дзед</i> = пожилой мужчина (11), <i>(на)сiвець</i> (7), <i>вялікі</i> = 'старший' (5), <i>старшы</i> (4), <i>старац</i> (4), <i>насок</i> = пожилой человек (3), <i>старуха</i> (2), <i>белы</i> (2), <i>сiвы</i> (2), <i>сiвізна</i> (2), <i>старэць</i> (2),	<u>Параметры:</u> 1. Возраст: <i>old</i> 'старика; старый' (136), <i>age</i> 'пожилые люди' (8); 2. Потяженность: а) высота: <i>high</i> 'высокий' (31), <i>height</i> 'высота, вышина' (1), <i>tall</i> 'высокий' (1); б) ширина: <i>wide</i> 'широкий' (7), <i>broad</i> 'широкий' (3),

		<i>сыпацца (валасы)</i> (1), 2. Протяженность: а) высота: <i>высокі</i> (21), <i>высокасць</i> (1), <i>пад неба</i> (1); б) ширина: <i>шырокі</i> (16), <i>тоўсты</i> (5), <i>таўстуха</i> (1); в) длинна: <i>(з)далёка</i> (51), <i>доўгі</i> = длинна (13), <i>дальні</i> (2); г) глубина: <i>глыбока</i> (3), <i>глыбокі</i> (2); д) время: <i>доўгі</i> = много время (33); 3. Вес: <i>цяжка</i> (3); 4. Объем: а) люди: <i>(т)цесна</i> (3), <i>цяснота</i> (2), <i>кішыць</i> (2), <i>набрацца</i> (2), <i>цьма</i> (1); б) изобилие продуктов: <i>хлебна</i> (3), <i>прыбываець</i> (2), <i>гара(ы)</i> (2), <i>грыбна</i> (2), <i>юшна</i> (2), <i>рыбна</i> (1), <i>паросен</i> (1), <i>малочна</i> (1), <i>дойна</i> (1), <i>красна</i> (1), <i>едка</i> (1), <i>росна</i> (1), <i>хлебародны</i> (1), <i>урадлівы</i> (1); в) материальное благополучие: <i>поўна</i> (13), <i>густа</i> (7), <i>ліцца</i> (1), <i>з горла прэ</i> (1); г) природные явления: <i>на калена</i> (3), <i>на аглабліны</i> (2); д) избыток: <i>лішні</i> (1), <i>даволі</i> (1), <i>замнога</i> (1); е) пища: <i>напіцца</i> (8), <i>сыты</i> (7), <i>наесцца</i> (4), <i>густа</i> (3), <i>абкорміць</i> (1), <i>нахлябацца</i> (1); 5. Сила: <i>вялікі</i> (2) 6. Частота: <i>часта</i> (8); 7. Достаток: <i>багаты</i> (72), <i>золата</i> (16), <i>багач</i> (10), <i>залаты</i> (8), <i>дабро</i> (7), <i>роскаш</i> (6), <i>багацтва</i> (5), <i>забагацець / пабагацець</i> (3), <i>дастатак</i> (2), <i>прыбытак</i> (1), <i>даход</i> (1), <i>грашавіты</i> (1), <i>тоўсты(карман)</i> (1); 8. Цена: <i>дарагі</i> (11);	<i>widely</i> ‘значительно, широко, сильно’ (1); в) длинна: <i>far</i> ‘дальний, далёкий; отдалённый’ (33), <i>long</i> ‘длинный’ (21), <i>afar</i> ‘далеко; вдали’ (1); г) глубина: <i>deep</i> ‘глубокий’ (8); д) время: <i>long</i> ‘долгий срок; длительный период; большой промежуток времени’ (88), <i>slowly</i> ‘медленно’ (5), <i>slow</i> ‘медленный, небыстрый’ (4); 3. Вес: <i>heavy</i> ‘тяжёлый, тяжеловесный’ (4); 4. Объем: а) люди: <i>full of</i> ‘в большом количестве’ (3); <i>full</i> ‘полный’ (1); б) изобилие продуктов: <i>rich</i> ‘изобилующий (чем-л.), богатый (чем-л.)’ (3); в) материальное благополучие: <i>full</i> ‘богатый’ (2); г) природные явления: <i>full of</i> ‘изобилующий, богатый’ (2); д) избыток: <i>abundance</i> ‘изобилие, избыток’ (4); е) человеческие качества: <i>full</i> ‘полный’ (4); <i>full of</i> ‘полный’ (2); 5. Сила: <i>strong</i> ‘сильный, обладающий большой физической силой’ (14), <i>great</i> ‘сильный, интенсивный, высокий, большой’ (1); 6. Частота: <i>often</i> ‘часто, много раз’ (44), <i>oftentimes</i> ‘часто, много раз’ (1), <i>frequent</i> ‘частый’ (1); 7. Достаток: <i>rich</i> ‘богатый’ (62), <i>gold</i> ‘золото; богатства, сокровища’ (49), <i>wealth</i> ‘богатство’ (31), <i>riches</i> ‘богатства’ (15), <i>gain</i> ‘доходы; заработок;
--	--	---	--

			барыши; выручка; прибыль' (15), <i>the rich</i> 'богатые люди,' (13), <i>golden</i> 'золотой; ценный' (8), <i>prosperity</i> 'экономическое процветание' (6), <i>profit</i> 'прибыль, доход' (5), <i>the great</i> 'богатые' (1), <i>the mighty</i> 'богатые' (1); 8. Цена: <i>dear</i> 'дорогой, дорого стоящий' (28), <i>dearly</i> 'дорого; по дорогой цене' (1), <i>costly</i> 'дорогой' (1);
--	--	--	---

Квантитативные единицы, имплицитно объективирующие сему неопределенно большого количества, были систематизированы на основании семантических параметров *возраст, протяженность, вес, объем, сила, частота, достаток, цена*:

1. Возраст – указание на большое количество лет (белорус. *стары, старасць, баба* = пожилая женщина, *дзед* = пожилой мужчина, *(на)сiвець, вялікі* = 'старший', *старшы, старац, насок* = 'пожилой человек', *старуха, белы, сiвы, сiвізна, старэць, сынацца (валасы)*; англ. *old* 'старик; старый', *age* 'пожилые люди'): *Старога вераб'я не падманеш* [6, Кн. 2, с. 226]. *Старасць не радасць* [6, Кн. 2, с. 227]. *Вось, табе, бабка, навука, не хадзі за ўнука* [6, Кн. 2, с. 95]. *Падсадзі на печ дзядулю, цябе ўнукі падсадняць* [6, Кн. 2, с. 92]. *Тады ўспакайнее, як галава пасівее* [6, Кн. 2, с. 225]. *Хоць малы, але вялікаму лапці падпляце* [6, Кн. 2, с. 320]. *Бацькоў любі, старшых паважай* [6, Кн. 2, с. 86]. *І ў стараца душа не пень: хоча хлеба і канпель* [6, Кн. 1, с. 418]. *Насок поглядае ў пясок* [6, Кн. 2, с. 228]. *І на старуху бываець праруха* [6, Кн. 2, с. 94]. *Тагды хіба перастанец, калі ўся сарока бела станець* [6, Кн. 2, с. 225]. *Тады перестанець, як галава сiва станець* [6, Кн. 2, с. 24]. *Сiвізнá ў бораду, а чорт у рабро* [6, Кн. 2, с. 226]. *Чалавек не вол – у адной кожы не старэець* [6, Кн. 2, с. 228]. *Як стануць сынацца валасы, то і памяць з галавы* [6, Кн. 2, с. 228]. *An old man in a house is a good sign* – буквально 'Старый человек в доме – это хороший знак' – 'о важности пожилых людей' [7, с. 590]. *Youth and age will never agree* – буквально 'Молодые и пожилые люди никогда не находят взаимопонимания' – 'проблема отцов и детей' [8, с. 192].

Семантический анализ паремиологических текстов выявил разное отношение белорусов и англичан к большому возрасту:

1) положительное восприятие, связанное с мудростью, накопленным опытом старших: *Стары гаворыць – гародзіць, да на праўду выходзіць* [6, Кн. 2, с. 92]. *The devil knows many things because he is old* – буквально 'Дьявол много знает, потому что он стар' – 'о могуществе дьявола' [8, с. 66];

2) отрицательное восприятие, связанное с недостатками слабого здоровья старших: *Волас **civee** – розум слабее* [6, Кн. 2, с. 226]. *Old age is hospital that takes in all diseases* – буквально ‘Старый возраст – это больница, которая предоставляет приют всем болезням’ – ‘о болезненности, дряхлости пожилых людей’ [8, с. 192].

2. Протяженность – соотношение с большой протяженностью в пространстве или во времени:

а) высота (белорус. *высокі, высокасць, пад неба* ; англ. *high* ‘высокий’, *height* ‘высота, вышина’, *tall* ‘высокий’): *Лятаў бы **васока**, ды не сокал* [6, Кн. 1, с. 342]. *Зваліўся з **высакосці** – паламаў косці* [6, Кн. 1, с. 342]. *Вырас пад неба, а дурны, як трэба* [6, Кн. 1, 242]. *The **higher** the ape goes, the more he shows his tail* – ‘Чем выше взбирается обезьяна, тем больше виден ее хвост’ – ‘чем выше общественное положение человека, тем больше выражаются его недостатки’ [9]. *High places have their precipices* – буквально ‘У высоких мест есть обрывы’ – ‘предупреждение людям, занимаемым высокие должности и беспечно относящимся к этому’ [7, с. 372]. *It is **height** makes Grantham steeple stand awry* – буквально ‘Из-за высоты колокольня Грансэм стоит криво’ – ‘речь идет о колокольне церкви Фульфрам, которая служит людям ориентиром на многие мили (высота 280 футов). Смысл пословицы заключается в том, что люди быстро замечают нечто большое, крупное и игнорируют нечто менее высокое’ [8, с. 122]. *While the **tall** maid is stooping, the little one hath swept the house* – буквально ‘Пока высокая девушка наклонится, низкая подметет дом’ – ‘о нерасторопных женах’ [7, с. 804];

б) ширина (белорус. *шырокі, тоўсты, таўстуха*; англ. *wide* ‘широкий’, *broad* ‘широкий’, *widely* ‘значительно, широко, сильно’): *У астрог дарога **шырокая*** [6, Кн. 1, с. 357]. *Вярба **таўстая**, ды ў сярэдзіне пустая* [6, Кн. 1, с. 70]. *Баба твая **таўстуха**: пірог з’ясі, пакуль абядзеш кругом* [6, Кн. 2, с. 71]. *Wide ears and a short tongue* – буквально ‘Широкие уши и короткий язык’ – ‘больше слушай, меньше говори’ [7, с. 887]. *Quick believers need **broad** shoulders* – буквально ‘Тот, кто быстро верит людям нуждается в широких плечах’ – ‘говорится в укор доверчивым, наивным людям’ [7, с. 660]. *Narrow gathered, **widely** spent* – буквально ‘Мало накоплено, широко потрачено’ – ‘богатство, накопленное излишней экономией, очень часто быстро и безрассудно тратится’ [7, с. 554];

в) длинна (белорус. *(з)далёка, доўгі = длинна, дальні*; англ. *far* ‘дальний, далёкий; отдалённый’, *long* ‘длинный’, *afar* ‘далеко; вдали’): *Намазаныя калёсы **далёка** чутны* [6, Кн. 1, с. 347]. *Пад касцёл з **доўгімі** рукамі* [6, Кн. 1, с. 419]. *Бліжні друг луччы **дальніх** двух* [6, Кн. 1, с. 382]. *Far shooting never killed bird* – буквально ‘Далекая стрельба никогда не убьет птицу’ – ‘о робких людях’ [7, с. 244]. *He should have a **long** spoon, that sups with the devil* – буквально ‘Тот, кто ужинает с дьяволом, должен запастись длинной ложкой’ – ‘связался с чёртом, вини себя’ [7, с. 480]. *He who stands high is seen from **afar*** – буквально ‘Кто высоко стоит, того далеко видать’ – ‘о вреде величия’ [8, с. 122];

г) глубина (белорус. *глыбока, глыбокі*; англ. *deep* 'глубокий'): *Ціхая свіння глыбока капае* [6, Кн. 2, 325]. *Глыбокую ваду не замуціш* [6, Кн. 1, с. 57]. *In the deepest (troubled) water is the best fishing* – буквально 'В глубокой (мутной) воде самая лучшая рыбалка' – 'что хорошо и ценно, не легко дается' [7, с. 176];

д) время (белорус. *доўгі*; англ. *long* 'долгий срок; длительный период; большой промежуток времени', *slowly* 'медленно', *slow* 'медленный, небыстрый'): *На доўгі век знойдзеца і чалавек* [6, Кн. 2, с. 19]. *It is not how long, but how well we live* – буквально 'Важно не как долго, а как хорошо мы живем' – 'о качестве жизни' [7, с. 479]. *A good judge conceives quickly, judges slowly* – буквально 'Хороший судья быстро понимает, но медленно судит' – 'о рассудительном человеке' [7, с. 414]. *Slow and (but) sure (steady) wins the race* – буквально 'Медленный но уверенный в себе человек выигрывает гонку' – 'говорится в оправдание чьей-либо медлительности или осторожных, но настойчивых, целеустремленных действий' [7, с. 744];

3. **Вес** – соотношение с большой массой (белорус. *цяжкі, цяжка*; англ. *heavy* 'тяжёлый, тяжеловесный'): *У дарозе і іголка цяжка* [6, Кн. 1, с. 284]. *A lazy sheep thinks its wool heavy* – 'Ленивой овце и собственная шерсть тяжела' – 'говорится в укор ленивым людям' [9].

4. **Объем** – соотношение с большим количеством пространства, занимаемого объектом. В данной подгруппе выделены белорусских и английских языковых единиц, вербализующих значение неопределенно большого количества и связанных со следующими образами:

а) люди (белорус. *(т)цесна, цяснота, кішыць, набрацца, цьма*; англ. *full of* 'наполненный; заполненный', *full* 'полный'): *Дзе тесна, там пацешна* [10, с. 170]. *Цяснота – не крывота* [10, с. 577]. *Дзе сала кініць, там людзей кішыць* [6, Кн. 1, с. 395]. *Нашы дзяды не зналі бяды, але ж унукі набраліся мукі* [6, Кн. 1, с. 444]. *Народу цьма, а работы няма* [6, Кн. 2, с. 290]. *A cask of wine works more miracles than a church full of saints* – буквально 'Бочка вина делает больше чудес, нежели церковь полная святых' – 'в некоторых случаях алкоголь может принести пользу' [8, с. 73]; *Hell will never be full till you be in it* – буквально 'Ад никогда не будет полон пока тебя там не появишься' – 'о безграничности ада' [7, с. 367];

б) изобилие продуктов (белорус. *хлебна, прыбываець, гара, грыбна, юшна, рыбна, паросен, малочна, дойна, красна, едка, росна, хлебародны, урадлівы*; англ. *rich* 'изобилующий (чем-л.), богатый (чем-л.)'): *Калі грыбна, дак і хлебна* [6, Кн. 1, с. 88]. *Калі ўлетку дождж рэдка бываець, тагды ў вуллі мёд прыбываець* [6, Кн. 1, с. 84]. *Сей у добру пару – збярэш хлеба гару* [6, Кн. 1, с. 126]. *Калі рыбна, дак і юшна* [6, Кн. 1, с. 151]. *Увосень і кабан паросен* [10, с. 512]. *Выбіраць карову не каб пазорная, а каб малочная* [6, Кн. 1, с. 198]. *Каторая карова ўмерла, тая к малаку дойна была* [6, Кн. 1, с. 200]. *Красна восень снапками, а зіма ўмолатам* [6, Кн. 1, с. 88]. *Рэдка, да едка* [6, Кн. 1, с. 228]. *Калі май халодны, дык год хлебародны*

[6, Кн. 1, с. 80]. *Май даждлівы – год урадлівы* [6, Кн. 1, с. 80]. *A snow year, a rich year* – буквально ‘Снежный год, богатый год’ – ‘народная примета о погоде’ [8, с. 284]. Значительное преимущества белорусских квантитативных единиц подгруппы обусловлено тем фактом, что сельское хозяйство и скотоводство играет важную роль в жизни народа;

в) материальное благополучие (белорус. *поўны, густа, ліцца, з горла пр*; англ. *full* ‘полный, налитый или наполненный до краёв’): *Каб не ежка ды адзежка, была б грошай поўна дзежка* [10, с. 244]. *Каму густа, <а каму пуста* [10, с. 264]. *Аднаму льецца, а другому нат не капае* [6, Кн. 1, с. 432]. *Аднаму аж з горла прэ, а другі з голаду мрэ* [6, Кн. 1, с. 428]. *He that has a full purse, never wanted a friend* – буквально ‘Человек с полным кошельком никогда не хочет иметь друзей’ – ‘о ложных друзьях богатых людей’ [7, с. 293];

г) природные явления (белорус. *на калена, на аглабліны*; англ. *full of* ‘изобилующий, богатый’): *Магдалена – вады на калена* [10, с. 313]. *Ядронья верабіны – восенню гразі на аглабліны* [6, Кн. 1, с. 86]. *A man of words and not of deeds, is like a garden full of weeds* – буквально ‘Человек слова, но не дела, как огород полный сорняков’ – ‘о тех, кто много обещает и мало выполняет’ [8, с. 60];

д) избыток (белору. *лішні, даволі, замнога*; англ. *abundance* ‘изобилие, избыток’): *Ад лішняй яды не будзеш багаты, а пузаты* [6, Кн. 1, с. 254]. *Солі даволі, а табакі трэба* [6, Кн. 1, с. 258]. *І добрага як замнога, то не добра* [6, Кн. 1, с. 254]. *The abundance of money ruins youth* – буквально ‘Изобилие денег портит молодежь’ – ‘о вреде, приносимом деньгами’ [7, с. 2]. *Abundance of things engenders disdainfulness* – буквально ‘Изобилие вещей порождает презрение’ – ‘о вреде богатства’ [7, с. 2].

И только в белорусские квантитативные единицы подгруппы объем встречаются в паремиях о пище (*напіцца, сыты, наесцца, густая, абкорміць, нахлябацца*): *Як на грамніцы нап’ецца певень вадзіцы, то на Юр’я наесцца вол травіцы* [6, Кн. 1, с. 96]. *Кашу вары густую, у дарогу бяры торбу не пустую* [6, Кн. 1, с. 240]. *На каляды – кілбаса, на вялікадня – сыр, а ўсё чалавек сыт* [6, Кн. 1, с. 94]. *Мікола каня абкорміць* [6, Кн. 1, с. 101]. *Зазяваешся, дык вады нахлябаешся* [6, Кн. 1, с. 174].

Особенностью английских пословиц является использование компонентов *full* ‘полный’, *full of* ‘полный’ при описании человеческих качеств: *An empty purse causes a full heart* – буквально ‘Пустой кошелек делает сердце полным волнений’ – ‘о беспокойстве, доставляемом нуждой’ [8, с. 210]. *Full of courtesy, full of craft* – буквально ‘Полный учтивости, полный ловкости’ – ‘о хитрых, коварных людях’ [7, с. 293].

5. Сила – наличие большого количества силы или интенсивности (белорус. *вялікі*; англ. *strong* ‘сильный, обладающий большой физической силой’, *great* ‘сильный, интенсивный, высокий, большой’): *Мароз вялік, стаяць не вяліць* [6, Кн. 1, с. 57]. *He that is not handsome at twenty, nor strong at thirty, nor rich at forty, nor wise at fifty, will never be handsome, strong, rich, or wise* – буквально ‘Тот, кто некрасив в двадцать, несилен в тридцать, небогат в сорок,

немудр в пятьдесят, никогда не будет красивым, сильным, богатым или мудрым' – 'о возрасте и изменениях, происходящих с человеком с возрастом' [7, с. 348]. *Great winds blow upon high hills* – буквально 'Сильные ветра дуют на больших холмах' – 'о вреде, приносимом величием, властью' [8, с. 121].

6. Частота – большое количество проявления действия (белорус. *часта*; англ. *often* 'часто, много раз', *oftentime(s)* 'часто, много раз', *frequent* 'частый'): *Хто пад кім яму канае, часта сам у яе ўпадае* [10, с. 559]. *The pitcher goes so often to the well that it is broken at last* – буквально 'Кувшин так часто ходит к колодцу, что в конце концов разбивается' – 'тот, кто пристрастился, приохотился к чему-либо дурному, от этого и пострадает' [8, с. 84]. *A tree often transplanted, bears not much fruit* – буквально 'Дерево, которое часто пересаживают, дает мало плодов' – 'о нецелесообразности некоторых изменений' [8, с. 25]. *A rich man's money hangs him oftentime* – буквально 'Деньги богатого человека часто вешают его' – 'о вреде, приносимом деньгами' [7, с. 675]. *Where men are well used, they are frequent there* – буквально 'Там людей много, где к ним хорошо относятся' – 'о важности доброты, проявляемой к людям' [8, с. 149]. В ряде паремий, в центре внимания находится количественная оценка, передаваемая данным компонентом. Она может быть усилена, если в паремии присутствует противопоставление элементов со значением малого количества или нулевого количества: *Каб такіх часта сеялі, ды рэдка ўзыходзілі* [10, с. 247]. *The hen that cackles often never lays an egg* – 'Курица, которая часто кудахчет, никогда не кладет яйца' – 'о людях, которые много говорят и мало делают' [9]; *A crow is never the whiter for washing herself often* – 'Ворона не станет белее от того, что будет часто мыться' – 'неисправимого не исправишь' [11, с. 476]. Однако, количественное значение компонентов белорус. *часта* и англ. *often (oftentimes) (oftentimes)* 'часто, много раз' в паремиях может не иметь доминирующего положения, указывая лишь на распространенность описываемого явления: *Хто пад кім яму канае, часта сам у яе ўпадае* [10, с. 559]. *Хто чужога жадае, часта (часам) сваё пакладае* [6, Кн. 2, с. 121]. *The best is oftentimes the enemy of good* – 'Лучшее часто враг хорошего' – 'от добра добра не ищут' [9]; *Into a mouth of a bad dog often falls a good bone* – 'В пасть плохой собаки часто попадает хорошая кость' – 'между заслугой и наградой малое соотношение' [11, с. 569].

7. Достаток – соотношение с большим количеством материальных благ (белорус. *багаты, золата, багач, залаты, дабро, роскаш, багацтва, забагацець / пабагацець, дастатак, прыбытак, даход, грашавіты, тоўсты(карман,; англ. rich* 'богатые люди, богатый', *gold* 'золото; богатства, сокровища', *wealth* 'богатство', *riches* 'богатства', *gain* 'доходы; заработок; барыши; выручка; прибыль', *the rich* 'богатые люди', *golden* 'золотой; ценный', *prosperity* 'экономическое процветание', *profit* 'прибыль, доход'): *Багаты рубам ходзіць* [6, Кн. 1, с. 420]. *У яго козы ходзяць ў золаце* [6, Кн. 1, с. 425]. *У багача іглы не падточыш* [6, Кн. 1, с. 423]. *Залатыя калёсцы, да цяжка везці* [6, Кн. 1, с. 274]. *Чужым дабром не забагацееш (не збагацееш)* [6, Кн. 2, 436]. *К роскашы хутка*

прывыкаць [6, Кн. 2, с. 425]. Чужым **багацтвам** сыт не будзеш [6, Кн. 2, 436]. Хутка **забагацеў**, хутка згалеў [6, Кн. 1, с. 426]. Статак робиць **дастатак** [6, Кн. 1, с. 193]. Дзе ёсць **прыбытак**, там ёсць і ўбытак [6, Кн. 1, с. 467]. Мядзведзь пот ліе, цыгану **даход** дае [6, Кн. 1, с. 163]. **Грашавіты** заўшды бедніца [6, Кн. 1, с. 422]. Карман **тоўсты**, пяньковы [6, Кн. 1, с. 418]. **Rich men may have what they will** – буквально ‘Богатые имеют все, что хотят’ – ‘о свободе и беззаботность, которую приносят деньги’ [8, с. 275]. *When we have **gold (money)**, we are in fear; when we have none we are in danger* – буквально ‘Когда у нас есть золото (деньги), мы живем в страхе; когда его нет – в опасности’ – ‘о деньгах, как об источнике опасности, страха’ [7, с. 316]. *Wealth is best known by want* – буквально ‘Человек осознает важность богатства, когда испытывает нужду’ – ‘о ценности денег для бедного человека’ [7, с. 873]. *Riches are but the baggage of virtue* – буквально ‘Богатство – это лишь багаж добродетели’ – ‘богатство – это преграда на пути добродетели’ [8, с. 276]. *Great pain and a little gain will make a man soon weary* – буквально ‘Много страданий и маленькая прибыль утомят человека’ – ‘о важности высокого дохода’ [8, с. 109]. *Counsel is to be given by the wise, the remedy by **the rich*** – буквально ‘Совет должен исходить от мудрых, а помощь – от богатых’ – ‘о хороших источниках совета и помощи’ [8, с. 5]. *Poison is poison though it comes in a **golden cup*** – буквально ‘Отрава и в золотой чаше отравы’ – ‘о необходимости быть осторожным’ [8, с. 11]. *In time of **prosperity**, friends will be plenty; in time of adversity, not one amongst twenty* – буквально ‘Во время процветания у человека много друзей; во время бедствия – ни одного среди двадцати’ – ‘о вероломных друзьях’ [7, с. 650]. *Profit gives no headache* – буквально ‘Доход не приносит головной боли’ – ‘о ценности дохода’ [8, с. 109]. *The dainties of **the great** are the tears of the poor* – буквально ‘Лакомства богатых – это слезы бедных’ – ‘о неравенстве бедных и богатых’ [8, с. 212]. *The pleasures of **the mighty** are the tears of the poor* – буквально ‘Удовольствия богатых – это слезы бедных’ – ‘о неравенстве бедных и богатых’ [8, с. 212].

Разное отношение проявляется к большому материальному достатку:

а) положительное восприятие: У судзе **багаты** рэдка вінаваты [6, Кн. 1, с. 353]. **Rich men may have what they will** – буквально ‘Богатые могут иметь все, что хотят’ – ‘преимущества богатых людей’ [8, с. 275];

б) отрицательное восприятие: Чым **багацей**, тым скупей [6, Кн. 1, с. 422]. **Riches have made more covetous men, than covetousness hath made rich men** – буквально ‘Богатства создали больше жадных людей, нежели жадность богатых’ – ‘о людской скупости’ [8, с. 123].

8. Цена – указание на большую ценность или стоимость предмета (белорус. *дарагі*; англ. *dear* ‘дорогой, дорого стоящий’, *dearly* ‘дорого; по дорогой цене’, *costly* ‘дорогой’): *Затым і смачна, што **дорага*** [6, Кн. 1, с. 466]. *Pleasure is not pleasant unless it costs **dear*** – буквально ‘Удовольствие не будет приятным если оно не стоит дорого’ – ‘доставляет счастье то, что добыто большим трудом’ [7, с. 633]. *Weigh justly and sell **dearly*** – буквально ‘Оценивай

справедливо и продавай дорого' – 'о справедливых торговых отношениях' [8, с. 34]. *Agree, for the law is costly* – буквально 'Соглашайся, потому что закон дорог' – 'о дороговизне судебных процессов' [8, с. 153].

Сопоставительное исследование лексических способов имплицитной репрезентации неопределенно большого количества в паремиологических текстах двух структурно разнотипных языков выявило наличие типологически общих и национально-специфических черт. Общим для белорусских и английских пословиц и поговорок является наличие в их составе лексических единиц, имплицитно объективирующие квантитативное значение неопределенно большого количества, посредством следующих семантических параметров: *возраст, протяженность, вес, объем, сила, частота, достаток, цена*. Изоморфным для белорусского и английского языков является соотношение возраста с указанием на большое количество лет; протяженности – с большой протяженностью в пространстве или во времени (высота, ширина, длина, глубина, время); веса – с большой массой; объема – с большим количеством пространства, занимаемого объектом; силы – с наличием большого количества силы или интенсивности; частоты – с большим количеством проявления действия; достатка – с большим количеством материальных благ; цены – с большой ценностью или стоимостью предмета. Как в белорусском, так и в английском языках квантитативные единицы, реализующие параметр *возраст*, характеризуются положительным отношением говорящего к большому количеству лет, когда речь идет о мудрости, накопленном опыте старших; отрицательное отношение – когда говорится о недостатках слабого здоровья пожилых людей. В рассматриваемых языках языковых единиц подгруппы *объем* вербализуют значение неопределенно большого количества, будучи связаны со следующими образами: люди, изобилие продуктов, материальное благополучие, природные явления, избыток чего-либо. Кроме того, в белорусских и английских паремиях проявляется как положительное, так и отрицательное отношение к большому материальному достатку.

Национально-специфическим для белорусских паремий является наличие квантитативных единиц, манифестирующих неопределенно большое количество через образ большого объема пищи либо действия, направленного на потребление большого объема пищи.

Особенностью для английского языка является использование квантитативных компонентов вторичной номинации неопределенно большого количества *full* 'полный', *full of* 'полный' при описании высокой степени интенсивности человеческих качеств.

В перспективе результаты компаративного исследования лексических средств объективации неопределенно большого количества на материале белорусских и английских паремий предоставят важный материал для выявления механизмов образного освоения количества в наивной картине мира белорусов и англичан.

References:

1. Vyarhov, P. V. LIchebnIk u belaruskay move : Paravnalna z rus. I ukr. MovamI / P. V. Vyarhov. Mn. : Vyd-va BDU, 1961. 36s.
2. ZhyidovIch, M. A. NazoŭnIk u belaruskay move: [u 2 ch.] / M. A. ZhyidovIch. MInsk: Vyd-va BDU, 1969. – Ch. 1: AdzInochnyi Ik. – 229.
3. NarkevIch, A. I. NazoŭnIk: Gramatyichnyiya kategoryiI I formyI / A. I. NarkevIch. Mn.: Vyd-va BDU Im.U. I. LenIna, 1976. 248s.
4. Suprun A. E. Obschaya harakteristika semantiki kolichestva // Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Kachestvennost. Kolichestvennost / Pod red. A. B. Bondarko. SPb.: Nauka, 1996. S. 162 170.
5. Chabyaruk, A. I. LIchebnIk u belaruskIh gavorkah / A. I. Chabyaruk. MInsk : Navuka I tehnIka, 1977. 104 s.
6. PryikazkI I pryimavkI ŷ dzvyuh knIgah. Red. A. S. FyadosIk. Mn.: "Navuka I tehnIka", 1976. – Kn. 1. 560 s. ; Kn. 2. 616 s.
7. The Oxford dictionary of English proverbs / P. F. Wilson. – 3 rd edition. – Oxford : The Clarendon Press, 1992. – 950 p.
8. The Penguin Dictionary of Proverbs / Jonathan Law. – 2 nd ed. – London: Penguin Books Ltd, 2000. 365 p.
9. 1000 English Proverbs and Sayings [Electronic resource]. UL.to, 2008. – Mode of access: <http://ebookbrowse.com/1000-english-proverbs-and-sayings-tmp4e87b130-pdfd168698681>. Date of access : 7.06.2013.
10. Lepeshaŷ, I.Ya. Tlumachalny sloŷnIk pryikazak / I. Ya. Lepeshaŷ, M.A. YakaltsevIch. – Grodna : GrDU, 2011. – 695 s.
11. Wilkinson, P.R. Thesaurus of traditional English metaphors / P.R. Wilkinson. 2nd ed. – New York: Routledge, 2002. – 2009 p.

E.P. Mayuk

REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF QUANTITY IN BELARUSIAN AND ENGLISH PROVERBS: INDEFINITELY GREAT QUANTITY

Minsk State Linguistic University

Summary

The article is dedicated to the comparative analysis of lexical quantitative components that objectify the meaning of indefinitely great quantity in the secondary nomination. The study was carried out on Belarusian and English proverbs. The author identifies common, universal features of quantity perception that provide an understanding between people of different linguocultures, on the one hand, and national-specific features that highlight the uniqueness of quantitative representation of each ethnic group, on the other hand. In perspective, the results of comparative research of lexical quantitative elements on the material of Belarusian and English proverbs will provide important material for understanding the mechanisms of development of image mastering of quantity and identifying the mechanisms that underlie quantity categorization and verbalization.

РЕАЛИЗМ. ЧЕРТЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ

УО «Белорусский государственный университет»

Введение. В данной статье речь пойдет об одной из величайших художественных систем мировой культуры и искусства – о реализме. Мы проведем краткий экскурс в историю данного феномена, а также проследим его трансформацию от зарождения до современности, что и является, на наш взгляд, весьма актуальной темой исследования

Методы, применяемые в работе: герменевтический, описательный, культурно–исторический, структурный анализ художественных текстов.

В статье мы опираемся на работы русских литературоведов и критиков, а также на мнения белорусских культурологов, так как поле нашего исследования составляет русскоязычная литература и культура Беларуси и России. Таким образом, в качестве материалов исследования использовались работы М. Е. Елизаровой, П. Басинского, Т. К. Темной раскрывающие различные аспекты реализма, исследование И. Волкова, посвященное анализу современного литературного процесса, а также труды Н. Лейдермана и М. Липовецкого, раскрывающие сущность понятия «постреализм» и исследование А. Андреева, посвященное волне «новой литературе».

Всем известно, что в XIX веке на литературной арене появилось совершенно новое направление, которому удалось раскрыть вопрос о гармонии личности и общества на основе конкретно-исторических связей. Реализм этого времени принято называть критическим. Он радикально обновил сферу поэтики и пафоса с помощью привнесения в художественное сознание диалектики. Как отмечает А. Андреев: «Отражение многогранности и «текучести» человека, соответствующих его истинной природе, позволили достичь вершинного этапа в становлении литературно-художественного сознания человечества. <...> Реализму оказывается по силам весь спектр художественных возможностей» [1, с. 110].

Реализм второй половины XIX века достиг вершин в русской литературе, развивавшейся в тесной связи с освободительным движением. Русские писатели, даже противники революции, становились «совестью» народа. Их протест против всяческих форм порабощения, в частности социального и духовного, стал импульсом к исследованию самого общества, общественных отношений, настроений духовного аристократизма и эстетства.

Центром реалистической эстетики принято считать взаимосвязь характеров и социальных обстоятельств. Ф. Энгельс выдвигал следующие требования к художнику-реалисту, которые стали потом классическими требованиями типического изображения. «Под типизацией следует понимать умение дать в образе то, что с наибольшей силой и полнотой выражает сущность данного явления или характера. Художник-реалист проделывает большую работу по отбору существенного, отбрасывает то, что является

случайным и, наоборот, усиливает, комбинирует в своем образе те черты, те качества, которые наиболее полно выражают данное явление или характер» [2, с.128]. Типизируя, писатель-реалист уже высказывает свое суждение о том, что он изображает: он судит, разоблачает или утверждает те или иные явления. Стремясь познать и объяснить мир, человеческое общество, художник-реалист должен быть на уровне достижений передовой мысли данной эпохи.

Однако не все пророчили реализму долгое существование. Как известно, Ортега-и-Гассет считал, что реализм не вечен, что его возраст не превышает двухсот лет и что искусство не может стоять на месте, поэтому со временем, с развитием искусства появляются новые концепции, которые видят в основе реализма нечто другое. Например, А. Андреев, современный литературовед, писатель Беларуси, называет отличительной особенностью реализма целостное единство информационных инстанций «тело – душа – дух», информационным источником которых является именно реальность. Теоретически реализм требует жизнеподобия, впечатления имитации, ограничения творческой фантазии определенными рамками. Все это и является предпосылками для фантастического взлета художника. Не случайно А. Андреев во главу угла ставит человека, личность. В конкретно-историческое время судьба человека была неразрывна с судьбой общества или всего человечества. Характеристики критического реализма совмещают в себе и психологические, и социально-экономические факторы, основывающиеся на типизации как основном принципе художественного обобщения. Одновременно типическое становится и социально-классовым, и общечеловеческим.

Рубеж XX–XXI вв. заметно обновил эстетическую систему русского реализма. Реализм нового, XX столетия изменил традиционную систему мотивации характера. Появилось иное, более обширное понимание среды, которая формирует личность. В это время под типичными обстоятельствами стали пониматься глобальными процессы истории. Человек (как, собственно, и литературный герой) оказывался теперь один на один с самой историей.

Вся история становления, трансформации реализма становится в художественной зависимости от решения определенной задачи – не просто показать конкретную личность во взаимосвязи с окружающим миром, со всем человечеством, а в том, чтобы осмыслить эту взаимосвязь.

В реализме также выделяется своя типизация. И. Волков говорит о том, что в границах одного «-изма» совершенно свободно могут развиваться своеобразные «под-измы». Литературовед доказывает свою теорию на примере критического реализма, который, по его мнению, стал развиваться двумя путями. Первое направление исследователи русского реализма определяют как социальный реализм, который обращается к результатам социально-исторического развития, осваивает сформировавшиеся социальные положения и нравы. Другое направление акцентирует свое внимание на человеческой самооценности, свойствах личности.

«Рядом с обновленным реализмом возникает отличная от него эстетика,

генетически восходящая к реализму. В 20-е годы она еще не доминирует, но активно развивается, словно, в тени обновленного реализма, чье становление дает явные художественные результаты» [3, с. 10]. Обновленный реализм принес в литературу и антигуманистический пафос насилия над личностью, обществом, желание разрушить весь мир вокруг себя во имя революционного идеала.

На первый план выходят уже не исследовательские функции реализма, как это было раньше, а сугубо иллюстративные. Вера в идеал завтрашнего дня становится настолько сильна, что люди могут пожертвовать всем, то есть и прошлым и настоящим, так как все, что они имеют сейчас, не будет иметь никакого значения в будущем. Романтизация будущего, его резкое противопоставление настоящему, создание в конечном счете мифа о «золотом веке» — важнейшая черта эстетики социалистического реализма. Сейчас на первом месте грезы о лучшем будущем, которое будет построено на руинах настоящего. Мысль уточняют слова В. Хализева: «соцреализм довел до абсурда представление о “типических характерах в типических обстоятельствах”» [4, с. 53].

Эти идеи, сразу же заложенные в программу нового направления, пробуждаясь и все более активно развиваясь, оказались своего рода «раковыми клетками» нового искусства. Именно они привели к перерождению нового реализма в нормативную нереалистическую эстетику на протяжении 1920–1950-х годов.

Как видно, искусство становится орудием создания некоего мифа, созданного для отвлечения от настоящей, сиюминутной жизни. Его цель можно определить, как насилие над действительностью с целью ее переустройства, воспитания нового человека, ибо искусство имеет не только способность ориентировать, но и формировать.

В СССР соцреализм стал главным творческим методом советской литературы, его провозгласили вершиной развития реализма. В этой связи термин «реализм» был использован для того, чтобы во время жесточайшей цензуры книги все-таки печатались. Действительно, во главе угла стояла общественная деятельность, это являлось своего рода пропагандой политики государства, а авторы должны были стать, по словам Сталина, «инженерами человеческих душ». Автор *воспитывает* читателя в духе преданности партии и поддерживает её в борьбе за победу коммунизма. Субъективные действия и устремления личности должны были соответствовать объективному ходу истории. Истинный же реализм не берет установку «воспитывать», он транслирует, обозначает реально существующие проблемы. Соцреализм близок модернизму, так как показывает человека только с одной стороны, той, которую можно и нужно воспитывать.

В человеке, по сути, существуют два фактора: 1) то, что в нем заложено изначально и что не поддается изменению; 2) то, что можно воспитать и развить. Последнее является полем действия соцреализма. Человек рассматривается в этом случае как представитель определенного класса. Перед

нами концепция личности, которая осознает свою принадлежность к рабочему классу и борется с правящим классом.

Как видно, реализм в разное время одной эпохи не был одинаковым. Реализм в искусстве допускал смелые эксперименты, использование новых художественных приемов с одной целью: более глубокого постижения реальности.

Ученые обнаруживают противоречия, характерные для реалистической эстетики в конце XX века: «изображение художественной реальности, очень приближенной к документальной базе и мифологизации, следование принципам исторического детерминизма и апелляция к мистике, жизнеподобная пластика и тяготение к символизации. Писателям-реалистам, стремящимся с наибольшей глубиной постигать усложнившиеся дела меж характерами и обстоятельствами, приходится значительно обновлять творческий арсенал, стараясь по возможности употреблять для решения собственных задач то, что наработано соперниками и соседями по художественному движению» [5, с. 231]. Это и объясняет сложные приемы реалистов, трансформацию самого художественного направления и зачастую трудности в изучении. Пример подобного – *феномен постреализма*, поставивший в затрудненное положение современных литературоведов, которые долгое время не могли полностью определиться в существовании и философской базе нового течения.

Современная культура и искусство – пример художественного единства классицизма, сентиментализма, романтизма, модернизма и реализма. Эта тенденция к стилевому взаимопроникновению отмечена авторами ряда статей и диссертаций последних лет.

Феномен постреализма вызвал ряд дискуссий. Например, П. Басинский, говоря о «мутации» реализма, опасается за его существование, заявляя, что «любые средние фазы меж реализмом и модернизмом ведут к смерти реализма. Его цели и смысл очень точны и не терпят никакой относительности. Если живописец согласился на произвол, на “самовыражение”, это означает, что он растерял доверие к миру, к его плану и сейчас его цели лежат совершенно в другой области и его счастье – совершенно другое» [3, с. 233]. Многие согласятся с критиком, однако, на наш взгляд, постреализм – это следующая ступень, обозначившая своим появлением новые горизонты, темы, черты, интересные для современного ценителя искусства.

Сейчас, в реалистической художественной системе преображается и меняется концепция человека, возникает новый тип психологизма, вызванный замкнутостью современного общества, попыткой переосмыслить традиционные духовные порядки. Появление новых жанров свидетельствует о характерном, особом художественном мышлении авторов. Мы отмечаем образование новых моделей повествования с нарушением пространственно-временных связей, усилением символических, знаковых частей, ассоциативных цепочек и аллюзий.

В «новом» реализме прослеживается экспериментальное отношение к

традициям, жанрово-стилевое пополнение современной реалистической прозы, изменчивость мировидения, поиск новых художественных решений, связанный с постановкой новых вопросов, которые по-прежнему служат ориентирами для творческого поиска «традиционной» литературы.

References:

1. Andreev, A. N. Hudozhestvennoe proizvedenie / A. N. Andreev // *Teoriya literatury*: uchebnyk: v 2ch. Minsk, 2010. Ch. 1.

2. Elizarova, M. E. Kriticheskiy realizm v zarubezhnoy literature XIX veka // *Istoriya zarubezhnoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka* / pod red. M. E. Elizarovoy i N. P. Mihalskoy. M., 1970.

3. Basinskiy, P. Vozvraschenie. Polemicheskie zametki o realizme i modernizme / P. Basinskiy // *Novyy Mir*. 1993. № 11. S. 230–238.

4. Halizev, V. E. Mesto i rol avangardizma, modernizma i klassicheskogo realizma v russkoy literature HH veka / V. E. Halizev // *Russkaya literatura HH–HHI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya*. M., 2002.

5. Temnaya, T. K. Realizm kak hudozhestvennaya filosofiya / T. K. Temnaya // *Rossiyskaya literatura HH–XXI vekov: trudnosti teorii i metodologii issledovaniya: materialy internatsionalnoy nauchnoy konferentsii*. 10–11 noyabrya 2004 goda. M., 2004. S. 232–237.

O. I. Novikava

REALISM. TRAITS, TRANSFORMATION

Belarusian State University

Summary

This article explores a very relevant and understudied problem on cultural studies and literary theory, namely, the question is about the phenomenon of realism as a literary system, which is actively develops and transforms in all areas of art since the XIX century to the present day. The article shows the kind of typology of realism, the main features of each stage of the development of the phenomenon, but also focuses on the current phase of realism - the notion of postrealism.

УДК 792.03(476)

М.И. Булахова

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
БЕЛОРУССКОГО АНДЕГРАУНДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

УО «Белорусский государственный университет»

Распад СССР стал переломным этапом в истории белорусского народа, возникла необходимость формирования новой системы ценностей, которая смогла бы объединить вокруг себя белорусскую нацию и способствовать формированию нового национального самосознания. Необходим был четкий концепт национального государства, который стал бы своеобразным ядром, вокруг которого создавались условия для формирования новых форм культуры. В массовом сознании по-прежнему присутствовала приверженность привычным советским идеалам, и особым маркером, обозначившим широкий круг проблем, возникающих на фоне нового пути развития и строительства новой нации, стала андеграундная культура. В ситуации поиска новой системы ценностей и попыток возрождения национального государства она явилась достойной альтернативой советской и массовой. Наиболее ярко андеграундные идеи проявились в аудиовизуальных видах искусства, поскольку в них возможно непосредственное воздействие на человека не только с помощью содержания, но и с помощью формы, способа выражения и реализации художественных идей. Театральная культура белорусского андеграунда стала весьма актуальной; к классическим канонам примешивались традиции уличных театров, а порой наблюдался полный отказ от традиций в пользу капустников, перформансов, пластического театра и театра огня [1]. Белорусский андеграунд – это еще достаточно молодое явление, а потому оно является мало изученным. Однако исследование этого феномена показывается достаточно актуальным, учитывая его распространенность, а также влияние на многие сферы искусства. Андеграундное искусство Беларуси поднимает вопросы свободы, равенства, особенностей социального положения человека, а кроме того, рассматривает альтернативные варианты формирования национального самосознания.

Идеи первой волны белорусского андеграунда (1990-2005 гг.) направлены на реанимацию творческого мышления и развитие новой самостоятельной национальной идеи. О. Коваленко указывает: «Обостренная реакция на переживаемую нацией социальную катастрофу – одна из главных характеристик современного белорусского искусства, объединяющая очень разные по своим идейно-художественным установкам творческие индивидуальности. Драматическое мироощущение имманентно искусству большинства художников и, прежде всего, проявляется в восприятии пространства современной жизни как дисгармоничного и жесткого по

отношению к человеку» [2]. Для искусства характерен отказ от штампов и традиций, идет поиск новых стилей и направлений. В андеграундном театре исчезает идея классического триединства, модернизируются формы и способы постановки и реализации творческого замысла. Особую популярность приобретает пластический театр: помимо крупных трупп, как «Инжест» и «ЕУЕ», организовываются небольшие группы. Идея передается от актера к зрителю не в вербальной форме, а с помощью жестов, танца, пластики, весь актер становится инструментом, частью художественного произведения. Грань между сценой и зрительным залом стирается, часто зритель оказывается вовлеченным в спектакль, а актер спускается в зал. Гротеск, буффонада, отказ от привычных рамок демонстрируют необходимость расширения собственного сознания. Для того, чтобы разгадать суть замысла режиссера, увидеть символы и знаки, скрытые в постановке, человек должен раскрепоститься, убрать шоры с собственного сознания. Такое свободное восприятие необходимо не только для понимания происходящего во время спектакля, но и в жизни. Для поиска новой национальной идеи необходимо вначале освободить себя от старых привычных рамок, именно в этом и заключается главная воспитательная функция театра. Формирование нового типа мышления представлялось возможным только за счет борьбы с советской и массовой системами ценностей, отказом от влияния мейн-стрима. Решение актуальных проблем общества представлялось возможным только путем публичной их демонстрации. По словам Е. Кениксберг: «Существование искусства всегда зависит от публичности. Понятие «публичность» как выражение человеческих усилий по организации общественного процесса противоречит вере в новые коммуникации и технологии, сближающие людей. Искусство в публичном пространстве в последние десятилетия претерпело значительные жанровые и технические изменения. Изменилась сама среда его существования, трансформировались политические и социальные контексты» [2]. Однако постепенно общественно-политические образы в культуре исчерпали себя. Искусству требовался новый толчок, более широкие горизонты, свежие идеи, и театральная культура андеграунда не стала исключением.

В театральной культуре второй волны (2005–2010) прослеживается постепенный отказ от революционных идей борьбы и концентрация внимания на проблемах и личных переживаниях отдельного человека. Воспитательная функция театра приобретает новый смысл: от формирования в человеке борца, готового противостоять навязанным идеалам, внимание смещается на воспитание в каждом свободной и самодостаточной личности. Наблюдается возрождение традиционных форм театральной постановки, что, однако, отнюдь не противоречит дальнейшему развитию новаторских тенденций. Идеалы национального сознания ищут в историческом прошлом Беларуси, а потому на сцене наблюдается обращение к традиционному народному театру, к древнейшим способам постановки, адаптированных для современного сознания. На авансцену выходят скоморошеские традиции, в постановках часто используются традиционные приемы уличного театра, обращается внимание и

на цирковое искусство. Примером может служить творчество огненного театра-цирка «Kresiva». Сглаживание противостояния академических норм и новаторства проявляется в их грамотном сочетании, театр с одной стороны, становится более доступным для зрителя, а с другой – не отказывается от использования символов и намеков, помогая зрителям проецировать происходящее на сцене на актуальные события.

Третья волна белорусского андеграунда объединяет в себе идеи первых двух периодов развития андеграундного искусства Беларуси, придавая этим идеям новую направленность. Громкие политические события в Беларуси в декабре 2010 г. нашли свое особенное отражение в культуре андеграунда, положив, тем самым начало новым тенденциям развития. В театральной культуре андеграунда наибольшую популярность завоевывают танцевальные постановки, в которых актуализируются такие проблемы современного общества, как свобода выбора, самостоятельность мышления и отказ от доминанты общественного мнения. Пластический театр также не теряет свою актуальность. В феврале 2013 г. проводился форум пластических и танцевальных театров Беларуси «ПлаСтформа 2013», где на суд зрителей были представлены самые новые постановки. Во многих из них прослеживается трагедия превращения творца и художника в обыденного, ничем не примечательного человека, потеря им индивидуальности. Тема борьбы и воспитания свободного человека приобретает новый характер. Идеальным образцом человека для искусства андеграунда становится личность с четко сформированной жизненной позицией, однако при этом не забывается опыт предков, наблюдаются отсылки к прошлому. Традиции уличных театров также остаются популярными. Во время форума уличных театров в сентябре 2013 г. свое искусство продемонстрировали более 25 коллективов из Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. Современные белорусские андеграундные художники развивают свое искусство, опираясь на опыт зарубежных исполнителей, заимствуя некоторые идеи и способы воплощения новаторских творческих идей. Искусство становится открытым не только для соотечественников, но и актуализирует современные проблемы Беларуси для зарубежных коллег. Развитие национальной идеи в рамках закрытого от остального мира общества не представляется возможной, андеграундная культура формируется на базе собственных художественных идей, подкрепляя их традициями и опытом мировой культуры.

Таким образом, национальная проблематика, поиск идей, способствующих национальному единству и росту национального самосознания, стали одной из центральных тем театральной андеграундной культуры. Художники андеграунда пытались предложить свой способ выхода из кризиса. На протяжении своего формирования и развития театр андеграунда прошел несколько этапов, во время которых наблюдалась смена основополагающих идей творчества.

References:

1. Belarusyi: Suchasnyiya etnakulturniyya pratsesi / G. I. KaspyarovIch // Natsiyanayalnaya akademiya navuk BelarusI, Instytut mastatstvaznaŭstva, etnagrafii I falkloru Imya K. KrapIvyi. MInsk, 2009
2. Kovalenko, O. Sovremennoe iskusstvo Belarusi // Modern art in Belarus. Amsterdam, 2000. S. 37 – 41
3. Keniksberg, E. Sovremennoe iskusstvo Belarusi – mesto na karte / E. Keniksberg// www.artkurator.com

M. I. Bulakhava

**THE FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN UNDERGROUND
THEATER CULTURE IN THE MODERN PERIOD**

Belarussian State University

Summary

Underground culture had a great influence on the formation of consciousness. In the works of Belarusian artists relevant issues of national identity searching are brought up, options for the formation of an alternative system of values are treated. The article discusses the features of the Belarusian underground art at the modern stage, highlights the main patterns of creativity and their implementation in theatrical culture.

УДК 008:659.4

С. О. Шаблинская

**КОНЦЕПТ PUBLIC RELATIONS В РАМКАХ КУЛЬТУРЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

УО «Белорусский государственный университет»

Актуальность исследования данной темы заключается в том, что развитие информационного общества на современном этапе характеризуется большой скоростью и революционными изменениями в сфере коммуникаций, которые обусловлены рядом экономических, социальных и культурных факторов. Информация приобрела новый ценностный статус, трансформировавшись в один из основных ресурсов, что привело к изменениям, затрагивающим основы социальной структуры, институтов и процессов в обществе. В связи со средствами и технологиями глобального распространения информации возросло влияние массовых коммуникаций, в том числе и Public Relations.

Актуальным сегодня является осмысление коммуникативных практик, в частности PR, в русле развивающегося информационного общества в связи с тем, что данная проблематика недостаточно разработана в современной научной литературе.

Теоретическо-методологической основой для работы стали исследования в области постиндустриального информационного общества М. Маклюэна, Д. Белла, Э. Тоффлера, Д. Иванова.

В данной работе использованы методы анализа, аналогии, наблюдения, описания, интеграции.

При рассмотрении основных теорий развития постиндустриального и информационного общества было отмечено значения информации в них. Информация является объектом развития, расширения, усложнения коммуникативного пространства. Многими исследователями, занимающимися проблемой постиндустриального и информационного общества замечена важность передачи информации от одного носителя к другому, что дает возможность предположить наличие коммуникативных технологий. М. Маклюэн отмечает: «Средство (или технологический процесс) нашего времени – электронная техника – придает новую форму и перестраивает схемы социальной взаимозависимости, а также каждый аспект нашей личной жизни...» [2, с. 341]. Данная коммуникативная технология обладает специфическими чертами, свойственными и PR: целенаправленный характер; возможность разной степени активности получателя информации; фрагментарность и предметность передаваемой информации; знаково-символическая форма; наличие единой информационно-коммуникативной среды; возможность в процессе акта коммуникации оказывать влияние на коммуниканта; возможность контролировать результат коммуникации.

До прихода постиндустриальной эпохи лидирующую позицию занимали объективистские подходы к технологиям. На современном этапе развития можно говорить о приходе новых методов, которые основываются на гуманитарном базисе человеческого опыта или на синтезе технического и гуманитарного знания. Технологии сегодня обладают субъектно-гуманитарным характером, что приближает технологический процесс к творчеству, которое является одной из составляющих PR. М. Маклюэн пишет: «Пришел конец публике – в значении великой согласованности отдельных и отличных точек зрения. Сегодня массовая аудитория (преемница «публики») может быть использована в качестве творческой, причастной силы» [2, с. 343]. Технология, как таковая, в эпоху информационного общества меняет свой облик. Анализируя ее в традиционном смысле, мы акцентируем внимание на преобразовании человеком природы. Технологии в современном, социальном смысле выделяют предметом, на который влияют – человека. М. Маклюэн по этому поводу замечает: «Средства коммуникаций, изменяя среду, вызывают в нас необычные соотношения чувственных восприятий. Расширение любого чувства изменяет образ нашего мышления и деятельности – нашего восприятия мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди» [2, с. 343]. Целью такого процесса становится изменение мнения человека или группы людей. Трансформации подвергаются круг знаний, желаний, поведения, предпочтений индивида или общества в целом, что является полем деятельности и PR.

Говорить о гуманитарных технологиях в эпоху информационного общества мы можем благодаря концепции Д. Белла, М. Маклюэна, Э. Тоффлера и других. Они отмечают ведущее значение информации. Процесс передачи и получения информации не подразумевает материальную составляющую, что так же является отличительной чертой PR.

Технологические изменения, затронувшие методы обработки и передачи информации сыграли решающую роль в трансформации социальных характеристик постиндустриального общества. Чертами нового развития стало размывание классовой структуры, выделение новых социальных групп, дифференцирующихся по уровню обладания информацией, а также увеличение во всех сферах профессиональной деятельности людей занятых в информационной сфере общественного производства.

В то время как информация трансформируется в доминирующий ресурс, повышается социальный статус групп, в чьем непосредственном владении находится доступ к информации. Представители «нового интеллектуального класса», стремясь закрепить свое положение и их деятельность направлена на стимулирование процессов технологизации коммуникативных процессов и внедрения новых информационных технологий в сферу социального управления. Борьба за обладание информацией и технологическими средствами коммуникации характерна для современного общества в связи с тем, что владение данным знанием ведет к глобальному влиянию на большие группы людей. Д. Иванов отмечает: «Наблюдая современных политиков, биржевых

брокеров, журналистов и их аудиторию нетрудно заметить: более информированный человек – это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большом числе коммуникаций» [1, с. 360]. В современном мире информация становится идолом, культом и мотивом деятельности для всех без исключения.

Таким образом, понятие коммуникативной технологии неразрывно связано с сущностными характеристиками информационного общества и особенностями его социальной структуры.

Технологии сегодня все больше задействуют знаково-символические средства, с целью влияния на социальные установки, предпочтения, желания общества. Такое развитие дает возможность развиваться большому количеству институтов, таких как PR, реклама, брендинг и так далее. Д. Иванов говорит: «Не передача данных о свойствах товара/услуги, т.е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего аффективные коннотации, приносят прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий. Создание образа – это всегда манипулирование знаками, символами, а коммуникация – это потоки символов по определению» [1, с. 362]. Отметим, что здесь мы понимаем рекламный бизнес в широком смысле этого понятия, в связи с тем, что данные характеристики свойственны всем институтам, занимающимся отношениями между «покупателем» и «продавцом». Для PR формирование выгодного и положительного образа компании, фирмы или частного лица является основополагающей задачей.

Проанализировав некоторые определения PR, нами была выявлена тенденция оценочных характеристик, описывающих его как уникальную форму коммуникации, основанную на принципах полной открытости информации, этичности, правдивости, искренности, взаимопонимания, взаимной выгоды, помощи, ответственности.

В основе главной информативной стратегии PR лежит создание у адресата убежденности в правдивости обращения. Этому служат и заверения в искренности, включенные в официальные декларации PR (начиная со «Декларации о принципах PR» Айви Ли, заложившей основу традиции позитивно-оценочных определений PR), и использование номинально незаинтересованных «третьих лиц». В этом заключается принципиальное отличие PR как коммуникативной технологии от других каналов передачи информации. Отличительной особенностью Public Relations является возможность организовать коммуникацию таким образом, чтобы убеждающая информация исходила от «третьего лица» субъекта, пользующегося доверием получателя сообщения.

Можно отметить, что PR прибегает к опосредованной коммуникации, для которой характерна субъективность, которая выражается в такой организации коммуникативного процесса, когда нужная информация поступает к адресату от третьих лиц.

В целом сущностными характеристиками PR как формы коммуникации информационном обществе является: двухсторонний характер обращения; субъектная опосредованность; использование специализированных информационных каналов; предметность PR коммуникации и ее разъясняющая направленность.

Public Relations сегодня – быстро развивающийся институт, который обладает коммуникативной и информационной составляющей. Сфера PR активно взаимодействует с другими сферами деятельности, где в основе лежит коммуникативный аспект, что расширяет возможности современного информационного общества.

References:

1. Ivanov, D. Obschestvo kak virtualnaya realnost / D. Ivanov // Informatsionnoe obschestvo. M., 2004. S. 355-427.
2. Maklyuen, M. Sredstvo samo est sodержanie / M. Maklyuen // Informatsionnoe obschestvo. M., 2004. S. 341-348.16.

S.O. Shablinskaya

**THE CONCEPT OF PUBLIC RELATIONS WITHIN THE FRAMES OF CULTURE
OF INFORMATIVE SOCIETY**

Belarusian State University

Summary

The purpose of the article is to review correlation and tendency of interrelation between phenomena of Public relations and informative society on the contemporary level of development of communicative practice.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ АНАЛИЗА «КАЧЕСТВА» ПРИБЫЛИ

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»

В современных условиях хозяйствования важнейшую роль для развития бизнеса играет прибыль, как источник самофинансирования, рыночной привлекательности и устойчивости. Можно сказать, что в прибыли обобщается влияние всех внутренних и внешних факторов, воздействующих на предприятие, поэтому увеличение массы прибыли отражает увеличение результативности его работы. Учитывая приоритет интенсивного пути развития, первоочередной задачей менеджмента является не просто наращивание суммы прибыли, а улучшение качественных характеристик ее формирования. Анализ «качества» прибыли дает возможность правильной оценки тенденций формирования прибыли как показателя эффективности, источника финансирования потребностей расширенного воспроизводства и выплаты доходов собственникам, что одновременно позволяет связать уровень финансовых результатов с качеством управления. Этим и объясняется практическая значимость данного направления аналитической работы. Вместе с тем, методологические вопросы анализа «качества» прибыли пока не проработаны в полной мере. Термин «качество прибыли» достаточно часто встречается в литературе по финансовому анализу, однако четкое, однозначное определение этого понятия отсутствует. В большинстве случаев под «качеством» прибыли понимают содержание прибыли, характер ее формирования под воздействием различных внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относятся: ситуация в секторе рынка, где предприятие представлено своей продукцией; общие финансово-экономические, политические, социальные, природно-климатические условия ведения бизнеса и др. В состав внутренних факторов включаются: учетная политика организации; производственные факторы; состав и структура прочих доходов и расходов; налоговая политика; использование эффекта операционного и финансового рычага и др.

Таким образом, в публикациях специалистов данное направление работы, выделяемое как один из этапов анализа финансовых результатов, достаточно часто упоминается вскользь, с указанием направлений оценки, которые не всегда формализованы в конкретных показателях.

В качестве обобщения научного опыта, освещенного в публикациях специалистов, для оценки «качества» прибыли целесообразно, на мой взгляд, сформировать систему из шести групп показателей, характеризующих существенные аспекты формирования прибыли предприятия (табл. 1).

Таблица 1 – Система показателей «качества» прибыли

«Качество» прибыли
Показатели, характеризующие влияние стабильности и дохода на «качество» прибыли
Показатели, характеризующие влияние структуры издержек обращения на «качество»
Показатели, характеризующие влияние структуры сбыта на «качество» прибыли
Показатели, характеризующие влияние структуры оборотных средств на «качество»
Показатели, характеризующие влияние трудового фактора на «качество» прибыли
Показатели, характеризующие влияние прочих операций на «качество»

К первой группе целесообразно отнести абсолютные и относительные показатели динамики прибыли, среднюю прибыль за ряд лет, абсолютные показатели динамики рентабельности, среднюю рентабельность за ряд лет.

Во вторую группу включаются следующие показатели: доля объемов сбыта по сниженным ценам, удельный вес непрофильных низкодоходных или убыточных видов деятельности, рентабельность продаж определенной товарной группы при снижении цены, коэффициент валовой прибыли.

Третью группу формируют отношение постоянных издержек к полным издержкам, соотношение прироста прибыли от продаж и прироста выручки, отношение прибыли от продаж к постоянным издержкам, уровень операционного рычага, запас коммерческой надежности (кромка безопасности), производственный леверидж, уровень финансового рычага, дифференциал финансового рычага.

К четвертой группе относятся доля дебиторской задолженности в общей величине оборотных активов, коэффициент оборачиваемости и период погашения дебиторской задолженности, доля безнадежных долгов в общей сумме дебиторской задолженности и в выручке, коэффициент платежеспособности.

В пятую группу целесообразно отнести соотношения фактических объемов продаж с прогнозными, коэффициенты текучести и постоянства кадров, кадровый риск, уровень квалификации на предприятии, чистую прибыль на одного работника и на одного работника управления, долю затрат на оплату труда управленческого персонала в себестоимости реализованных продукции и услуг.

И к последней группе относятся удельный вес прочих доходов в прибыли до налогообложения, соотношение результата от прочих операций с выручкой и с прибылью до налогообложения, удельный вес штрафных санкций в составе прочих операций, сопоставлении сумм уплаченных и полученных штрафов предприятием, размер доходов от оприходования материальных ценностей по

результатам инвентаризации и их удельный вес в составе прочих доходов, соотношение прибыли до налогообложения и налогооблагаемой прибыли.

Учитывая широту содержания категории «качества» прибыли и множество влияющих на нее внутренних и внешних факторов, использование предложенной системы показателей для анализа позволит формализовать процедуру оценки, повысит ее точность и объективность.

References:

1. Analiz finansovoy otchetnosti / pod red. O. V. Efimovoy, M. V. Melnik. M.: Omega-L, 2006
2. Bakanov M. I., Meleteva V. V. Otsenka kachestva pribyili torgovogo predpriyatiya // Audit i finansovyy analiz, 2002. № 4.

V. Belko

SYSTEM PERFORMANCE ANALYSIS OF THE "QUALITY" OF PROFIT

Yanka Kupala State University of Grodno

Summary

The article discusses the analysis of the "quality" of earnings. Analyzed a lot of influence on her internal and external factors.

М.В. Лысенкова

СТРАТЕГИЯ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СУЩНОСТЬ, ЗАДАЧИ И ЭТАПЫ ПОСТРОЕНИЯ

УО «Белорусский государственный экономический университет»

Современная инвестиционная политика, проводимая в организациях, не может сводиться только к удовлетворению текущих инвестиционных потребностей, вызванных необходимостью замены выбывающих активов или их прироста в связи с расширением производственной деятельности. Актуальным направлением повышения эффективности функционирования промышленности Республики Беларусь в целом и ее предприятий, в частности, в условиях неопределенности внешней среды и нехватки финансовых средств является разработка стратегии управления инвестиционными ресурсами, которые выступают определяющими факторами экономического развития субъектов бизнеса на различных уровнях экономики.

Разработка стратегии управления инвестиционными ресурсами промышленных организаций на макроуровне позволяет решить следующие задачи:

- обеспечить реализацию долгосрочных инвестиционных целей экономического и социального развития производств, крупных отраслевых бизнес-структур и малых предприятий;
- осуществить внедрение новых перспективных инновационных и инвестиционных проектов, необходимость в которых возникает в процессе динамических изменений факторов внешней среды;
- сформировать основные критерии оценки выбора важнейших инвестиционных управленческих решений;
- обеспечить реализацию менталитета эффективного инвестиционного поведения в наиболее важных стратегических решениях по формированию и использованию собственных и заемных ресурсов [1].

Разработка механизма управления инвестиционными ресурсами на микроуровне (уровне отдельной организации) позволит:

- реально оценить инвестиционные возможности отдельной бизнес-структуры (организации) и обеспечить в дальнейшем максимальное использование ее внутреннего инвестиционного потенциала;
- свести к минимуму негативные последствия воздействия неконтролируемых собственником факторов внешней среды на результат его производственно-финансовой деятельности;
- соотнести сравнительные преимущества предприятия в области инвестиционной деятельности с его непосредственными конкурентами на внутреннем и внешнем рынках;

▪ обеспечить четкую взаимосвязь стратегического, текущего и оперативного управления инвестиционной деятельностью субъектов хозяйствования [2].

В процессе проведенного исследования была разработана стратегия поэтапного управления инвестиционными ресурсами промышленных организаций, которая предусматривает реализацию блочной стратегии и включает в себя четыре этапа:

➤ этап I – оценка инвестиционной привлекательности отраслей промышленности Республики Беларусь, определяется степень инвестиционной привлекательности организаций, проводится их ранжирование на инвестиционно привлекательные и непривлекательные;

➤ этап II – обоснование путей наиболее эффективного развития инвестиционно привлекательных организаций (привлечение иностранных инвестиций, управление собственными и заемными ресурсами, выбор оптимальной структуры капитала с учетом эффективного налогообложения в части прибыли); для других предприятий разрабатывается комплекс мероприятий по повышению уровня их инвестиционной привлекательности;

➤ этап III – расчет экономического эффекта, полученного организациями вследствие оптимального выбора источников и объемов финансирования инвестиционной деятельности (прирост добавленной стоимости), прогнозируются темп роста и эффективность управления собственными инвестиционными ресурсами, а также минимизация затрат на обслуживание кредиторской задолженности при привлечении заемных ресурсов;

➤ этап IV – внедрение системы контроллинга инвестиционных ресурсов на всех стадиях инвестиционного процесса.

Стратегия управления инвестиционными ресурсами базируется в первую очередь на имеющемся и возможном уровне финансового потенциала отраслей промышленности и определяет приоритеты направлений и форм инвестиционной деятельности, характер оптимального формирования финансовых ресурсов и последовательность этапов реализации инвестиционных целей, обеспечивающих рост эффективности финансовой, инвестиционной и производственно-хозяйственной деятельности организаций.

Результаты проведенного исследования показывают, что для создания условий эффективного роста и развития производственно-экономического потенциала организации как бизнес-структуры необходимо опираться на факторы производства, основными из которых являются труд и капитал, и строить систему управления инвестиционными ресурсами через эти факторы. При этом приоритет должен отдаваться собственным инвестиционным ресурсам, размещаемым в промышленном производстве, и заемным инвестиционным ресурсам, привлекаемым через кратко- и долгосрочные кредиты и займы [3].

В качестве определяющих характеристик процесса движения инвестиционных ресурсов в сфере промышленного производства выступают следующие субъекты движения инвестиционных ресурсов:

- рынок всех видов промышленной продукции. В результате реализации своей продукции на рынке предприятие получает денежную выручку, часть которой в форме чистой прибыли, остающейся в его распоряжении и формирующей фонд накопления, может быть использована как источник инвестирования в форме собственных инвестиционных ресурсов;

- кредитно-финансовые учреждения. Посредством взаимодействия субъектов хозяйствования с кредитно-финансовыми учреждениями (банками) осуществляется привлечение заемных ресурсов в виде кратко- и долгосрочных кредитов и займов;

- бюджетные фонды. По данному направлению предприятия получают инвестиционные вложения из бюджетов республиканского, регионального, отраслевого, ведомственного (инновационный фонд) или местного уровней.

Объектами движения инвестиционных ресурсов выступают: чистая прибыль (фонд накопления), амортизационные отчисления, кредиты банков, средства инновационного фонда, бюджетные средства. Процесс движения инвестиционных ресурсов происходит в двух взаимосвязанных областях функционирования организации: внутренняя среда и внешняя среда (внутренняя среда выступает составляющим звеном внешней среды).

Совокупная величина инвестиционных ресурсов поступает на предприятие, благодаря взаимодействию последних с внешней средой, по двум основным направлениям: формирование собственных и привлечение заемных ресурсов. Образование инвестиционных ресурсов внутри предприятия без взаимодействия с внешней средой невозможно. Внутренняя среда включает непосредственно полученные инвестиционные ресурсы в собственной и заемной их формах. Таким образом, систему формирования собственных инвестиционных ресурсов необходимо строить через взаимодействие бизнес-структуры (организации) и рынка посредством производства продукции и получения выручки, а заемных ресурсов – посредством привлечения на выгодных условиях бюджетных средств, финансовых накоплений Инновационного фонда и банковских кредитов с минимизацией издержек на их обслуживание и отдачу.

Создание эффективной стратегии управления совокупной величиной инвестиционных ресурсов промышленных организаций позволяет разработать механизм управления их собственной и заемной частями. При этом в качестве инструмента измерения степени эффективности данного механизма, с учетом достигнутого уровня рентабельности организаций на современном этапе и отсутствия риска банкротства, автором исследования предлагается использование показателя добавленной стоимости.

References:

1. Lyisenkova M.V. Investitsionnyie resursyi kak faktor rosta natsionalnoy ekonomiki / M.V. Lyisenkova // Derzhava i pravo: problemyi stanovlennya i strategiya rozvitku: materialyi VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sumyi, 18-19 maya 2013 g. / Sumyi. Harkovskiy natsionalnyi universitet vnutrennih del; redkol.: S.S. Lukash [i dr.]. – Sumyi: HNUVD, 2013. – S. 716-716.

2. Lysienkova M.V. Investitsionnaya privlekatelnost predpriyatiya: metodologicheskii aspekt / M.V. Lysienkova // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki: ekonomicheskie i pravovye aspekty: materialy mezhvuzovskoy nauch.-prakt. konf. преподаvateley, aspirantov i studentov, posvyaschennoy 20-letiyu filiala, Mogilev, 18 aprelya 2013 g. / Mogilev. MF BIP; redkol.: I.V. Bozhkov [i dr.]. – Mogilev, MF BIP, 2013. – S.47-48.

3. Lysiankova, M. Management of investment resources in baking branch / M. Lysiankova, L. Pakush // Zrownowazony rozwoj lokalny – badania, doswiadczenia i praktyka: mater. nauk. / Stowarzyszenie Naukowe-Institut Gospodarki i Rynku; redakcja naukowa: A. Mickiewicz. – Szczecin, 2011. – T. II. – S. 151–157.

M. Lysiankova

**STRATEGY OF EFFECTIVE MANAGEMENT BY INVESTMENT RESOURCES
OF THE INDUSTRIAL ORGANIZATIONS: ESSENCE, TASKS AND CONSTRUCTION
STAGES**

Education establishment "Belarusian state economic university"

Summary

Summary. In article the essence and need of development of strategy of management is proved by investment resources of the industrial enterprises of Republic of Belarus. Problems of strategic planning of investment resources are revealed. Stages of creation of strategy of stage-by-stage management by investment activity in the industry are developed. Characteristics of process of movement of investment resources in the sphere of industrial production are revealed.

А.Г. Окуневич

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ В ОБУВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»

Легкая промышленность является одной из важнейших отраслей по производству потребительских товаров в промышленном комплексе Республики Беларусь, поэтому разработка направлений ее развития имеет большое значение для повышения эффективности работы не только этой отрасли, но и народного хозяйства в целом.

В настоящее время в легкой промышленности функционирует 2250 организаций (включая субъекты малого предпринимательства) различной формы собственности и ведомственной подчиненности, из них в подсекции DB «Текстильное производство» – 2073, в подсекции DC «Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви» – 177 организаций [1].

Большинство крупных организаций отрасли были созданы еще в советский период и ориентированы на удовлетворение союзных потребностей, что обуславливает несоответствие существующих масштабов и структуры их производства внутренним потребностям Республики Беларусь и соответствующего обеспечения необходимыми сырьем, энергетическими ресурсами и финансированием. Как следствие, промышленная политика отрасли была направлена на сохранение потенциальных объемов производства (в частности, посредством загрузки действующих мощностей за счет переработки давальческого сырья), «точечном» технологическом обновлении существующих производственных средств, расширение и обновление традиционного ассортимента, а также развитие собственных товаропроводящих сетей в целях активизации экспорта и сохранения позиций на внутреннем рынке страны.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) легкая промышленность входит в состав ведущих мировых отраслей промышленного комплекса.

Подсекция DC «Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви» в структуре обрабатывающей промышленности занимает 0,8 процента. Однако производство кожаных товаров является значимым для отрасли, так как служит основным сырьем для выпуска обуви, кожгалантерейных изделий и других товаров.

За 2006-2010 гг. организациями произведено обуви кожаной 50,5 млн. пар; кожтоваров хромовых – 1161805 тыс.кв.дм; кожтоваров юфтевых и жестких соответственно 101182 тыс.кв.дм и 165619 тыс.кв.дм; кожтоваров из спилка – 221226 тыс.кв.дм. [1].

В республике организации отрасли испытывают жесткую конкуренцию с завозимыми дешевыми товарами легкой промышленности кустарного производства и произведенными в странах Юго-Восточной Азии.

Необходимость продолжения работы по снижению уровня износа активной части основных производственных средств, который на 01.01.2010 составил 69,7 процента, на 01.01.2011 составил 61,4 процента.

Это один из основных факторов-ограничений для выпуска современной конкурентоспособной продукции, востребованной на внутреннем и внешнем рынках. В связи с этим одним из актуальных вопросов отрасли остается привлечение инвестиций и, в первую очередь иностранных. Наиболее остро стоит вопрос технического перевооружения организаций, основным видом деятельности которых является текстильное производство, которое требует больших капитальных вложений.

Инвестиционная деятельность организаций в 2006-2010 годах была направлена на техническое перевооружение активной части действующих производств с заменой физически и морально устаревшего оборудования на высокотехнологичное, энергосберегающее.

В 2011-2015 гг. планируемые инвестиции в основной капитал по коду ДС „Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви” - 185,1 млрд.рублей при ежегодном темпе роста 115 процентов. Доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций составит не менее 21 % [1].

Техническое переоснащение производств будет способствовать устойчивому развитию организаций отрасли, которые являются базой для дальнейшего роста объемов производства, расширения ассортимента и повышения качества выпускаемой продукции. На приобретение и установку оборудования планируется направить 80 процентов от общего объема инвестиций, что позволит, исходя из ввода и выбытия основных средств достичь, уровня износа активной части основных средств на 01.01.2016 – 39,0 процентов.

References:

1. Pokazateli funktsionirovaniya predpriyatiy legkoy promyshlennosti v Respublike Belarus/ Natsionalniy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus [Elektronnyy resurs]. - 2013. - Rezhim dostupa: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/industry1.php> – Data dostupa: 15.10.2013.

A. Okunevich

PROBLEMS OF EFFECTIVE USE OF FIXED ASSETS IN THE FOOTWEAR INDUSTRY

Yanka Kupala State University of Grodno

Summary

The article discusses the development of light industry in the Republic of Belarus. The features of the effective use of fixed assets in the footwear industry.

К.Н. Соболев

О ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ АГРОТУРИСТСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

УО «Белорусский государственный экономический университет»

Введение. На современном этапе агроэкотуризм выступает одним из самых перспективных видов деятельности в сельской местности. Он является важным фактором решения социально-экономических, экологических и психологических проблем развития сельских территорий. Для дальнейшего развития агроэкотуризма предполагается создание региональных программ, направленных на его поддержку. Однако в условиях ограниченности финансового, природно-ресурсного потенциалов составление региональных программ развития агроэкотуризма без должного обоснования размещения объектов является невыгодным и неоправданным, и, прежде всего, с экономической точки зрения. Возникает необходимость в определении наиболее перспективных районов, обладающих наибольшей туристской привлекательностью.

Материалы и методика исследований. Агроэкотуризм – несельскохозяйственный вид коммерческой деятельности по удовлетворению потребностей туриста, осуществляемый в сельской местности и ориентированный на использование ее природных, культурно-исторических и иных ресурсов. Известно, что значение агроэкотуризма характеризуется многообразием форм и масштабами проявления. На региональном и местном уровнях значение агроэкотуризма заключается в привлечении денежных ресурсов, создании новых рабочих мест, улучшении качества жизни в деревне и развитии инфраструктуры сельской местности, сохранении культуры и исторического наследия регионов, повышении квалификации сельского населения, на национальном уровне – в увеличении притока дополнительных инвестиций (в том числе иностранных), развитии как внутренних, так и внешних деловых и культурных связей, приобретении положительного туристского имиджа Беларуси, снижении безработицы как в целом по стране, так и на местах, пополнении государственного бюджета. Данный вид туризма оказывает благотворное влияние на развитие других секторов экономики, включая гостиничное хозяйство, транспорт и коммуникации, строительство, сельское хозяйство, розничную торговлю, производство и торговлю сувенирами и другие, являясь катализатором их развития.

Особая актуальность динамичного развития агроэкотуризма заключается также в том, что оно предполагает решение экологических проблем, вопросов охраны природы: производство экологически чистых продуктов питания, экологическое образование и просвещение путешественников, сохранение биоразнообразия, сохранение и восстановление природной среды, улучшение экологической обстановки в регионе.

Немаловажную роль играет агроэкотуризм и в решении культурных, социальных и психологических проблем сельских территорий: создание условий, стимулирующих повышение уровня образования и информированности местных жителей; культурное обогащение вследствие налаживания коммуникаций с отечественными и зарубежными туристами; развитие государственно-частного партнерства; укрепление единства местного сообщества; создание возможностей для закрепления молодежи на селе, в том числе, благодаря повышению социального статуса хозяев агротуристских усадеб, передаче семейного бизнеса детям.

При выполнении исследований, результаты которых обобщены в статье, использовались абстрактно-логический, монографический, экономико-математические и экспертные методы.

Результаты исследования и их обсуждение. С целью выявления наиболее перспективных и привлекательных районов агротуристских дестинаций автором предлагаются подходы к оценке агротуристской привлекательности. Алгоритм этого подхода заключается в следующем:

- 1) Выделение ключевых факторов (факторов I-ого порядка), влияющих на привлекательность агротуристских дестинаций. На наш взгляд, к числу ключевых факторов следует отнести экологическую обстановку, историко-культурное наследие, природно-ресурсный потенциал, транспортную доступность и связь, уровень социально-экономического развития, инфраструктуру спорта и туризма, уровень развития системы здравоохранения;
- 2) Присвоение ключевым факторам весовых коэффициентов. Суммарный весовой коэффициент ключевых факторов составляет 1;
- 3) Определение факторов II-ого порядка, влияющих, в свою очередь, на ключевые факторы;
- 4) Присвоение факторам II-ого порядка весовых коэффициентов. Суммарный весовой коэффициент данных факторов составляет 1;
- 5) Оценка отдельных агротуристских дестинаций по каждому фактору II-ого порядка в интервале {1,5}, при этом оценке 1 соответствует самое низкое значение, 5 – самое высокое;
- 6) Определение оценки по каждому фактору I-ого порядка в разрезе отдельных агротуристских дестинаций;
- 7) Определение итоговой оценки агротуристской привлекательности по каждой дестинации;
- 8) Проведение сравнительного анализа, позволяющего определить территории, имеющие более высокий потенциал для развития в них агротуристской деятельности.

Заключение. Описанные выше подходы могут быть полезными при планировании и организации агротуристской деятельности на региональном и национальном уровнях, для сравнительной оценки привлекательности агротуристских дестинаций. Кроме того, они могут использоваться органами государственного управления, общественными институтами, инвесторами и

самими субъектами агроэкотуризма. Применение данного подхода позволит развивать агроэкотуризм на наиболее благоприятных для этого территориях, что будет способствовать более динамичному развитию агротуристского комплекса страны.

References:

1. Luchenok, S.A. Razvitie agroturizma v sisteme mezhdunarodnyih turistskih uslug: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.14 / S. A. Luchenok; Belorus. gos. ekon. un-t. – Minsk, 2009. – 25 s.
2. Selskiy turizm Belarusi: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya / Ya. I. Anoshko [i dr.]. – Minsk.: Chetyre chetverti, 2011. – 217 s.
3. Sobol, K.N. Faktoryi intensivnogo razvitiya agroekoturizma v Respublike Belarus / K.N. Sobol // NIRS-2013: materialy XIV Mezhdunarodnoy studencheskoy konf., Grodno, 2013 g. / Grodn. gos. agrarniy un-t; pod red. V.V. Peshko. – Grodno, 2013. – S. 310- 311.

K.N. Sobal

ABOUT APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF THE ATTRACTIVENESS OF AGROTOURISM.

Belarusian State Economic University

Summary

The article shows the importance of agrotourism development in Belarus and suggests possible approaches to the assessment of attractiveness of agrotourist destinations

УДК [546.56:546.47] : [631.416:631.445.2]

А.С. Кривой

**ИЗУЧЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ СОРБЦИИ ИОНОВ ЦИНКА И МЕДИ
(II) ДЕРНОВО-ПОДЗОЛИСТОЙ СУПЕСЧАНОЙ ПОЧВОЙ С
ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДА РК-СПЕКТРОСКОПИИ**

УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Почва – это весьма специфический компонент биосферы, так как выступает как природный буфер, контролирующий перенос химических элементов и соединений в атмосферу, гидросферу и живое вещество. Тяжелые металлы, поступающие из различных источников, попадают в конечном итоге на поверхность почвы, и их дальнейшая судьба зависит от ее химических и физических свойств [1]. Дерново-подзолистые почвы – основная составляющая фонда пахотных земель Беларуси. На них приходится около 34 % сельскохозяйственных и 47 % пахотных земель [2].

Актуальность работы обусловлена необходимостью оценки риска загрязнения почвы техногенными токсикантами, разработкой защитных технологий для рационального землепользования.

Материалы и методы исследования. Отбор почвенных проб проводился в соответствии с методиками для данного объекта исследования. Основные агрохимические показатели почвы определены в соответствии с установленными методиками: определение содержания гумуса – по методу Тюрина, определение обменных форм калия в почве – по методу Я. В. Пейве, значение рН почвы – потенциометрическим методом, определение емкости катионного обмена – по методу Аскинази.

Проведен сорбционный эксперимент, в ходе которого имитировалось загрязнение почвы ионами цинка и меди (II) в интервале микроконцентраций от 1 до 200 мкг/мл. К 2 г почвы, предварительно растертой и пропущенной через 1-миллиметровое сито, загрязняли навесками $ZnCl_2$ и $CuCl_2$ различной массы, затем приливали 20 мл раствора нитрата натрия и оставляли для взаимодействия твердой фазы с раствором в течение суток. После этого раствор отфильтровывали и приступали к определению содержания катионов металлов вольтамперометрическим методом на полярографе УП-1 с применением ртутно-капельного электрода. Потенциалы восстановления для цинка $-1,2$ В, для меди (II) $-0,35$ В на хлоридно-аммиачном фоне.

Для изучения протолитических свойств исследуемых почв применяли метод бренстедовской рК-спектроскопии. Эксперименты проводили путем непрерывного потенциометрического титрования 0,01н раствором щелочи (с одновременным контролированием значения рН), позволившие получить зависимость концентрации функциональных групп от характеризующих их величин рК. Поглощения ионов Zn^{2+} и Cu^{2+} исследуемой почвой изучалось в

четырёх концентрациях: 10^{-3} , $3 \cdot 10^{-3}$, 10^{-2} , $3 \cdot 10^{-2}$ моль/л. Опыты проводили в трехкратной повторности.

Результаты и их обсуждение. Содержание гумуса составило 2,3 % (для данной почв показатель гумуса лежит в пределах от 1,5 % до 4 % в зависимости от степени окультуренности). Кислотность почвы 4,8 – единиц рН.

В таблицах 1 и 2 представлены результаты сорбционного эксперимента по изучению специфической сорбции катионов цинка и меди (II) дерново-подзолистой супесчаной почвой.

Таблица 1 – Параметры специфической сорбции ионов цинк дерново-подзолистой супесчаной почвой ($n = 3$, $p = 0,95$, $\Delta = 5-7\%$)

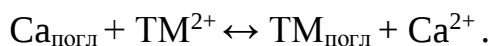
Сисх., мкг/мл	С погл., мкг/мл	Сравн., мкг/мл	% погл.	С равн., моль/л	Ксел Zn/Ca
1	0,5	0,5	53,4%	$7,2 \cdot 10^{-6}$	11,3
2	1,0	1,0	51,6%	$1,5 \cdot 10^{-5}$	10,6
5	2,4	2,6	48,6%	$4,0 \cdot 10^{-5}$	9,6
10	3,3	6,7	32,5%	$1,0 \cdot 10^{-4}$	5,0
20	4,8	15,2	24,2%	$2,3 \cdot 10^{-4}$	3,4
50	8,1	41,9	16,2%	$6,4 \cdot 10^{-4}$	2,2
100	11,5	88,5	11,5%	$1,4 \cdot 10^{-3}$	1,5
200	11,6	188,4	5,8%	$2,9 \cdot 10^{-3}$	0,7

Таблица 2 – Параметры специфической сорбции ионов меди (II) дерново-подзолистой супесчаной почвой ($n = 3$, $p = 0,95$, $\Delta = 5-7\%$)

Сисх., мкг/мл	С погл., мкг/мл	Сравн., мкг/мл	% погл.	С равн., моль/л	Ксел Cu/Ca
1	0,8	0,2	82,3%	$2,8 \cdot 10^{-6}$	43,9
2	1,6	0,4	79,5%	$6,5 \cdot 10^{-6}$	37,1
5	3,8	1,2	76,5%	$1,9 \cdot 10^{-5}$	32,2
10	6,3	3,7	63,4%	$5,8 \cdot 10^{-5}$	17,8
20	6,5	13,5	32,3%	$2,1 \cdot 10^{-4}$	4,9
50	8,2	41,8	16,4%	$6,6 \cdot 10^{-4}$	2,1
100	12,5	87,5	12,5%	$1,4 \cdot 10^{-3}$	1,6
200	8,2	191,8	4,1%	$3,0 \cdot 10^{-3}$	0,5

Установлено, что при увеличении исходных концентраций цинка в 200 раз процент сорбции дерново-подзолистой почвой изменялся от 53,4 % до 5,8 %, и от 82,3 % до 4,1 % соответственно для ионов меди.

Поглощение тяжелых металлов почвой при низких концентрациях обусловлено в основном силами специфической сорбции. Количественно сила специфической сорбции характеризуется значением параметров уравнения Фрейндлиха и значением константы ионного обмена (коэффициентом селективности (Ксел)), рассчитанные для обменной реакции тяжелого металла с поглощенным кальцием:

Константу равновесия реакции рассчитывали из предположения, что концентрации кальция в растворе остается постоянной независимо от концентрации ТМ, поскольку фоновый электролит введен в избытке по сравнению с невысокими концентрациями ТМ:

$$K_{\text{ТМ/Са}} = \frac{[\text{ТМ погл}][\text{Са}^{2+}]}{[\text{ЕКО-ТМ погл}][\text{ТМ}^{2+}]}.$$

Анализируя константы селективности цинка и меди (II), можно сделать вывод, что в области микроконцентраций (от 1 до 10 мкг/мл) более предпочтительным является поглощение ионов Cu^{2+} (значение $K_{\text{сел}}$ от 43,9 до 17,8 единиц) по сравнению с ионами Zn^{2+} (значение $K_{\text{сел}}$ от 11,3 до 5,0 единиц).

Полученные на основе данных непрерывного потенциометрического титрования рК-спектры бренстедовской кислотности использованы для определения приращения протолитической емкости (Δq , моль/г) при введении в систему исследуемых ионов металла.

Значения протолитической емкости рассчитывались по формуле:

$$q = \frac{(V_{\text{нач}} - V_{\text{кон}})}{C \cdot m}$$

где ($V_{\text{нач}} - V_{\text{кон}}$) – разность объема щелочи в диапазонах рН от 3 до 4, от 4 до 5, от 5 до 6 и т.д.;

C – концентрация ZnCl_2 или CuCl_2 ;

m – масса навески почвы равная 2 г.

Значения Δq рассчитывались как разность протолитических емкостей q (при заданных значениях рК) для пробы почвы и значением данной величины для холостой пробы. Рассмотрим полученные данные на примере Zn^{2+} (рисунок). Были построены гистограммы, отражающие зависимость приращения Δq от значения рК в диапазонах от 3 до 4, от 4 до 5, и т. д.

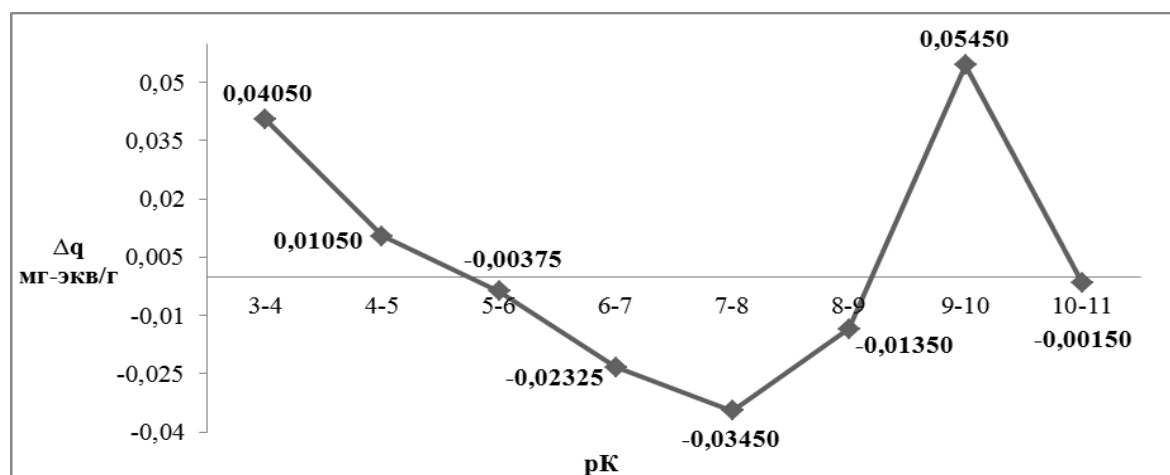

Рисунок – Зависимость приращения протолитической емкости исследуемой почвы от показателя рК при концентрации загрязнителя ZnCl_2 равной $3 \cdot 10^{-2}$ моль/л

Положительные величины Δq относятся к интервалу рК 3-5 и 9-11, отрицательные – к интервалу рК 7-9. Характерно нелинейное возрастание как положительных, так и отрицательных приращений протолитической емкости с увеличением концентрации цинка в системе.

Заключение.

Коэффициент селективности – это отношение, которое указывает на избирательное поглощение почвой катионов одного рода в ущерб катионов другого рода при равной их активности в растворе.

Параметры специфической сорбции исследуемых катионов в области концентраций от 1 до 200 мкг/мл вносимых солей свидетельствуют о приоритетном поглощении ионов меди (II) по сравнению с ионами кальция дерново-подзолистой супесчаной почвой. Ионы же цинка сорбируются в меньшей мере исследуемой почвой (значение $K_{ссл}$ от 11,3 до 5,0 единиц).

В области рК 3-5, 9-11 возрастание положительных величин Δq следует рассматривать, как следствие увеличения доли незакомплексованных ионов Zn^{2+} , которые вытесняют протон слабокислотных функциональных групп твердой фазы (карбоксильные группы органических компонентов). Возрастание отрицательных величин Δq в области рК 6-8 объясняется соответствующим увеличением степени закомплексованности ионов цинка с функциональными группами твердой фазы (аминогруппы и слабодиссоциированной карбоксильной группы).

References:

1. Moskalchuk, L. N. Sorbtionnyie svoystva osnovnyih tipov pochv, prirodnogo syirya i promyshlennyih othodov / L. N. Moskalchuk. – Minsk: Belorus. nauka, 2008. – 231 s.
2. Romanova, T.A. Pochvyi Belarusi i ih klassifikatsiya v sisteme FAO-WRB / T. A. Romanova. – Minsk, 2004. – 428 s.

A. S. Krivoy

STUDY OF THE SPECIFIC SORPTION OF ZINC AND COPPER (II) SOD-PODZOLIC SANDY LOAM SOIL USING THE METHOD OF PK-SPECTROSCOPY

Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University»

Summary

The questions specific sorption of Zn^{2+} and Cu^{2+} sod-podzolic sandy loam soil using the method of pK-spectroscopy on the example of model experiment. The values of the the increments protolytic capacity study of the sorbent. pK-spectra obtained protolytic acidity of the soil, which can serve as a basic information for solving problems associated with predicting the distribution of ions of heavy metals in soil - the soil solution.

УДК 579.68

М.Ю. Рязанова, Г.Г. Юхневич

**ПРИМЕНЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО МУТАГЕНЕЗА ДЛЯ
ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАБОТЫ ОЧИСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ**

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

В связи с ростом народонаселения, бурным развитием промышленности и сельского хозяйства вопрос охраны вод стал одной из важнейших глобальных проблем современности. В результате нерационального использования во многих странах резко ухудшилось качество питьевой воды – в ее состав включаются загрязнения в количествах, превышающих предельно допустимые концентрации [1]. Поэтому вопросы, касающиеся очистки сточных вод, в настоящее время становятся все более актуальными.

Биологическая очистка сточных вод по объемам перерабатываемых потоков является самой крупнотоннажной технологией в мире [2]. Наиболее часто она осуществляется в аэротенках – глубоких искусственных резервуарах, в которых сточная вода очищается с помощью активного ила [1]. Активный ил представляет собой сообщество микроорганизмов, главным образом бактерий и простейших, которое сформировалось естественным путем и адаптировано к определенному спектру загрязнений сточных вод [2]. Однако состав городских сточных вод может значительно изменяться, поэтому при их очистке на городских очистных сооружениях часто возникают значительные проблемы: снижение скорости очистки сточных вод, нитчатое вспухание и гибель микроорганизмов активного ила.

В связи с этим на городских очистных сооружениях возникает необходимость в создании таких сообществ микроорганизмов, которые были бы более устойчивыми к действию неблагоприятных факторов. С этой целью применяют методы химического мутагенеза.

Цель нашего исследования – выявление возможности интенсификации работы сооружений биологической очистки городских сточных вод путем применения химических мутагенов.

Объектом исследования является активный ил аэротенков городских очистных сооружений канализации г. Гродно.

Для химического мутагенеза использовали сернокислый марганец и N-нитрозо-N-метилмочевину. Для исключения возможности появления нежелательных мутаций обработке подвергалась незначительная часть активного ила – 0,00001% от общего объема. Отобранный возвратный ил отстаивался и сгущался так, чтобы концентрация его перед обработкой составляла 10 г/м³. Сгущенная иловая смесь в открытой посуде устанавливалась в шкаф с вытяжной вентиляцией и аэрировалась непрерывно аквариумным микрокомпрессором. Активный ил до обработки не подкармливался. Для

исключения активного действия мутагена на холерный вибрион, который может присутствовать в бытовых сточных водах, рН иловой смеси доводилась при помощи раствора соляной кислоты до 5,8 и аэрировалась в течение двух часов, затем рН повышалась щелочным 2%-ным раствором КОН до 7,5 при непрерывной аэрации.

В активный ил добавляли мутаген (серноокислый марганец в количестве 10 г/л, N-нитрозо-N-метилмочевину в количестве 0,8 г/л), затем смесь аэрировалась в течение 18 ч. В случае с использованием N-нитрозо-N-метилмочевины мутаген разрушался при помощи 2%-ного раствора КОН. Затем в активный ил добавляли 40 г глюкозы (подкормка) и ампульные препараты витаминов группы В в концентрации 1,0 см³ каждого на 1 дм³ иловой смеси. В этом режиме подращивания ил выдерживали 3-5 ч. Обработанная таким образом иловая смесь выливалась в аэротенк [3]. Повторные обработки (по той же схеме) проводились 4 раза с интервалом 3-5 суток.

Отбор проб активного ила производился из 4-го коридора 4-го аэротенка. Пробы отбирались до обработки активного ила мутагеном, в процессе четырехсерийной обработки мутагеном и через 3 суток после последней обработки активного ила мутагеном.

Об изменении активности ила судили по суммарному комплексу дегидрогеназ микроорганизмов. Спектрофотометрический метод определения дегидрогеназной активности ила основан на определении концентрации трифенилформаза (ТТФ), который образуется в результате присоединения к трифенилтетразолийхлористому (ТТХ) водорода [4]. При проведении исследований в качестве базового субстрата дегидрогенирования служил комплекс органических веществ сточных вод, в качестве дополнительных субстратов использовали глюкозу, пептон и нефть.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Суммарная дегидрогеназная активность ила после мутагенной обработки серноокислым марганцем увеличивается без внесения дополнительного субстрата на 24%, при внесении в качестве субстрата глюкозы – на 48%, пептона – на 45%, нефти – на 59% (таблица 1). Суммарная дегидрогеназная активность ила после мутагенной обработки N-нитрозо-N-метилмочевинной увеличивается без внесения дополнительного субстрата на 56%, при внесении в качестве субстрата глюкозы – на 70%, пептона – на 74%, нефти – на 88% (таблица 1).

Таблица 1 – Изменение дегидрогеназной активности ила аэротенка при обработке серноокислым марганцем и N-нитрозо-N-метилмочевинной

Субстрат	Дегидрогеназная активность, мг ТФФ/г ила за 3 часа	
	Серноокислый марганец	N-нитрозо-N-метилмочевина
До обработки мутагеном		
Вещества сточных вод	0,152	0,143
+ глюкоза 0,1М	0,286	0,252

+ пептон 1%	0,298	0,311
+ нефть	0,097	0,083
Первая обработка мутагеном		
Вещества сточных вод	0,149	0,128
+ глюкоза 0,1М	0,280	0,239
+ пептон 1%	0,297	0,298
+ нефть	0,076	0,067
Вторая обработка мутагеном		
Вещества сточных вод	0,156	0,149
+ глюкоза 0,1М	0,312	0,275
+ пептон 1%	0,303	0,326
+ нефть	0,095	0,105
Третья обработка мутагеном		
Вещества сточных вод	0,164	0,206
+ глюкоза 0,1М	0,328	0,414
+ пептон 1%	0,329	0,522
+ нефть	0,126	0,131
Четвертая обработка мутагеном		
Вещества сточных вод	0,187	0,221
+ глюкоза 0,1М	0,396	0,422
+ пептон 1%	0,398	0,533
+ нефть	0,146	0,146
Через 3 суток после четвертой обработки ила мутагеном		
Вещества сточных вод	0,201	0,223
+ глюкоза 0,1М	0,424	0,429
+ пептон 1%	0,431	0,540
+ нефть	0,154	0,156

Следовательно, применение методов химического мутагенеза способствует улучшению деструктивных свойств активного ила и позволяет интенсифицировать работу сооружений биологической очистки городских сточных вод. Более эффективным мутагеном в работе очистных сооружений является N-нитрозо-N-метилмочевина. Эффективность мутагенной обработки максимальна в отношении сложных органических веществ.

References:

1. Fauna aerotenkov (atlas) / otv. red. L.A. Kutikova. – L., Nauka, 1984. – 264 s.
2. Kuznetsov, A.E. Nauchnye osnovyi ekobiotehnologii (uchebnoe posobie dlya studentov) / A.E. Kuznetsov, N.B. Gradova. – M.: Mir, 2006. – 504 s.: il.
3. Zhmur, N.S. Tehnologicheskie i biohimicheskie protsessyi ochistki stochnyih vod na sooruzheniyah s aerotenkami / N.S. Zhmur. - M.: AKVAROS, 2003. - 512 s.
4. Haziev, F.H. Metodyi pochvennoy enzimologii / F.H. Haziev. – M.: Nauka, 1990.

M. Ryazanova, G. Yukhnevich

**THE USE OF CHEMICAL MUTAGENESIS TECHNIQUES FOR INTENSIFYING
THE WORK OF BIOLOGICAL TREATMENT PLANTS OF URBAN WASTE WATER**

Yanka Kupala Grodno State University

Summary

The aim of our research is to identify the possibility of intensifying the operation of biological treatment plants of urban waste water using the methods of chemical mutagenesis.

The use of chemical mutagenesis techniques improves the properties of the activated sludge and intensifies the work of biological treatment plants of urban waste water. Mutagenesis is an effective method for managing the variability of mutation in bacteria sludge. It allows to create new versions of bacterial populations that are more resistant to adverse factors.

**ОЦЕНКА ФАКТОРОВ РИСКА РАЗВИТИЯ ТЭЛА ПРИ ОСТРОМ
ТРОМБОФЛЕБИТЕ ПОДКОЖНЫХ ВЕН НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ**

УО «Белорусский государственный медицинский университет», г. Минск

Венозная тромбоэмболия (ВТЭ) продолжает оставаться одной из центральных клинических проблем, которые приходится решать врачам. Термин венозной тромбоэмболии включает в себя тромбоз глубоких вен (ТГВ) и тромбоэмболию легочной артерии и ее ветвей (ТЭЛА). Иллюстрацией того, насколько актуальна эта клиническая проблема, являются статистические данные, опубликованные в США, где ежегодно диагностируются с той или иной формой венозной тромбоэмболии более 100 человек на 100 тыс. населения [2]. В Республике Беларусь частота встречаемости тромботических поражений магистральных вен нижних конечностей, проявляющихся клиническими признаками, составляет 1,5 – 2 случая на 1000 населения (1,55 случаев среди мужчин и 1,62 случая у женщин)[1]. Существенное количество случаев остается не диагностированными. Доказательством тому служат результаты вскрытий, показывающие наличие ВТЭ. По статистике, ВТЭ является причиной 10% смертей в стационаре. При остром восходящем тромбофлебите подкожных вен нижних конечностей распространение тромботического процесса в проксимальном направлении (на область сафено-фemorального соустья и бедренную вену) может привести к тромбозу бедренной вены и возникновению ТЭЛА. Риск развития ТЭЛА при наличии тромбов в поверхностных венах требует дальнейшего изучения.

Цель исследования: изучить факторы риска развития острого тромбофлебита подкожных вен (ОТПВ) нижних конечностей и оценить степень риска развития ТЭЛА у пациентов с ОТПВ.

Материалы и методы: основу работы составили 31 пациент, находившиеся на лечении в хирургическом отделении (ХО) УЗ «3 ГКБ им. Е. В. Клумова» г. Минска в 2012 году. Для анализа применены Рекомендации Европейской Согласительной Конференции по предотвращению тромбоэмболии в хирургии (1992 г.).

Результаты и обсуждения: исследуемую группу (n=31) составили пациенты с острым тромбофлебитом подкожных вен нижних конечностей

Среди пациентов с ОТПВ нижних конечностей мужчин было 16 (51,6%), женщин – 15 (48,4%). В анализируемую группу включены пациенты в возрасте от 28 до 82 лет, из них трудоспособных мужчин - 11 (68,6%), женщин – 8 (53,0%).

Были оценены следующие факторы риска : возраст (от 41-60 (1балл), от 61-70 (2 балла), от 71 и выше (3 балла)), наличие тромбозов вен в анамнезе (3 балла), наличие отеков нижних конечностей и/или лимфостаза (1 балл), хроническая сердечная недостаточность (1 балл), варикозное расширение вен нижних конечностей (1балл), хирургические операции в анамнезе (1 балл), злокачественные новообразования в анамнезе (1 балл), нарушение в свертывающей и противосвертывающей системе крови (1 балл), инсульты в анамнезе (1 балл), инфаркт миокарда в анамнезе (1 балл), ожирение (более 20% нормальной массы тела) (1 балл), операции на органах таза (1 балл), переломы костей таза или крупных трубчатых костей (1балл). Основными факторами риска у мужчин были: отеки нижних конечностей и/или 14 (87,5%), варикозное расширение нижних конечностей 12 (75,0%), наличие хронической сердечной недостаточности 10 (62,5%); у женщин – отеки нижних конечностей и/или лимфостаз 13 (86,7%), варикозное расширение вен нижних конечностей 14 (93,3%), хроническая сердечная недостаточность 6 (40,0%) пациенток.

К группе высокой степени риска развития ТЭЛА отнесены 8 (25,8%) пациентов, из них мужчин - 3 (37,5%), женщин – 5 (62,5%). У 6 пациентов из этой группы диагностирован острый восходящий тромбофлебит нижних конечностей;

-средней - 19 (61,2%), из них мужчин - 11 (57,9%), женщин – 9 (42,1%), из них у 2 пациентов определялся ОВТПВ;

-низкой - 4 (13,0%), из них мужчин - 3 (75,0%), женщин - 1 (25,0%), ОВТПВ отсутствовал.

Выводы:

- Факторы риска не равнозначно влияют на категории риска ВТЭ при ТПВ.
- Основными факторами риска при ТПВ являются – ВРВ, отеки нижних конечностей и хроническая сердечная недостаточность.
- ОВТПВ подлежит оценке как фактор риска ТЭЛА при ТПВ

References:

1. Baeshko, A.A. Angiologiya i sosudistaya hirurgiya: kurs lektsiy/ A.A. Baeshko.3-u izd. – Minsk: BGMU, 2007. – s. 84.
2. Grinfeld, E.S. Sovremennyye podhody k lecheniyu venoznoy tromboembolii / E.S. Grinfeld : «Russkiy meditsinskiy zhurnal» 2010, № 3. - s. 45 – 49

J.V. Golyak

EVALUATION RISK FACTORS FOR DEVELOPMENT OF PULMONARY EMBOLISM AT ACUTE THROMBOPHLEBITIS OF SUBCUTANEOUS VEINS OF THE LOWER EXTREMITIES

Belarusian State Medical University, Minsk

Summary

Venous thromboembolism is still one of the primary clinical problem. This study was conducted to determine the risk factors of acute thrombophlebitis of subcutaneous veins (OTPV) of the lower extremities and evaluate the risk of pulmonary embolism in patients with OTPV.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕЧЕНИЕ ТОКСОПЛАЗМОЗА У ДЕТЕЙ*УЗ «Городская детская инфекционная клиническая больница»¹, г. Минск**УО «Белорусский государственный медицинский университет»², г. Минск*

Актуальность. Возбудитель токсоплазмоза – *Toxoplasma gondii* – относится к внутриклеточно паразитирующим простейшим. Доминирующее значение в заражении человека токсоплазмозом имеют прямой или опосредованный контакт с животными семейства кошачьих, и употребление в пищу продуктов контаминированных токсоплазмами, и не подвергающихся нормальной термической обработке. Также возможна трансплацентарная передача инфекции от матери к ребенку. Актуальность этого заболевания определяется высоким уровнем инфицированности населения токсоплазмой [1,3]. В Республике Беларусь ежегодно от 51 до 70 тысяч человек, обследованных на токсоплазмоз, оказываются серопозитивными, в 2012 году выявлено 71712 серопозитивных проб. В то же время только в 311 пробах (0,43%) выявлены иммуноглобулины класса IgM, что говорит об острой инфекции. При этом диагноз выставлен в 7 случаях [2].

Целью данного исследования явился анализ клинико-лабораторного течения различных форм токсоплазменной инфекции у детей на современном этапе.

Материалы и методы исследования. Проанализировано 25 историй болезни детей в возрасте от 1 недели до 17 лет с подтвержденным диагнозом токсоплазмоза, получавших лечение и/или находившихся на диспансерном учете в УЗ ГДИКБ г. Минска за период с 2007 по 2013 гг. Все дети в зависимости от клинической формы токсоплазмоза были разделены на две группы: 1-ая группа – дети с врожденным токсоплазмозом (7 детей) и 2-ая группа – дети с приобретенным токсоплазмозом (18 детей). Критериями включения пациентов в исследование было присутствие сведений о положительных результатах серологических (ИФА) и/или молекулярно-генетических (ПЦР) тестов на наличие токсоплазмоза. Осуществлялась оценка клинических симптомов, анализ показателей общего анализа крови (ОАК), биохимического анализа крови, иммунограммы, данных УЗИ различных систем и органов, компьютерной томографии головного мозга, данных осмотра узкими специалистами (невролог, офтальмолог) в динамике.

Результаты исследования и их обсуждение. При проведении анализа клинической картины пациентов обеих групп наблюдался характерный для данного заболевания полиморфизм проявлений, обусловленный пантропизмом возбудителя [4]. В 1-ой группе детей с врожденным токсоплазмозом (от 1 недели до 1 года) у шести (86%) была первично-хроническая форма, и лишь у одного ребенка (14%) – острая форма инфекции. У трех детей (42%) с врожденным токсоплазмозом отмечалось тяжелое поражение центральной нервной системы (ЦНС) с развитием гидроцефального синдрома, у двух из них

была выявлена кистозная трансформация головного мозга. При проведении компьютерной томографии черепа у всех трех детей были обнаружены множественные кальцинаты головного мозга. У этих детей изменения со стороны ЦНС сочетались с атрофическим хориоретинитом. У одного ребенка (6%) токсоплазменная инфекция вызвала изолированное поражение глаз в виде атрофического хориоретинита. У оставшихся троих детей (42%) из 1-ой группы основным проявлением врожденного токсоплазмоза явились некурабельные врожденные пороки сердца (ВПС). Во 2-ой группе детей с приобретенным токсоплазмозом (от 11 мес до 17 лет) встречались все варианты течения инфекции: в 56% случаях – острое, в 38% – хроническое и в 6% – латентное. Среди клинических форм у детей из 2-ой группы преобладали лимфодулярная форма (28%), атрофический хориоретинит (28%), реже встречались длительный субфебрилитет (17%), висцеральная форма (17%), увеит (5%) и бессимптомное течение (5%). Для установления возможных клинических «масок» токсоплазмоза мы проанализировали первичные диагнозы, с которыми исследуемые дети были направлены в стационар. У пациентов с врожденным токсоплазмозом данный диагноз был установлен в роддоме и детском отделении РНПЦ кардиологии, куда дети были направлены для хирургической коррекции ВПС. Тринадцать детей (72%) с приобретенным токсоплазмозом при направлении в стационар, как видно на рисунке 1, имели другой диагноз: чаще - лимфаденит различной природы (44%) и хориоретинит неустановленной этиологии (21%), реже – длительный субфебрилитет (14%) (от 1 мес до 3 лет), ЦМВ-инфекция (7%) и увеит (7%). У одного пациента (7%) поводом для госпитализации послужил гемангиоматоз печени и кожных покровов, а в процессе обследования были обнаружены IgM к *Toxoplasma gondii* и, учитывая отсутствие специфической клиники, поставлен диагноз «латентное течение токсоплазмоза».

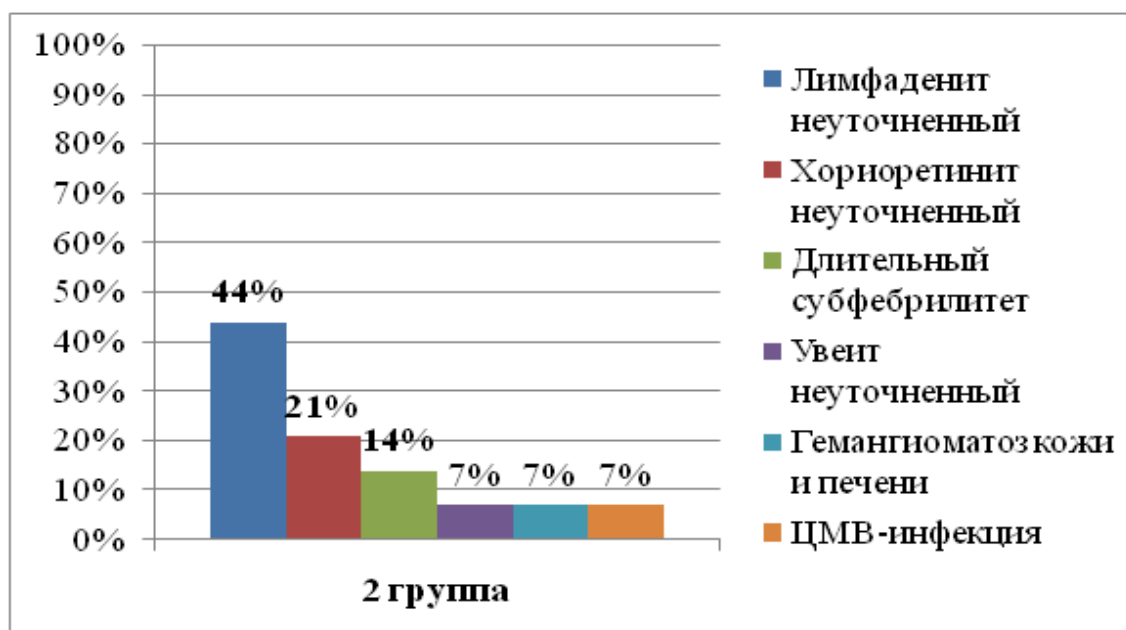

Рисунок 1 – Направительные диагнозы детей с приобретенным токсоплазмозом

У трех детей из 1-ой группы диагноз токсоплазмоза первично был установлен в связи с выраженным снижением зрения, однако у двух из них до обнаружения проблем со зрением наблюдалась неврологическая симптоматика (задержка психомоторного развития, гипертензионно-гидроцефальный синдром). Острое течение отмечалось у одного ребенка с врожденным токсоплазмозом и характеризовалось лихорадкой, лимфаденитом, и гипертензионно-гидроцефальным синдромом с последующим снижением зрения и развитием хориоретинита. У шести детей с врожденным токсоплазмозом (86%) был выявлен ВПС, у половины из них указанная патология проявилась декомпенсацией кровообращения в первые дни после рождения и, несмотря на проведенное оперативное вмешательство, оказалась не совместима с жизнью. У детей с приобретенным токсоплазмозом к самым частым начальным проявлениям инфекции относились лимфаденит в 72% случаев, у 50% детей – снижение зрения, у 33% – лихорадка и у 28% – неврологическая микросимптоматика. В период разгара и резидуальных появлений у детей с врожденным токсоплазмозом к начальным проявлениям присоединялись изменения в сердечно-сосудистой системе по данным Эхо-КГ (86%) и гепатоспленомегалия по данным УЗИ (71%). У детей с приобретенным токсоплазмозом период разгара также характеризовался изменениями на ЭКГ (38%) и гепатоспленомегалией (33%). В ОАК у 57% детей с врожденным токсоплазмозом была выявлена анемия, в то время как в ОАК у детей с приобретенным токсоплазмозом преобладали лимфоцитоз (67%) с нейтропенией (61%). В биохимическом анализе крови у большинства детей обеих групп имело место повышение АсАТ, другие тенденции четко не определялись. Детям из обеих групп было проведено иммунологическое исследование, результаты которого в 43% случаев характеризовались схожими изменениями и указывали на снижение иммунологической реактивности.

Выводы. На основании проведенных исследований выявлено, что паразитарный процесс при токсоплазмозе может варьировать от бессимптомного носительства, не требующего медикаментозного вмешательства, до манифестных форм с поражением различных органов и систем. Наиболее частыми «масками» приобретенного токсоплазмоза у детей являются лимфаденопатия, длительный субфебрилитет, различные поражение органов зрения. Установлено, что при врожденном токсоплазмозе ребенок, перенес острую генерализованную стадию внутриутробно, зачастую рождается уже с хронической формой инфекции, которая характеризуется необратимыми изменениями различных органов. Реже врожденная инфекция может протекать субклинически и проявляться через некоторое время после рождения олигофренией, хориоретинитом. Таким образом, выраженный полиморфизм клинико-лабораторных проявлений и отсутствие специфических признаков токсоплазменной инфекции у детей требует внимательного подхода к дифференциальной диагностике токсоплазмоза.

References:

1. Avdeeva, M. G. Sovremennoe techenie i osobennosti diagnostiki ostrogo priobretnennogo toksoplazmoza / M. G. Avdeeva, A. A. Konchakova // *Infektsionnyie bolezni*. 2012. – № 3. – S. 63-66.
2. «Gelmintozyi, protozoozyi, transmissivnyie zoonoznyie i zaraznyie kozhnyie zabolevaniya v Respublike Belarus» // *Informatsionnyiy byulleten*. 2012. – GU «Respublikanskiy tsentr gigenyi, epidemiologii i obschestvennogo zdravooohraneniya» MZ RB.
3. Dolgih, T. I. Znachenie Toxoplasma Gondii v razvitii limfadenopatiy u detey / T. I. Dolgih, N. A. Magda, A. Yu. Smakovskiy, F. V. Noskova // *Detskie infektsii*. 2010. – № 2. – S. 64-65.
4. Toksoplazmoz: posobie dlya vrachey / E. L. Krasavtsev, V. M. Mitsura. – Gomel: UO GGMU, 2009. – 30 s.

O. Yu. Mlyavaya¹, Galkevich N.V.²

THE MODERN ASPECT OF THE TOXOPLASMA INFECTION IN CHILDREN

Minsk Children's Clinical Hospital for Infectious Diseases¹, Minsk

Belarusian State Medical University², Minsk

Summary

In this paper we showed the results of retrospective analysis of medical histories of 25 children with definitive diagnosis of toxoplasmosis. Wanted to improve diagnosis of toxoplasmosis in children we showed the effort of found out close clinical and laboratory manifestations of this infection.

САХАРНЫЙ ДИАБЕТ, КАК ОСЛОЖНЕНИЕ ПАНКРЕАТИТА У ПАЦИЕНТОВ С ОЖИРЕНИЕМ

*УО «Белорусский государственный медицинский университет»,
УЗ «3-я ГКБ им. Е. В. Клумова»*

Сахарный диабет представляет собой метаболическое заболевание, которое может развиваться как на фоне так и вследствие поражения экзокринной части поджелудочной железы. Это может быть: панкреатит (острый или хронический), травма, панкреатэктомия, опухоль поджелудочной железы, муковисцидоз, гемохроматоз. В то же время данные крупномасштабных исследований Framingham Study, Health Professionals', Follow-Up Study, проведенных во второй половине XX века, достоверно подтвердили, что важнейшим фактором риска развития сахарного диабета второго типа (СД 2) является ожирение. Распространенность ожирения и избыточной массы тела во всем мире за последние 10 лет увеличилась и составляет 1,7 млрд. человек. Сочетание метаболических, гемодинамических нарушений и их клинические проявления при ожирении объединены понятием «метаболический синдром», который может являться одним из этиологических факторов панкреатической патологии, в частности способствовать развитию панкреатита [1]. Причинами развития острого панкреатита (ОП) могут являться: злоупотребление алкоголем, желчно-каменная болезнь, инфекционные заболевания, грибковые поражения, осложнения после операций и эндоскопических манипуляций, но в сочетании с нарушенными метаболическими процессами риск развития данного заболевания увеличивается. Возникают в различной степени нарушения экзокринной и эндокринной функции поджелудочной железы, происходит атрофия железистых элементов и замещение их соединительной тканью, что в конечном итоге может вызвать сахарный диабет [2]. Сочетание острого панкреатита с избыточной массой тела и ожирением, исходы и развивающиеся осложнения требуют дальнейшего изучения.

Цель исследования: изучить частоту развития сахарного диабета (СД 2) у пациентов с острым панкреатитом, страдающих ожирением.

Материалы и методы: В работу включены материалы обследования и лечения 62 пациентов с ОП, находившихся на лечении в хирургическом отделении УЗ «3-я ГКБ им. Е. В. Клумова» г. Минска за 2012-2013г. У всех изученных пациентов до настоящей госпитализации сахарный диабет не определялся.

Результаты и обсуждения: Основную группу составили 31 (50,0%) пациент с ИМТ 25 и более. Контрольную – 31 (50,0%) с ИМТ 18,5-24,9.

В основной группе было 19 (61,3%) мужчин и 12 (38,7%) женщин, из них трудоспособного возраста 14 мужчин и 5 женщин. При поступлении в хирургическое отделение в основной группе удовлетворительное состояние

отмечалось у 10 (32,3%) пациентов, средней степени тяжести – 20 (64,5%), тяжелое состояние – у 1 (3,2%) пациента.

Заболевание осложнилось впервые выявленным сахарным диабетом у 6 (19,4%) пациентов, из них у 5 (16,1%) диагностировано ожирение первой степени, у 1 (3,2%) - ожирение второй степени. Данное осложнение было выявлено у 2 (6,5%) мужчин и 2 (6,5%) женщин трудоспособного возраста, 2 (6,5%) женщины были пенсионного возраста. В основной группе в связи с ухудшением общего состояния потребовалось лечение в отделении интенсивной терапии и реанимации (ОИТР) 6 (19,3%) пациентам, из них у 3 (9,7%) выявлен сахарный диабет. Средняя продолжительность лечения в ОИТР составила 6 койко-дней. Средняя продолжительность лечения в стационаре составила 14 койко-дней. Сопутствующая патология со стороны сердечно-сосудистой системы (ССС) при поступлении в стационар диагностирована у 22 (70,0%), со стороны желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) - у 11 (35,5%) пациентов.

Контрольную группу составили 26 (83,9%) мужчин и 5 (16,1%) женщин, из них трудоспособного возраста 23 мужчины и 3 женщины. При поступлении в хирургическое отделение удовлетворительное состояние отмечалось у 19 (61,3%) пациентов, средней тяжести – у 12 (38,7%).

Заболевание осложнилось впервые выявленным сахарным диабетом у 1 (3,2%) мужчины трудоспособного возраста. За время лечения в связи с ухудшением общего состояния 2 пациентам потребовался перевод в ОИТР, сахарного диабета у них не выявлено. Средняя продолжительность лечения в ОИТР составила 5 койко-дней. Средняя продолжительность лечения в стационаре составила 6 койко-дней. Сопутствующая патология со стороны СССР при поступлении определялась у 10 (32,3%), со стороны ЖКТ - у 8 (25,8%) пациентов.

Выводы: У пациентов с ИМТ 25 и более, во время госпитализации по поводу острого панкреатита, впервые выявленный сахарный диабет диагностирован в 6 раз чаще, чем у пациентов с острым панкреатитом имеющих ИМТ 18,5-24,9.

Впервые выявленный СД на фоне ожирения, в большинстве случаев, встречается при тяжелом течении острого деструктивного панкреатита.

Социальная значимость изучаемой проблемы отягощается тем, что 71% с впервые выявленным СД - лица трудоспособного возраста.

References:

1. Zdorove Ukrainyi XXI vek [Elektronnyiy resurs] /- Elektron. gazeta. – Kiev, 2007. – Rezhim dostupa k gazete: <http://health-ua.com/articles/2182.html>
2. Saharnyyi diabet [Elektronnyiy resurs] / Endokrinologicheskii nauchnyiy tsentr Ministerstva zdravoohraneniya Rossiyskoy Federatsii. - Elektron. zhurnal – Moskva, 2011. – Rezhim dostupa k zhurn.: <http://cyberleninka.ru/article/n/saharnyy-diabet-voznikshiy-vsledstviyebiliarnogo-retsdiviruyuschego-pankreatita>
3. Saharnyyi diabet [Elektronnyiy resurs] / Endokrinologicheskii nauchnyiy tsentr Ministerstva zdravoohraneniya Rossiyskoy Federatsii. – Elektron. zhurnal – Moskva, 2005. –

J.V. Halturina, P.A. Zenovich

DIABETES AS A COMPLICATION OF PANCREATITIS IN PATIENTS WITH OBESITY

Belarusian State Medical University,

KM "third GKB. EV Klumov "

Summary

This article deals with the problem of diabetes due to acute pancreatitis, the frequency of manifestation of this complication, depending on the body mass index. It is shown that the first identified diabetes etiology pancreatic patients are overweight or obese, develop more compared with patients having normal weight. This complication by obesity, in most cases, is found in severe acute destructive pancreatitis, often need to resort to treatment in the intensive care unit.

РЕФЕРАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Серия «Гуманитарные науки и искусства»

Секция «Педагогика и психология»		5
УДК 377.015.3 Зубко Д.Г. Уровень конфликтности и доминирующие стратегии поведения учащихся и преподавателей колледжа Статья посвящена исследованию уровня конфликтности и доминирующих стратегий поведения учащихся и преподавателей колледжа. Сравниваются данные преподавателей и учащихся на уровень конфликтности и доминирующие стратегии поведения. Полученные результаты исследования позволяют определить формы работы по предупреждению педагогических конфликтов в образовательной среде колледжа. Табл. 1. Ил. 1. Библиогр. – 3 назв.	5	
УДК 37.033 Кучинская М.И., Сидоренко Я.В., Кремлева О.Е. Формирование экологической культуры студентов через организацию деятельности волонтерского объединения «Green sun» На факультете биологии и экологии Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» активно осуществляется процесс внедрения принципов устойчивого развития в учебный и воспитательный процесс через организацию волонтерского экологического движения «Green sun». Минимальная вовлеченность студентов в единое эколого-образовательное пространство, сформированное при участии общественной организации, позволяет существенно повысить уровень развития отдельных компонентов положительного отношения к природе, способствует развитию студенческих инициатив, привлечение внимания к экологическим проблемам, устранение информационного дефицита по той или иной экологической проблеме. Ил. 3. Библиогр – 5 назв.	10	
Секция «История и археология. Политология»		14
УДК 902/904(476) "633" Колосов А.В. О локальных культурах свидерских традиций в мезолите Восточной Беларуси Для отечественного мезолитоведения актуальным остается вопрос о характере и механизмах культурного взаимодействия, возможного возникновения и развития культур в итоге контактов древнего населения. Мезолит Восточной Беларуси рассматривался в контексте выделенных здесь в 1970 – 1980-е годы двух своеобразных локальных культур – сожской и днепро-деснинской. Современное состояние источников позволяет отказаться от прежнего мнения об автохтонном пути развития свидерских традиций в мезолите Восточной Беларуси, чему и посвящена настоящая статья. Библиогр. – 24 назв.	14	
УДК 141.821/822 Михайловский В.С. Неомарксистский исторический материализм: методология политического анализа В статье рассматриваются основные положения неомарксистского исторического материализма как методологии политического анализа. Называются основные причины возникновения неомарксистской методологии. Указываются	26	

особенности неомарксистской методологии. Предлагается широкое определение неомарксистского исторического материализма как методологии политического анализа.	
Библиогр. – 10 назв.	
УДК 902/904 "631/634" (476) Хомченко Я.Л. Новые памятники каменного и бронзового веков Кричевского Посожья (по материалам работ 2012 г.) Статья посвящена археологическим работам в 2012 г. на территории Кричевского района Могилевской области (бассейн р. Сож). В итоге была обследована группа разновременных памятников археологии, в том числе 10 стоянок каменного и бронзового веков, данные о которых впервые вводятся в научный оборот. Ил. 3. Библиогр. – 3 назв.	29
Секция «Юриспруденция и право»	
УДК 340.125/ 34.096 Караленя С.Ф., Климашин А.Г. Ноосферная экономика с точки зрения правового регулирования. Повышение качества развития инновационной инфраструктуры за счёт увеличения потенциала системы образования Автор раскрывает определение ноосферной экономики. Он сосредотачивается на принятии некоторых актов законодательства и урегулированных ими вопросов государственной инновационной политики. Научная проблема ставится как соотношение законодательства об образовании, реализации прав обучающегося с основными аспектами ноосферной экономики. Библиогр. – 7 назв.	37
УДК 34:002 Шугай А.А. Защита персональных данных: формирование и развитие научных взглядов В работе автором рассматриваются вопросы формирования и развития научных взглядов на вопросы защиты персональных данных граждан. Библиогр. – 7 назв.	40
Секция «Языкознание и литературоведение»	
УДК 811.161.3'36 Коновалова И.С. Стилистические фигуры как средство выражения комического в белорусских антипословицах В статье определяются основные стилистические фигуры, которые используются для создания комического эффекта в антипословицах белорусского языка. Основными стилистическими фигурами являются: каламбур (паронимический, антонимический, полисемантический), синтаксический параллелизм, акротеза, антитеза, оксюморон, гипербола, метафора, сравнение, перифраза. Библиогр. – 3 назв.	43
УДК (811.111 + 811.161.3)'44 Маюк Е. П. Репрезентация категории квантитативности в белорусских и английских паремиях: неопределенно большое количество Статья посвящена контрастивному анализу белорусских и английских лексических квантитативных компонентов, реализующих значение неопределенно большого количества во вторичной номинации. Исследование проведено на материале паремиологических текстов структурно разнотипных языков. Авторами выявляются типологически общие черты восприятия количества, а на их фоне – национально-специфические особенности, которые подчеркивают уникальность количественных представлений каждого этноса. В перспективе результаты компаративного исследования лексических квантитативных единиц на материале белорусских и	47

английских паремий предоставят важный материал для выявления механизмов образного освоения количества в наивной картине мира белорусов и англичан. Табл. 1. Библиогр. – 11 назв.	
УДК 821.161.1.02"20"+821.161.1(476)02"20" Новикова О.И. Реализм. Черты, трансформации В данной статье исследуется весьма актуальная и малоизученная проблема по культурологии и теории литературы, а именно, речь идет о феномене реализма как художественной системе, которая, начиная с XIX века и по сей день, активно развивается и трансформируется во всех сферах искусства. В статье показана своеобразная типология реализма, основные черты каждого этапа развития феномена, а также уделяется внимание современной фазе реализма – понятию постреализм. Библиогр. – 5 назв.	57
Секция «Искусствоведение и культурология»	
УДК 792.03(476) М.И.Булахова Особенности развития театральной культуры белорусского андеграунда на современном этапе Андеграундная культура оказала большое влияние на формирование сознания, в произведениях белорусских художников поднимаются актуальные вопросы поиска национальной идентичности, рассматриваются варианты формирования альтернативной системы ценностей. В статье рассматриваются особенности развития белорусского андеграундного искусства на современном этапе, выделяются основные закономерности творчества и их воплощение в театральной культуре. Библиогр. – 3 назв.	62
Секция «Реклама. Связь с общественностью»	
УДК 008:659.4 Шаблинская С.О. Концепт Public Relations в рамках культуры информационного общества В данной работе рассмотрено соотношение и тенденции взаимодействия феноменов Public Relations и информационное общество на современном этапе развития коммуникативных практик. Библиогр. – 2 назв.	66
Серия «Экономические науки»	
УДК 33.054.22 Белко В.В. Система показателей анализа «качества» прибыли В статье рассматривается вопрос анализа «качества» прибыли. Проанализировано множество влияющих на нее внутренних и внешних факторов. Табл. 1. Библиогр. – 2 назв.	70
УДК 330.322.21 Лысенкова М.В. Стратегия эффективного управления инвестиционными ресурсами промышленных организаций: сущность, задачи и этапы построения Аннотация. В статье обоснована сущность и необходимость разработки стратегии управления инвестиционными ресурсами промышленных предприятий Республики Беларусь. Выявлены задачи стратегического планирования инвестиционных ресурсов. Разработаны этапы построения стратегии поэтапного управления инвестиционной деятельностью в промышленности. Выявлены характеристики процесса движения инвестиционных ресурсов в сфере промышленного производства. Библиогр. – 3 назв.	73
УДК 658.27:685.34 Окуневич А.Г. Проблемы эффективного использования основных средств в	77

обувной промышленности В статье рассматривается развитие легкой промышленности в Республике Беларусь. Проанализированы особенности эффективного использования основных средств в обувной промышленности. Библиогр. – 1 назв.	
УДК 338.48-44 Соболь К.Н. О подходах к оценке агротуристской привлекательности В статье показано значение развития агроэкотуризма в Беларуси, предложены подходы, позволяющие оценить привлекательность агротуристских дестинаций. Библиогр. – 3 назв.	79
Серия «Химические науки и науки о Земле»	
УДК [546.56:546.47] : [631.416:631.445.2] Кривой А. С. Изучение специфической сорбции ионов цинка и меди (II) дерново-подзолистой супесчаной почвой с применением метода рК-спектроскопии Рассматриваются вопросы специфической сорбции ионов Zn^{2+} и Cu^{2+} дерново-подзолистой супесчаной почвой с применением метода рК-спектроскопии на примере модельного эксперимента. Рассчитаны значения приращения протолитической емкости исследуемого сорбента. Получены рК-спектры протолитической кислотности почвы, которые могут служить в качестве базовой информации при решении вопросов связанных с прогнозированием распределения ионов тяжелых металлов в системе почва – почвенный раствор. Табл. 2. Ил. 1. Библиогр – 2 назв.	82
Серия «Биологические науки»	
УДК 579.68 Рязанова М.Ю., Юхневич Г.Г. Применение химического мутагенеза для интенсификации работы очистных сооружений Цель нашего исследования — выявление возможности интенсификации работы сооружений биологической очистки городских сточных вод путем применения химических мутагенов. Для химического мутагенеза использовали сернистый марганец и N-нитрозо-N-метилмочевину. Применение методов химического мутагенеза способствует улучшению деструктивных свойств активного ила и позволяет интенсифицировать работу сооружений биологической очистки городских сточных вод. Более эффективным мутагеном в работе очистных сооружений является N-нитрозо-N-метилмочевина. Эффективность мутагенной обработки максимальна в отношении сложных органических веществ. Табл. 1. Библиогр. – 4 назв.	86
Серия «Медицинские науки»	
УДК 616.14 – 002 – 036.11:617,58]:616.131 – 005,7 Голяк Ю.В. Оценка факторов риска развития тэла при остром тромбофлебите подкожных вен нижних конечностей Венозная тромбоэмболия (ВТЭ) продолжает оставаться одной из центральных клинических проблем, которые приходится решать врачам. Данное исследование проведено для определения основных факторов риска развития острого тромбофлебита подкожных вен (ОТПВ) нижних конечностей и оценить степень риска развития ТЭЛА у пациентов с ОТПВ. Библиогр. – 2 назв.	90
УДК 616.993.192.1-053.2 Млявая О.Ю., Галькевич Н.В. Современный взгляд на течение	92

токсоплазма у детей

В статье приведены результаты ретроспективного анализа 21 истории болезни детей с установленным диагнозом токсоплазменной инфекции. Отражена попытка установления схожих клинических признаков и тенденций лабораторных изменений у детей с различными формами и вариантами течения токсоплазмоза для улучшения диагностики данного заболевания.

Ил. 1. Библиогр. – 4 назв.

УДК 616.43;616-008.9;616.39

Халтурина Ю.В., Зенович П.А. Сахарный диабет, как осложнение панкреатита у пациентов с ожирением

В данной статье рассматривается проблема возникновения сахарного диабета вследствие острого панкреатита, частота проявления данного осложнения в зависимости от индекса массы тела. Показано, что впервые выявленный сахарный диабет панкреатической этиологии у пациентов, имеющих избыточную массу тела или ожирение, развивается чаще по сравнению с пациентами, имеющими нормальную массу тела. Данное осложнение на фоне ожирения, в большинстве случаев, встречается при тяжелом течении острого деструктивного панкреатита, чаще необходимо прибегать к лечению в отделении интенсивной терапии и реанимации.

Библиогр. – 3 назв.

Научное издание

НАУЧНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ

Молодежный сборник научных статей

ВЫПУСК №7

*Ответственный за выпуск: В.В. Казбанов
Технический редактор, верстка: Ю.М. Сафонова*

Формат 62х84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая
Гарнитура «Таймс»
Усл. печ. л. 4. Уч. изд. л. 4,3. Тираж 20 экз.
Подписано к печати 14.11.2013 г.

УП «Энциклопедикс»
Лицензия ЛИ 02330/0630750 от 21.12.2010 г.
220030, Минск, ул. К. Маркса 15, 203А
Тел./факс 328 45 39
E-mail: encyclopedix@tut.by
